УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Выпуск 1-й

СБОРНИК СТАТЕЙ ИЗ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ХАРЬКОВ. 1920 г.

От редакции.

В ходе мировой коммунистической революции гражданской войне панской Польши с рабоче-крестьянскими республиками России и Украины суждено занять видное место. Мы сочли полезным собрать в один сборник материалы, освещающие этот момент натиска империалистов на советские республики.

Настоящий сборник составлен из статей советской прессы и воззваний рабоче-крестьянских правительств. Поскольку позволяли ограниченные размеры сборника, в него мы ввели все статьи советской прессы, наиболее всесторонне освещающие вопросы, связанные с данным этапом международной гражданской войны. Мы считали тем более целесообразным составление такого сборника, чем ярче вырисовались в последние времена борьбы на западном фронте крупнейшие события мирового характера. Газеты издаются в ограниченном количестве и их распространение по необходимости принимает характер стенной расклейки, между тем нередко газетные статьи имеют далеко не однодневное значение.

Вот причины, которые побудили нас приступить к изданию сборника, первый выпуск которого мы представляем вниманию рабочих и крестьян.

План расположения материала ясен. Достаточно просмотреть оглавление сборника.

Подбор материала, его собирание, группировка, словом, вся работа по сборнику производилась сотрудником Всечапата, т. Волиным.

Выпуск сборника предполагался значительно ранее, но технические обстоятельства замедлили его издание.

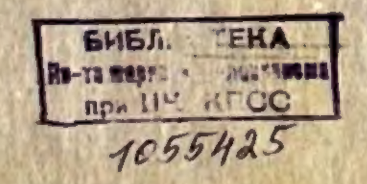
Изложение событий гражданской войны с панской Польшей доведено до середины июня,—времени начала разгрома панских войск.

Сборник заканчивается следующими словами военного обзора:

„В общем итоге из исхода весенней кампании можно утверждать, что мы не только остановили польское наступление, но в значительной степени истрепали польскую армию и создали благоприятную стратегическую обстановку летнего наступления. Захват же разграбленного, разрушенного многострадального Киева создал нам в связи с стратегической обстановкой лучшую политическую конъюнктуру“.

Первый период борьбы закончен. В дальнейшем идет окончательное очищение советской территории от белогвардейских польских войск, их разложение и усиленное отступление-бегство, победоносное шествие Красной армии, переполох в империалистических кругах Антанты и их попытки задержать окончательный разгром польских белогвардейцев. Это уже второй период борьбы. Ему может быть посвящен второй выпуск сборника, если это позволят наши бумажные и типографские возможности.

Август 1920 г.



МАНИФЕСТ

4-го Всеукраинского С'езда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

Крестьянам, рабочим, воинам Красной армии и всем трудящимся Украины.

Товарищи!

Нам навязали новую войну. Против нас пошли походом польские паны.

В тяжелой борьбе с нашими вековыми врагами и угнетателями мы разбили цепи рабства и вырвались из кабалы. Земля, которую веками поливали своим потом наши предки, земля, на которой годами трудились и трудимся мы сами, стала нашей. Русские и украинские помещики и капиталисты изгнаны нами. Угольные шахты, фабрики, заводы, прежде принадлежавшие бельгийским, французским и другим купцам, стали собственностью рабочих и крестьян Украины. Сахарные заводы, мельницы, поместья, конные заводы, молочные хозяйства—все это перешло в собственность трудящихся Украины.

Но с этим ни как не хотят примириться наши бывшие угнетатели. Украинские помещики разбиты, но они не сдаются, они не хотят примириться со своей участью. Они бегут за помощью к своим собратьям—помещикам других стран. Они бьют челом генералам и богачам тех стран, где у власти стоят еще капиталисты, и просят их выручать из беды.

Приказчиком украинской шайки помещиков, у которых мы отняли земли, является пан Петлюра—„головной атаман“ украинских войск, как он себя называет. Вы помните прекрасно, товарищи, как этот „генерал“ Петлюра привел сначала на Украину грабителей немцев, посланных палачем Вильгельмом, бывшим германским царем.

Когда эта ставка была бита, когда рабочие и крестьяне Украины прогнали чужеземные войска, украинские кулаки продались русским помещикам во главе с гетманом Скоропадским, который отнял у украинских крестьян землю, расстреливал и вешал рабочих и крестьян направо и налево. За об'едки с барского стола Скоропадского эти люди готовы были продать всю Украину.

Когда в Германии произошла революция и Вильгельма и его шайку прогнали, пан Петлюра поклонился в ножки французским банкирам, привел французские и английские военные корабли к берегам Черного моря и затем добился высадки на украинскую землю международного сброда белогвардейцев—греков и румын.

Теперь революция начинается и во Франции, и в Англии. Английские и французские рабочие не позволяют своим буржуазным правительствам посылать войска против рабочих и крестьян Украины и России. Но украинские контрреволюционеры и их вождь Петлюра не унывают. Они нашли нового покровителя: они обратились к польским панам и заключили с ними сделку. Польские белогвардейцы должны „освободить“ Украину, т. е. свалить Советскую власть и восстановить власть помещиков и капиталистов. А за это около третьей части украинской земли должно перейти в руки польских магнатов, а две трети украинских земель должны достаться украинским помещикам. Уже в нынешнее лето польские паны надеются собрать половину урожая украинских хлебов для себя. Другую половину урожая они согласны уступить петлюровским пьявкам.

„Генерал“ Петлюра привел сначала на Украину немцев, а немцы поставили Украине в царьки гетмана Скоропадского. Затем Петлюра привел на Украину французских, греческих и румынских разбойников. Теперь Петлюра открывает ворота на Украину ясновельможным разбойникам польским панам.

Поход начался. Кровь льется рекой. Польские паны, при поддержке предателей петлюровцев, захватили Житомир, Бердичев, Винницу, Киев и пытаются врезаться все глубже и глубже в самое сердце нашей рабоче-крестьянской Украины, и всюду, где прошла нога польского пана и польских белогвардейских полчищ, там остаются пепелища, дымятся деревни, увезен скот, разграблены дома, изнасилованы женщины, восстановлена власть помещиков и капиталистов. Смерть и разрушение несут с собой польские паны.

Украина наша разорена долголетней войной. Хозяйство в селах и городах пришло в большой упадок. Мы надеялись этой весной и этим летом, засучив рукава, приняться за поправку хозяйства. Мы хотели все наши силы отдать мирному труду. Мы добивались того, чтобы не пустовали незасеянные земли, чтобы зеленели всходами наши поля, чтобы дымились фабричные трубы, чтобы кипела работа в шахтах, чтобы хорошо работали железные дороги, чтобы в деревнях начинали строиться новые школы и вводилось электричество, чтобы мы могли доставить мануфактуру, керосин, соль, гвозди, сельско-хозяйственные орудия и другие предметы необходимости. Но украинские и польские паны помешали нам в этом. Они обнажили меч против нас. Они хотят отнять у нас земли, вырванные из рук помещиков с таким громадным трудом. Они хотят вернуть капиталистическую каторгу для рабочих. Они хотят поставить на каждом перекрестке Украины по два жандарма: одного польского и одного петлюровского.

Этому не бывать. Рабочие и крестьяне Украины дадут беспощадный отпор насильникам.

Всеукраинский С'езд Советов обращается к вам, труженики Украины: война, которую вы вынуждены повести теперь против польских панов, есть священная война тружеников против угнетателей. Ненависть, которой пылают наши сердца к польским панам, есть священная ненависть людей труда к людям наживы, насилия и разврата. Крестьяне Украины, вспомните как хозяйничали у нас раньше на Украине наши собственные паны и паны польские. Вспом-

ние польского пана, который выезжал на шестерке прово-одных лошадей цугом, хлестая бичем направо и налево, высокомерно издевался над украинским крестьянством, смотря на него, как на двуногий скот. Польский пан теперь хочет запречь цугом в свою коляску украинских крестьян. Польский пан хочет заставить украинского крестьянина и рабочего возить воду на помещиков и капиталистов.

За горло же польских панов и колено им на грудь! Бейте тревогу! Созывайте сход в волостях и в деревнях! Об'ясняйте крестьянам и крестьянкам, какие злодеи идут на нас. Зовите всех к борьбе! Поддерживайте всеми силами Красную армию! Дайте Красной армии и рабочим хлеба! Хотите прогнать панов—скорее выполняйте хлебную разверстку. В тылу войск польских панов подымайте восстание. Пусть каждый белогвардейский польский солдат, который идет душить Украину, чувствует себя окруженным ненавистью со всех сторон. Идите против панов с винтовкой, с дубьем.

Помните еще одно, атаманские банды, поднимающие опять головы на Украине, на деле являются союзниками польских панов. Многочисленные „батьки" только расчищают путь для панов. Мы не можем победить польских панов и подымающих голову изменников—петлюровцев, не очистивши Украину от атаманов и бандитов. Нам нужна железная, организованная и дисциплинированная Красная армия, которая защитит нашу землю и нашу власть.

Помните, крестьяне, помните рабочие! Польские паны собрали против Украины большую силу. Они сорганизовали сотни полков. Они собрали против нас не одну сотню тысяч солдат. Чтобы победить в этой тяжелой борьбе, мы сами должны быть организованы. Мы должны иметь железную армию, вылитую из одного куска. Мы должны беспощадно карать дезертиров. Мы должны напрячь все наши силы.

Мы победим. На нашей стороне правда. Польские рабочие и польские крестьяне за нас. Польские крестьяне ждут не дождутся той минуты, когда наша Красная армия поможет им низвергнуть иго польских панов и отнять у польских помещиков землю. Польские рабочие через все фронты шлют братские приветствия украинским и русским рабочим, протягивая им руку и готовясь помочь им в борьбе. Польские паны—наши заклятые враги. Как только наша славная Красная армия нанесет первый сильный удар полчищам польских панов, в Польше усилится революционное движение крестьян и рабочих. Революционный пожар пойдет полыхать по всей Польше. В огне этого пожара погибнет навеки засилье польских панов, погибнут панское корыстолюбие, подлость и жадность. Рабочие и крестьяне всего мира всей душой на нашей стороне, на стороне украинских и русских крестьян и рабочих, которые борются за свою долю, за свою землю, за свою власть, за свой народ. Сочувствие рабочих и крестьян всего мира несется к нам со всех стран.

Будем же достойны этого сочувствия!

Пусть знают разбойники польские паны: они, поднявшие меч против украинских рабочих и крестьян, от меча погибнут. Война кончится тем, что Польша станет Советской. Поклянемся не складывать оружия до тех пор, пока на нашей украинской земле останется хоть один польский пан. Поклянемся бороться до последней капли крови, до тех пор, пока нашу землю будет попирать хоть один белогвардейский солдат. Польские паны—наш последний враг. Победив польских панов, мы победим раз и навсегда предателей петлюровцев, готовых продаваться каждому, кто их покупает.

Укрепляйте фронт, но укрепляйте и тыл. Создавайте крепкие Советские организации. Вводите настоящую рабоче-крестьянскую дисциплину. Не дозволяйте своевольничать никому. Помните: мы стоим перед великим испытанием.

Умереть или победить польских панов—таков тот выбор, который стоит перед Украиной. Советская Россия спешит к нам на помощь. Лучшие Советские полки, разбившие генерала Колчака, Юденича и Деникина, переброшены теперь на Украину. Русские рабочие и крестьяне спешат к нам на помощь. Братский союз наш с рабоче-крестьянской Россией еще больше окрепнет и закалится в борьбе. 4-й Всеукраинский с'езд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов посылает братское приветствие честным труженикам рабочим и крестьянам Польши, которые стонут под игом польских панов. Мир—польским хатам. Война—панским дворцам. Всеукраинский С'езд Советов провозглашает: Да здравствует Советская Украина! Да здравствует Советская Польша! Да здравствует братство народов всего мира! Смерть польским панам, смерть угнетателям народа!.

Трудящимся всех стран от Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

С 18-го по 21 мая 1920 г. в городе Харькове, в столице Рабоче-Крестьянской Украинской Советской Республики, заседал 4-й Всеукраинский С'езд Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. На этом С'езде присутствовало около 840 делегатов, представлявших много миллионов трудящихся крестьян, рабочих и красноармейцев Украины. Главным вопросом, обсуждавшимся на этом С'езде был, разумеется, вопрос о той бесчестной войне, которую польская буржуазия, подстрекаемая международным капиталом, об'явила молодой Советской Республике.

4-й Всеукраинский С'езд Советов обратился с манифестом, который мы настоящим по радиотелеграфу доводим до сведения трудящихся всего мира.

На С'езде присутствовал представитель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, который от имени всех пролетариев, входящих в Коммунистический Интернационал, обещал украинскому трудящемуся народу всю ту поддержку, на которую в своей справедливой войне против жадной шайки эксплоататоров вполне вправе рассчитывать трудящиеся массы Украины.

Мы, уверены, что в этом вопросе Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала выразил мнение пролетариата всего мира, борющегося против империалистов.

4-й Всеукраинский С'езд Советов пользовался всяким случаем, чтобы подчеркнуть верность рабочих и трудящихся крестьян Украины знамени Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал пользуется среди трудящихся Украины безраздельным вниманием. Не только коммунистическая партия большевиков Украины, но и все остальные партии и группы заявляют о своем желании принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Все до единой политические группы Украины мобилизовали своих членов и отдали их в распоряжение военных властей для защиты Советской Украины против похода польских панов. В Центральный Исполнительный Комитет Советской Республики Украины вошли представители всех партий Украины, а также бывший глава украинской демократической республики В. Винниченко, который теперь признал правоту Советской власти. Все члены С'езда мобилизовались и отдали себя в распоряжение военных властей для работы на войну

против польских белых войск. Энтузиазм С'езда при принятии всех этих решений был неописуем.

Доводя обо всем этом до сведения трудящихся всех стран, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала твердо убежден в том, что рабочие всех стран исполнят свой долг и помогут Украинской Советской Республике отстоять себя от натиска международной буржуазии.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

К пролетариям всех стран.

Рабочие всех стран! На востоке снова льется кровь. Снова громадные области разоряются военными действиями; снова трудящиеся массы России, жаждущие мира, жаждущие творческой работы воссоздания и возрождения, принуждены взяться за оружие. Наступление капиталистической и помещичьей Польши на Советскую Россию прерывает работу мирного строительства, за которую взялись рабочие и крестьяне России после того, как они разбили Колчака, Деникина и Юденича, этих агентов мирового капитализма, и отстояли свою землю, свои фабрики и заводы.

Кто же виновник этих новых преступлений? Вы знаете, что Советское правительство признало независимость польской республики с первого же дня ее возникновения. Вы знаете, что Советское правительство неоднократно предлагало польскому правительству мирные переговоры. Вы знаете, что Советское правительство, щадя кровь русских и польских рабочих, готово было идти на уступки территориального и экономического характера. Вы знаете, что оно, — твердо уверенное в том, что польские рабочие, союзники русского пролетариата, раньше или позже возьмут власть в свои руки, — согласно было отдать, пока что, польским правящим классам даже такие территории, которые по составу населения не должны принадлежать Польше. Вы знаете, что Советское правительство готово было вести мирные переговоры не только в Варшаве, но даже в Лондоне или Париже, столицах правительств, связанных с польскими капиталистами и помещиками. Польша ответила на мирные предложения Советского правительства предательским наступлением на Украину, при чем наступление это ведется под знаменем восстановления власти Петлюры, этого авантюриста, который продавался то союзным капиталистам, то немецкому империализму и который теперь, после того, как рабочие и крестьяне Украины лишили его власти, продался польским помещикам, исконным угнетателям украинского народа. Польша начала войну в целях ограбления украинских крестьян и передачи их земель польским помещикам. Польша воюет за то, чтобы на Советскую Россию, разоренную нападениями союзного капитала, наложить громадную контрибуцию.

Вот за что воюет Польша!

Но виновниками этой войны являются не только польские помещики и капиталисты. Виновниками являются одновременно и правительства Антанты. Это они вооружили и вооружают белогвардейскую Польшу. Вступая с Советской Россией в переговоры о возобновлении торговых сношений, они в то же время не перестают надеяться, что им удастся сломить рабочих и крестьян России. Торговля с Советской Россией должна, по их мнению, разложить ее изнутри; и в то же время они лелеют надежду на сокрушение Советской Республики извне: им кажется, что когда снова выступят какие-нибудь контр-революционные силы против Рабоче-Крестьянской России, им, союзникам, удастся при помощи этих контр-революционных сил снова надеть ярмо на русский пролетариат и крестьянство. Французские капиталисты послали в Польшу не только громадное количество оружия, но и 600 офицеров (с генералом Анри во главе), которые должны помогать польским офицерам громить Советскую Россию. Английское правительство могло бы одним твердым словом: „Довольно войны, довольно разрушения! Россия нужна всему миру, как источник хлеба и сырья“, — остановить эту войну. Но правительство Ллойд-Джорджа, которое в своих нотах Советскому правительству аппелирует к чувству гуманности, которое требует амнистии для русских контр-революционеров в Архангельске и в Крыму, не подумало даже сказать Польше, что довольно крови и слез. Польские бандиты обещали правительству Ллойд-Джорджа, что они доставят ему из оккупированной Украины нужное количество хлеба и сырья, и этого обещания было достаточно, чтобы правительство Англии, лицемерно продолжая вести переговоры о торговых сношениях с Советской Россией, благословило белую Польшу на войну. Итальянское правительство Нитти, которое трепеща перед итальянскими революционными массами, пользуется всяким удобным случаем, чтобы на явить свои дружеские чувства к русскому народу, не только не посмело открыто заявить против наступления белогвардейской Польши, но и посылает ей через Австрию оружие. Об американском правительстве и говорить не приходится; американские летчики бросают бомбы на украинские города! Виновниками этой войны являются правительства всех союзных стран. Все они в большей или меньшей степени поддерживают польских захватчиков и грабителей.

Рабочие всех стран! Советская Россия справится с бесстыдными бандитами польского империализма, как она справилась с Юденичем, Колчаком и Деникиным, которых тоже поддерживали ваши правительства. После легких побед на Украине польским легионам придется испытать на себе гнев рабочих и крестьянских масс всей России, гнев даже беспартийных масс, научившихся, наконец, видеть в Советском правительстве защитника независимости страны. Но вопрос в том, как долго будет продолжаться эта война, сколько будет пролито крови, сколько будет разрушено богатств, сколько еще новых, свежих ран будет нанесено русскому народу. От вас, рабочие всех стран, зависит, чтобы эта война в самый кратчайший срок окончилась разгромом польских капиталистов и помещиков.

Рабочие аммуниционных заводов Франции, Англии, Италии и Америки! Не производите ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одной пушки для Польши.

Рабочие транспорта, железнодорожники, грузчики, матросы! Не отправляйте в Польшу ни снаряжения, ни продовольствия, ибо все это должно служить делу войны против Рабоче-Крестьянской России!

Рабочие всех союзных стран! Выходите на улицу, устраивайте демонстрации и забастовки под лозунгом: „Долой поддержку белогвардейской Польше! Союзники должны привязать на цепь свою собаку — польских капиталистов и помещиков — и заключить честный мир с Советской Россией!“

Рабочие Германии и Австрии! Вы знаете, что Советская Россия является оплотом мировой революции, которая одна только может освободить вас от ига ваших собственных капиталистов и от петли, наброшенной на вашу шею Версальским и Сен-Жерменским миром. Германские железнодорожники! Не пропускайте поездов из Франции в Польшу! Пор-

Товарищи рабочие Данцига! Не выгружайте пароходов, предназначенных для Польши! Австрийские железнодорожники! Ни один поезд из Италии не должен быть пропущен в Польшу!

Рабочие Румынии, Финляндии и Латвии! Ваши белые правительства, связанные тайными договорами с польскими помещиками, могут втянуть и вас в эту войну. Будьте на стороже, сделайте все, что в ваших силах сделать, чтобы не допустить этого позора.

Рабочие Польши! Вам, связанным с русским пролетариатом тридцатилетней совместной борьбой, не нужно напоминать о ваших обязанностях. Вы исполняете свой долг, устраивая демонстрации и забастовки во имя мира с Советской Россией. Вы боретесь, платя за свою борьбу тысячами жертв. С гордостью смотрит на вас III Интернационал, среди основателей которого были славные вожди ваши Роза Люксембург и Ян. Тышко. Интернационал убежден, что вы напряжете теперь все свои силы, чтобы ударить в тыл белой Польши, чтобы совместно с рабочими России одержать победу над польскими помещиками и капиталистами. Вы знаете, что Советская-Россия несет Польше не угнетение, а национальную свободу, освобождение от цепей союзного капитала, помощь в борьбе против собственных капиталистов. Победа Рабоче-Крестьянской России будет победой польского пролетариата, брата и союзника русских рабочих и крестьян. В атаку, польские рабочие! Начинается последний ваш бой. Приближается день, когда судьями будем мы.

Долой польских помещиков и капиталистов! Да здравствует Советская Рабоче Крестьянская Россия! Долой войну! Да здравствует мир между трудящимися массами Польши и России! Долой преступную игру союзных правительств! Да здравствует международная пролетарская революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России.

Войска польских помещиков и капиталистов захватили Житомир и угрожают Киеву. При содействии своего наемника Петлюры и при помощи французского золота польские белогвардейцы вовлекли в измену галицийские части, которые несколько месяцев тому назад перешли на сторону Советской власти. Господствующие в Польше классы отвечают на открытые и честные мирные предложения Советской России бесчестной попыткой захвата правобережной Украины. Мало того: польское правительство открыто говорит о своем намерении захватить всю Украину, чтобы передать ее петлюровской директории. Правительство Пилсудского идет по стопам Гогенцоллерна, который вводил в Украину войска под видом помощи Киевской раде. Кровожадное насилие дополняется отвратительным маскарадом. Одновременно с этим буржуазная польская пресса требует захвата всех тех земель, которые принадлежали Польше 150 лет тому назад—почти до Смоленска.

Польское правительство, ведущее свою родословную от тех магнатов и авантюристов, которые не раз в истории распинали и продавали польский народ, до последнего времени молчало о своей программе мира, скрывая свои подлинные намерения. Теперь оно заговорило делом. Оно показывает нам, как оно представляет себе мир с русским народом. Слушайте же, рабочие и крестьяне! Польский мир,—мир который хотят принести нам на штыках польские помещики и капиталисты, означает полное закабаление не только литовских, белорусских, но и украинских рабочих и крестьян и миллионов чисто-русского населения. Над всеми ими собирается господствовать свеже-испеченный польский жандарм.

Русские рабочие, крестьяне, красноармейцы!

Отдадим ли мы польским панам на разграбление, на попрание, на поругание русскую землю, которую мы освободили от собственных панов и кровью своею защитили от Юденичей, Деникиных и Колчаков. Нет, этому не бывать! Мы за независимость Польши, но мы и за независимость трудовой России и Советской Украины.

Скинув иго царя и буржуазии, русские рабочие и крестьяне свободно, по собственной воле, приняли свободное самоопределение польского народа и отказались от каких бы то ни было прав на польскую территорию. Это торжественное заявление сохраняет свою силу и сейчас. В Брест-Литовске, перед лицом беспощадного германского милитаризма, представители Советской власти открыто подняли свой голос в защиту польского народа.

Советская власть ничем и ни в чем не проявляла враждебных стремлений по отношению к Польше. Даже тогда, когда польские помещики и капиталисты, уничтожив военной силой братские нам советские республики Белоруссии и Литвы, заняли их территорию, мы, несмотря на наши пламенные симпатии к крестьянам и рабочим Белоруссии и Литвы, готовы были к заключению мира с Польшей, ибо были убеждены, что ее героический рабочий класс, связанный с нами многолетнею совместною борьбою против царизма, сумеет обуздать своих эксплоататоров и тем поможет освобождению Литвы и Белоруссии.

Мы готовы были итти на соглашение с польскими правителями, пока их еще терпит польский трудовой народ, дабы избегнуть дальнейшего пролития крови русских и польских рабочих и крестьян. Но варшавские шовинисты трепетали перед открытыми мирными переговорами. Они боялись, что когда они открыто пред'явят свою разбойничью программу, и она будет столь же открыто отвергнута Советской Россией, польские солдаты, которых они одурманивали ложью защиты отечества, с негодованием откажутся проливать свою кровь во имя властолюбия и наживы польских панов. Чтобы избежать грозного суда открытых мирных переговоров, польское правительство отклонило общее перемирие и ультимативно предложило местом переговоров захваченный поляками город Борисов, преследуя этим двойную цель: держать наших делегатов в атмосфере польской военщины и „запугать“ их наступлением на Украину, а в то же время частичным перемирием на борисовском участке связать нам руки в выборе направления для нашего контр-удара. Решив, что наше искренее стремление перейти от войны к мирному строительству является доказательством нашей усталости и слабости, варшавские шовинисты вознамерились навязать нам свою волю, подкрепляя ее сеянием предательства, измены, насилиями и погромами.

Рабочие, крестьяне и красноармейцы!

Вам предстоит теперь доказать польским белогвардейцам, что они жестоко ошиблись в своих расчетах. Мы признали и признаем независимость Польши. Но мы не признали за польскими капиталистами права эксплоатировать русских рабочих, не признали за польскими помещиками права отбирать землю русских крестьян, превращая их в свой рабочий скот, не признали за польской военщиной права давить, угнетать и терзать русский и украинский народ. Мы хотели и хотим мира,—и Советская дипломатия попрежнему готова пойти навстречу первому проблеску здравого

смысла у польских белогвардейцев, чтобы добиться мира на основах, отвечающих интересам польского и русского народов. Но мы не собираемся склонять социалистическое знамя перед наглостью варшавских громил. Советская Россия, которая победила Деникина, Колчака и Юденича, сумеет огнем и сталью доказать польским панам и всем, кто стоит за их спиною, что время беззащитности русского трудового народа миновало!

До сих пор красным войскам западного фронта запрещено было наступать. Советское правительство стремилось показать этим обманутому польскому народу свое искреннее стремление к миру. Неподвижностью наших войск воспользовались варшавские правители, ударили на Украину и врезались глубоко в ее пределы. Украина в опасности! А с ней вместе в опасности и Советская Россия.

Рабочие и крестьяне!

Война не закончена. Польские поджигатели стремятся изо всех сил раздуть ее грозное пламя. Преступным насильникам должен быть дан беспощадный отпор.

Передовые пролетарии!

Война не закончена. Мобилизуйте снова лучших борцов за идею социализма. Коммунисты, вы душа Рабоче-Крестьянской армии! Задача наша не кончена. На западный фронт!

Красноармейцы, красные моряки, красные казаки!

Вы надеялись вернуться к мирной жизни—пахать землю и работать у станков. Польские паны не допускают вас до этого, они хотят сделать вас рабами. Вам надо снова поднять ваше испытанное оружие для самообороны. Вам надо нанести такой удар польским помещикам и капиталистам, чтобы эхо его прозвучало на улицах Варшавы и во всем мире.

Крестьяне!

Войскам западного фронта, обороняющим вас от кабалы, необходимо продовольствие. Выполняйте же разверстку до конца,—этим вы страхуете себя от кабалы, более тяжкой, чем в старое крепостное право.

Рабочие и работницы военной промышленности!

К станкам! Французский империализм щедро поддерживает Польшу военным снаряжением. Усильте же и вы производство всего, что необходимо красным бойцам. Пусть не испытывают они недостатка ни в патронах, ни в белье, ни в обуви.

Честные граждане!

Вы не допустите, чтобы волю русского народа определял штык польских шляхтичей, которые со свойственным им бесстыдством неоднократно заявляли, что им безразлично, кто господствует в России, только бы Россия была беспомощна и слаба.

Польские насильники будут разбиты. И не только потому, что мы сильнее числом, но прежде всего потому, что мы связаны духовно защитой нового справедливого и братского общества, которое мы созидаем.

Война против нас польской буржуазии есть грабеж, захват, кровавая авантюра. Наша война против белогвардейской Польши—есть революционная самооборона, священная защита независимости трудящихся, счастливого будущего наших детей и внуков.

И после разгрома банд Пилсудского независимость Польши останется для нас неприкосновенной. С польским пролетариатом и польским крестьянством, которые станут полными хозяевами своей страны, мы без труда установим братский союз. Только общий нам шляхетско-буржуазный враг разделяет нас. На борьбу же против этого врага!

Полки западного фронта!

За вами стоит не только русский рабочий класс, не только русское трудовое крестьянство, не только вся наша Рабоче-Крестьянская Красная армия, все, что есть честного в русском народе, но и трудящиеся всего мира. За вас будут польские рабочие, которым вы поможете освободиться от буржуазного ига. Вперед, красные воины!

Долой польских захватчиков, насильников и угнетателей!

За нашу и вашу свободу!—говорим мы пролетариям и крестьянам Польши.

Да здравствует братство трудящихся масс Польши и России!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная армия!

Да здравствует независимая Рабоче-Крестьянская Польша!

Да здравствует Советская Украина! Да здравствует Советская Россия!

Председатель В. Ц. И. К. **М. Калинин.**

Председатель Сов. Нар. Комиссаров **В. Ульянов (Ленин).**

Народный Комиссар по иностранным делам **Г. Чичерин.**

Народный Комиссар по военным и морским делам **Л. Троцкий.**

Скрепил: Народный Комиссар юстиции **Д. Курский.**

29 апреля 1920 г.

К рабочим и крестьянам Украины.

Все старания Советских правительств России и Украины заключить мир с Польшей, прекратить напрасное пролитие братской крови, разбились о злую волю польских панов. Польские паны и капиталисты, сотни лет высасывающие кровь украинских крестьян и тогда, когда у них было свое государство, и тогда когда они, потерявши его и ставши лакеями русского царя, с царской помощью захватили громадные имения на правобережной Украине, хотят снова стать хозяевами Украины, ее хлеба, ее сахара, железа и угля.

На наши мирные предложения, официально и многократно подтверждаемые, польские паны отвечают наступлением. Собравши ударную группу из легионеров и познанских войск, заручившись поддержкой французских ростовщиков, польские золотопогонники прорвали наш Западный заслон, заняли Житомир и протягивают свои хищные лапы к Красному Киеву.

Панская Польша стремится вырвать из живого тела Украины Волынь и Подолию, присоединив их к себе, а остальную Украину сделать вассальным государством польских международных помещиков и капиталистов.

Дорожа кровью не только украинского и русского народа, но и кровью народа польского, желая посвятить себя мирному труду по восстановлению разрушенного хозяйства в городе и деревне и, считая, что таковы же интересы польского народа, Советские правительства России и Украины всеми средствами до сих пор избегали войны с Польшей.

Теперь, когда польские паны с оружием в руках стараются захватить Украину, на их удар нужно ответить ударом. Решительная война началась между рабоче-крестьянскими республиками России и Украины и польской шляхтой, война, которая не закончится до тех пор, пока наглый польский помещичий класс не будет разбит на голову.

Русско-Украинская Красная армия, победившая полчища Колчака и Деникина, победит и белогвардейские войска польских панов. Принужденные силой воевать против своих братьев—рабочих и крестьян России и Украины, польские

рабочие и крестьяне сами протянут нам руку, когда, победивши их генералов, мы уничтожим и ту власть, которая держит в рабстве польский трудовой народ. Миллионы украинских крестьян, изнывающих теперь под кнутом польских жандармов, польских генералов в Холмщине, Галиции, Подолии и на Волыни, ждут нашего наступления, чтобы подняться и притти нам на помощь.

Для великого дела освобождения этих миллионов крестьян и для отражения наглого врага, который грабит повсюду, где проходят его части, сжигает деревни, устраивает погромы и уничтожает народное добро—все рабочие и крестьяне Украины должны подняться на ноги. Молодежь—в Красную армию. Старики—за обеспечение Красной армии и городов хлебом.

В борьбе с польскими панами рабочие и крестьяне Украины незабудут предателя Петлюру, продавшегося теперь польскому правительству, как он продавался раньше немецким и французским империалистам. Его агенты и атаманы бродят теперь по правобережной Украине и стараются в тылу нашей армии облегчить дело порабощения украинских рабочих и крестьян, помогая польскому наступлению. Всем органам Советской власти и всему населению предлагается следить за действиями провокаторов, арестовывать их немедленно и принимать против них самые беспощадные меры, так как они об'явлены вне закона, как изменники и предатели Украинского Социалистического отечества. Отвергнутый всеми своими бывшими сотрудниками времен Директории, изменник Петлюра, продавшийся полякам, должен быть отвергнут и всем украинским трудовым народом.

Да здравствует русско-украинская Красная армия! Да здравствует независимая социалистическая Советская Республика Украины! Да здравствует победа!

Председатель Ц. И. К. **Г. Петровский.**

Председатель Совнаркома **Х. Раковский.**

Бюро Ц. К. К. П. У.: **С. Коссиор, Г. Петровский, Х. Раковский, О. Шумский, Я. Яковлев.**

Протест против поддержки союзниками польского наступления.

От Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

Перевод радиотелеграммы от 19 мая 1920 г. правительствам: Великобритании, Франции, Италии и Северо-Американских Соед. Штатов.

Российская и Украинская Советские Республики, совершенно чуждые всяким территориальным вожделениям и не питающие никаких агрессивных намерений по отношению к другим странам, уже почти достигли своего освобождения от внутреннего врага, который, при поддержке правительств Антанты, угрожал их существованию. Обе Советские Республики посвятили все свои силы великому делу внутреннего экономического возрождения и производительному труду, напряженность которого поглощала всю их энергию. Эта работа внутреннего возрождения не создавала угрозы ни для какой другой страны и ни для какого другого правительства. Советские правительства неоднократно заявляли, что если иностранные правительства не будут вмешиваться в их внутренние дела, то и они, с своей стороны, никогда не будут вмешиваться во внутреннюю жизнь других стран. Таким образом, суровая энергия их творческой деятельности никому не могла внушать никакой тревоги. И тем не менее, на обе Советские Республики внезапно произведено новое, решительно ничем неоправдываемое нападение. Повидимому, уже одно только существование рабочих республик, с успехом ведущих работу экономического возрождения своих народов, является угрозой для стран, где трудящиеся не стоят у власти. Никакого иного об'яснения нельзя найти для ничем неоправдываемого нападения, предметом которого стали обе союзные республики. Советские правительства обеих республик употребили величайшие усилия, чтобы начать мирные переговоры с напавшим на них ныне польским правительством. Российское Советское правительство из'явило согласие приступить к переговорам в любом городе, при одном лишь условии, чтобы город этот не находился в прифронтовой зоне. Впоследствии, когда польское правительство, не допуская никаких возражений и отказываясь от дальнейшего обсуждения вопроса, продолжало настаивать на городе Борисове, придав этому требованию ультимативный характер, несмотря на то, что г. Борисов, как место для ведения переговоров, был явно неприемлем для Российской Республики, последняя обратилась к правительствам держав Антанты, указав им на то, что при их влиянии на польскую республику, они не могли бы снять с себя ответственности, если бы, при создавшемся положении, польское правительство без всякой уважительной причины обрекло переговоры на неудачу. Однако, на это обращение не последовало никакого ответа со стороны правительств Антанты, предоставивших польскому правительству, члену их политического об'единения, полную свободу действий и принявших на себя, тем самым, ответственность за новую, вызванную им, войну. Польские армии внезапно вторглись в территорию Украинской Советской Республики, союзницы Российской Советской Республики. В то же время польское правительство заявило о признании им контр-революционной группы Петлюры, ненавидимого и неоднократно отвергнутого народом, якобы правительством этого народа и подписало с ним соглашение, которое, будучи проведено в жизнь, превратило бы Украину в протекторат, подчиненный завоевательнице Польше. Советские правительства России и Украины находят себя вынужденными напомнить, что Польша является членом Антанты и одним из членов политического об'единения, именуемого Лигой Наций, и что влияние этих двух группировок на одного из своих членов—Польшу, не может не быть решающим. Советские правительства равным образом не могут также не отметить, что как это для всех очевидно, современная польская республика ни по условиям своего экономического положения, ни по условиям своей военно-технической подготовки, совершенно не была бы в состоянии вести предпринятую ею крупную войну, без весьма значительной финансовой и военной помощи со стороны правительств Антанты. Десант, произведенный французскими войсками в Данциге, так же, как и отправка военного материала из стран Антанты в Польшу, являются общеизвестными фактами. Поздравительная телеграмма английского короля маршалу Пилсудскому служит явным свидетельством общности взглядов, существующих между правительствами Антанты и авторами польского наступления. Поэтому Советские правительства находят себя вынужденными обратить внимание правительств Антанты на падающую на них ответственность за последствия военных предприятий Польши. Они торжественно протестуют против кровавого нападения Польши и против поддержки, оказываемой последней правительствами Антанты. Они аппелируют ко всем народам Антанты против этого нового покушения на свободу трудящихся России и Украины. Советские Россия и Украина обманут



Т. Берзин—член Р. В. С. югзапфронта, т. Егоров—Командарм югзапфронта, т. Буденный—Командарм 1-й конной армии.



т. Берзин. т. Буденный. т. Егоров. т. Ворошилов.



т.т. Берзин, Егоров и Буденный.



Командующий 1-й кон. армией, т. Буденный. Член Реввоенсовета 1-й кон. армии, т. Ворошилов.



Т. Сталин—член оргбюро Ц. К. Р. К. П, т. Берзин—член Реввоенсовета югзапфронта, т. Ворошилов, т. Егоров—Командарм югзапфронта, т. Буденный и т. Раковский—Председатель Совнаркома У. С. С. Р. и Наркоминодел.

ожидания тех, которые надеются задушить их независимость: они будут бороться до полной победы против произведенного на них нападения, угрожающего их неоспоримому праву располагать своей судьбой и устраивать свои собственные дела. Обращаясь при таких условиях к правительствам Антанты, Советские правительства России и Украины оставляют за собою право вывести все необходимые заключения, вытекающие из факта нападения, произведенного на Советские Республики при попустительстве и поддержке со стороны правительств Антанты.

Народный Комиссар по Иностранным Делам
Р. С. Ф. С. Р. Чичерин.

Народный Комиссар по Иностранным Делам
У. С. С. Р. Раковский

К польским рабочим, крестьянам и солдатам.

Товарищи!

Польское правительство начало наступательную войну против Советских Республик России и Украины. Кому нужна эта война? Хотели ли мы ее, хотели ли вы ее? Нет, товарищи!

С первых дней рабоче-крестьянской революции в России, Советское правительство признало право польского народа, как и всех других народов, на полную свободу и независимость. Щадя кровь русского и польского трудового люда, Советское правительство неоднократно предлагало польскому вступить в мирные переговоры для того, чтобы в полюбовном соглашении разрешить все разделяющие их вопросы. Но польское правительство нам вовсе не отвечало на наши мирные предложения, или ставило совершенно неприемлемые условия. Оно отвергло наше предложение заключать общее перемирие на всем фронте и потребовало ведения переговоров в Борисове, находящемся в сфере военных действий. Тщетно предлагали мы вести переговоры в Москве или Варшаве, на какой-нибудь нейтральной территории, наконец, в Париже или Лондоне. Не желая мира, польское правительство неожиданно начало наступление на территорию братской нам Украинской Советской Республики. Война разгорелась, и снова льется русская кровь, льется польская кровь.

Нужна ли эта война русскому народу? Нет! Мы не посягаем ни на чье добро! Мы хотим мира, чтобы спокойно заниматься честным трудом на благо рабочего класса. Нужна ли эта война польскому народу? Нет, она ему также не нужна! Но она нужна польским панам, помещикам и капиталистам. Она нужна буржуазии Антанты, которые подстрекнули Польшу на эту безумную авантюру. Не верьте вашему правительству, если оно скажет вам, что вы защищаетесь от захватных планов Советского правительства. Последнее не только не посягает на достояние Польши, но и, напротив, в интересах мира готово было уступить Польше значительные территории, даже не населенные в большинстве поляками. На самом деле, вы идете проливать кровь за миллиарды, одолженные русскому царизму французскими банкирами. Вы идете завоевывать для польских панов чужие земли и подчинять игу польских помещиков миллионы украинских, белорусских и русских крестьян и рабочих.

Вам, рабочие, крестьяне и солдаты Польши, эта война не только не принесет никакой пользы, но и принесет огромный вред. Мы уже не говорим о пролитой крови, о потере множества жизней, о новой массе калек и увечных, о новых опустошениях, экономическом разорении, голоде, налогах и проч. Мы не говорим о безнадежности затеянной вашим правительством войны, которая неизбежно окончится поражением, ибо весь русский трудовой народ твердо решил до конца бороться против преступного нападения польской буржуазии. Но, если бы даже война принесла временные удачи польскому правительству, рабочие и крестьяне Польши от нее ничего не выиграют, но рискуют многое потерять.

Украинские крестьяне ненавидят польских панов, как своих вековечных угнетателей. За Петлюрой, продавшимся вашему правительству, на Украине не стоит никто. Завоевав правобережную Украину, Польше придется содержать там большую армию, тратить на сохранение своей власти сотни миллионов. Кто заплатит за все это? — Обездоленный польский рабочий, разоренный польский крестьянин. Вы завоюете своим панам новых крепостных, а себе приобретете новых палачей, в добавок к собственным жандармам.

Товарищи, воюя с Советской Россией и Украиной по приказу своих господ и по наущению иноземных империалистов, вы заклепываете кандалы у себя на ногах и увековечиваете свое рабство. Вот почему вы ничуть не заинтересованы ни в войне с нами, ни в победе вашего правительства.

Не верьте, что Красная армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших панов, Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне.

Не войну и насилие, а мир, братство и союз предлагаем мы вам!

На наших знаменах начертан огненными буквами тот клич, под которым сражались когда-то польские борцы за свободу: „за нашу и вашу вольность".

Долой польское правительство помещиков и капиталистов!

Долой преступную братоубийственную войну!

Да здравствует мир между трудящимися массами Польши и России!

Да здравствует свободная рабочая и крестьянская Польша!

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Трудовых Казачьих Депутатов.

Братья, трудовые казаки!

(Дона, Кубани, Оренбурга, Урала, Терека, Сибири, Семиречья и Астрахани).

Рабоче-Крестьянская Красная армия освободила вас из-под гнета капиталистов, помещиков и реакционных генералов и дала возможность вам заниматься мирным трудом, приводить в порядок разоренные и разрушенные хозяйства от проклятой 4-летней империалистской войны и 2½ летней войны гражданской, навязанной кучкой эксплоататоров и бандитов. Даже слепым было видно, что Советская Республика стремилась к мирному труду, к братству всех народов.

Но польские паны вздумали воспользоваться нашей мирной обстановкой, которую мы добыли кровью в неисчислимыми бедствиями. Польские шляхтичи хотят захватить лучшие земли Украины, поработить украинских трудящихся и вернуть нас опять в кровавую бойню.

Мирные предложения Советской Республики поляки отвергли и, перейдя в наступление, захватили уже целый ряд наших городов и угрожают Киеву.

Ваша задача, трудовые казаки, в знак благодарности рабочим и крестьянам за ваше освобождение послать на польский фронт лучших своих сыновей для того, чтобы совместно с рабочими и крестьянами указать свое место зарвавшимся польским панам.

Волею трудового казачества первый Всероссийский съезд казаков в обращении к Красной армии сказал:

„Братья красноармейцы!

Кроме тех полков, дивизий и корпусов красных казаков, которые на кровавом поле брани делят с вами ваши боевые труды и славные победы над врагом, мы вольем в ваши славные полки наших лучших боевых сынов. Красные бойцы трудового казачества, отныне всегда в ваших славных рядах.

Мы горды сознанием, что вы сделаете нас участниками последней решительной битвы. Пусть же трепещут наши враги, пусть знают они, что нет той силы, которая устояла бы против натиска объединенных сил рабоче-крестьянской Красной армии и Красного трудового казачества.

Вперед, к последней славной решающей победе!“

В своей резолюции о задачах казачества съезд постановил:

„Съезд приветствует внешнюю политику Советской власти, стремящуюся к заключению мира с другими государствами и давшую уже мир с Эстляндией. Однако, трудовое казачество заявляет во всеуслышание, что на всякую попытку империалистических держав или подстрекаемых ими польских помещиков вмешаться во внутренние дела Советской Республики и нанести ей военный удар, оно, в полном согласии с рабочими и крестьянами, ответит сокрушительным контр-ударом“.

Волю казачества, выраженную в резолюциях, съезд уполномочил провести в жизнь своим избранникам, Казачьему отделу В. Ц. И. К., и Казачий отдел, обращаясь с призывом к казачеству в день Всероссийского трудового праздника, 1 мая, уверен, что слова у казаков не разойдутся с делом.

На коней, казаки!

За мир, за братство, за труд, на последний бой с врагами русских трудящихся!

Казачий отдел В. Ц. И. К. Советов.

Председатель казачьего отдела **Иван Киселев.**

Председатель коммунистической фракции **Иван Ульянов.**

Члены казачьего отдела: **Изюмский, Долгачев, Ишкенин. Кайгородов, Кузюбердин.**

Ко всем мусульманам-коммунистам.

(От Центрального Бюро коммунист. организ. народов Востока при Ц. К-те Р. К. П).

Дорогие товарищи!

Зарвавшиеся польские паны и генералы, вопреки желаниям польского пролетариата, повели наступление против рабоче-крестьянской Советской России.

Ни на минуту не сомневаясь в том, что в конечном итоге победа неизбежно будет на нашей стороне и что польских панов и генералов постигнет участь, аналогичная участи Деникина, Колчака и им подобных, мы должны тем не менее, отнестись к этому факту с глубоким вниманием. Мы должны дать дружный и достойный отпор всем тем, кто хочет помешать нам в строительстве коммунистического общества. Поэтому Центральное Бюро предлагает всем местным мусульманским бюро при губкомах Р. К. П. выделить возможно большее число партийных работников для отправки на Западный фронт, способствуя их в чисму мобилизованных общей организацией Р. К. П. на местах.

Смерть польским панам! Да здравствует братский союз российских и польских трудящихся!

Председатель Центрального Бюро коммунистической организации народов Востока при Ц. К-те Р. К. П. **С. Саид-Галиев**

Член Цебюро **М. Султан Галиев**

Все для фронта.

Всем советам, всем комитетам Р. К. П.

Польские паны, сорвав мирные переговоры, начали наступление и сегодня захватили Киев. Польская буржуазия начала войну ради захвата земель, населенных русскими и украинскими трудящимися массами. Польские помещики хотят вновь подчинить себе украинских и русских крестьян. Но такой авантюре польской шляхты должен быть положен быстрый и решительный конец. Красная армия готова нанести польским белогвардейцам сокрушительный удар. Наглые набеги польских военных наемников империализма, вызовет всеобщее возмущение всех рабочих и крестьян России и Украины. Все, как один, станут они в ряды борющихся с подлым нападением лакеев капитала на представляющую Советскую Россию и Советскую Украину. „Все для фронта“ вновь должно стать нашим лозунгом и остаться им до того момента, покуда польская шляхта не откажется от кровавой попытки установить свою власть над русскими и украинскими крестьянами и рабочими.

Чтобы Красная армия сокрушила врага, ей необходима поддержка всех друзей всей страны.

Немедленно начните формирование конных, стрелковых отрядов добровольцев и отправление их на Западный фронт. Выделите самых энергичных советских и партийных работников для новой работы на Западном фронте. Усильте работу в воинских частях. Пошлите лучших рабочих на курсы красных командиров. Напрягите работу во всех областях, связанных с обслуживанием Красной армии.

ВЦИК предлагает в 12 часов дня, в субботу, 8 мая, на всех фабриках, заводах, мастерских, в казармах, в деревнях и селах устроить [illegible] России и Украины короткие летучие митинги под лозунгами: „Да здравствует Красная армия! Да здравствует победа над польскими панами! Да сгинет Польша помещиков и капиталистов! Да здравствует независимая рабоче-крестьянская Польша! Да здравствует всемирная революция!"

Председатель ВЦИК **М. Калинин.**

Секретарь Ц. К. Р. К. П. **Преображенский.**

Смерть польской буржуазии!

Слушайте, рабочие, слушайте, крестьяне, слушайте, красноармейцы. Еще один предательский нож занесен над вами. Польская шляхта и буржуазия двинулась на нас войной. Мы, рабоче-крестьянское правительство, сделали все, чтобы избежать нового пролития крови. Мы отдали, приказ красным войскам не двигаться вперед. Мы с самого начала открыто и честно признали независимость Польши. Ни делом, ни словом мы не покушались на ее территорию. Мы готовы были идти на большие уступки и жертвы. Мы предлагали Польше немедленно общее перемирие на всем фронте. Но на свете нет буржуазии более жадной, развращенной, наглой, легкомысленной и преступной, чем шляхетская буржуазия Польши. Наше честное миролюбие варшавские авантюристы принимали за слабость. Польское правительство об'явило, что хочет освободить Украину, т.-е. занять ее своими войсками, лишить ее независимости, поработить, подавить, распять ее, вернуть панам земли, превратить украинца в раба. Белоруссия и Литва уже стонут под помещичьим польским ярмом. Теперь удар направлен на Украину. И в то же время польская буржуазия требует русской земли почти до самого Смоленска. Десять миллионов украинских и русских пролетариев и крестьян должны стать вьючным скотом ясновельможных грабителей.

Но этому не бывать. Мы все, рабочие, крестьяне, солдаты, граждане великой страны, которая первая во всем мире разбила цепи буржуазного рабства, мы все клянемся, как один человек, оборонить Советскую республику от разнузданных польских банд. Наш отпор будет беспощаден и неудержим. Смерть польской буржуазии! Над ее трупом мы заключим братский союз с рабоче-крестьянской Польшей.

Л. Троцкий

Вор в доме!

Граждане Советской земли! Рабочий и работница! Крестьянин и крестьянка!

В нашем доме вор! Он ворвался в передние комнаты нашего советского здания уже несколько месяцев тому назад и теперь пытается продвигаться все глубже и глубже.

Белоруссия и Литва были Советскими республиками, родными сестрами Великороссии и Украины. Но польская белая гвардия воспользовавшись тем, что наши силы были отвлечены на борьбу с Колчаком и Деникиным, ворвалась в пределы молодых республик, низвергла там власть трудящихся и установила диктатуру помещика и капиталиста.

Теперь польское правительство врывается в украинские покои советского дома. Варшавские буржуазные авантюристы, темные дельцы, наемные лакеи Антанты, угнетатели русских рабочих и крестьян, хотят ныне хозяйничать на Украине. Они собираются вернуть крестьянские земли польским панам и продавать на французской бирже шкуру украинского мужика.

Мало того, они грозят ворваться в Великороссию и захватить ее до самого Смоленска. Опьянев от поддержки мировых грабителей и потеряв рассудок, вороватые шляхтичи хотят в нашем советском доме помыкать трудящимися русскими людьми, как рабами, как вьючными скотами.

Но не бывать! Эй, трудящийся русский люд! Честные граждане! В нашем советском доме вор-громила! Беритесь за дубье! Гоните вора! Наш советский дом должен быть свободным жилищем трудящихся, священным храмом солидарности.

Л. Троцкий

Новый поход иноземного капитала

Ю. Стеклов

Много месяцев тому назад мы предсказывали, что перед тем, как окончательно сложить оружие, Антанта сделает еще отчаянную попытку взять нас с запада. Мы указывали тогда, что западный фронт угрожает сделаться наиболее опасным для Советской России, и настаивали на необходимости заблаговременно подготовиться к отражению надвигающейся грозы. К сожалению, теперь наши предсказания полностью оправдались.

Вчера мы выясняли, что нынешнее наступление польских белогвардейцев следует рассматривать как результат происков союзнических империалистов. Мы приводили в подтверждение нашего положения молчание конференции в Сан-Ремо по русскому вопросу и поведение правительств Латвии и Финляндии во время мирных переговоров. И чем больше мы сопоставляем все факты последних дней и недель, тем более мы убеждаемся в том, что в настоящий момент мы имеем дело с новой интервенцией, с новой попыткой мировой буржуазии, и в первую голову Антанты, сломить мощь Советской России и превратить наше отечество в свою колонию.

Что бы ни говорили и ни писали иностранные журналисты, мы никогда не можем поверить, чтобы Польша рискнула на свою отчаянную авантюру, не заручившись, хотя бы неформальным, обещанием союзников притти ей в решительный момент на помощь. Что французская буржуазия все время подстрекала Польшу к войне с Россией,— это мы хорошо знаем. Но до сих пор принято было думать (и некоторые факты и отдельные заявления британских государственных деятелей давали основания так думать), что Англия не сочувствует новым авантюрам на Востоке и предпочитает возобновить с Россией коммерческие сношения в ожидании возобновления дипломатических отношений. Ныне приходится подвергнуть пересмотру и эту сторону вопроса.

Новый ряд фактов наводит на мысль, что в Англии снова взяла перевес военная партия, и что отношение британского капитала к Советской России снова ухудшилось. Быть-может, этот факт рецидива империалистического бешенства объясняется той тревогой, которую возбуждает среди английской буржуазии растущее революционное брожение как в ее колониях, так и в Ирландии. Но как бы то ни было, не только политические, но и торговые сношения с Англией у нас не налаживаются в виду упорного сопротивления английского правительства, выражающегося в ряде мелких придирок и мелочных приемов, доходящих почти до прямого саботажа.

Этого мало: за последнее время английская политика по отношению к России не удовлетворяется пассивным бойкотом, а начинает снова выражаться в активном выступлении. Стоит только вспомнить вызывающие ноты г. Керзона по поводу остатков деникинских банд, сосредоточившихся в Крыму. Напрасно некоторые из наших товарищей поняли эти ноты Керзона, как предложение капитуляции крымских изменников с просьбой пощадить лишь им жизнь. На самом деле мысль, туманно изложенная в этом пункте в ноте Керзона, сводилась к тому, чтобы обеспечить этим наемникам английского капитала не только жизнь, но и территорию, неприкосновенность и полную безопасность. Керзон, в сущности, стремился добиться от Советского правительства предоставления деникинским бандам Крымского полуострова в полное и безраздельное владение. Таким образом, английский империализм хотел сохранить на юге России,—в пункте, весьма удобном для обслуживания английским флотом,—контр-революционное гнездо, из которого в любой момент можно было бы организовать новое нападение на Советскую Россию. И, несмотря на проявленную Советским правительством готовность вступить в переговоры по вопросу о капитуляции русских изменников с гарантией им постыдной жизни, английское правительство, тем не менее, перешло в нападение и начало обстрел черноморского побережья своим флотом.

Буржуазные правительства Латвии и Финляндии за последнее время как бы переменили тон. Они вообще пред'являли совершенно неприемлемые требования; но те требования, которые в начале мирных переговоров они готовы были признавать максимальными, теперь они выставляют как минимальные, от которых не могут-де отступить ни на йоту. В частности латышские делегаты добиваются от нас территориальных уступок даже не для себя, а для воюющей с нами Польши. Совершенно очевидно, что такое поведение финляндского и латвийского правительств может быть об'яснено только давлением и подстрекательством какой-то спрятанной за кулисами сильной руки, на помощь которой в критическую минуту эти правительства рассчитывают. Такой закулисной силой, подстрекающей их против Советской России, может быть только Антанта, и в первую голову Англия.

Мы видим, таким образом, что вновь складывается цепь от Балтийского до Черного моря, которою Антанта намерена задушить Советскую Россию. Финляндия, Латвия, Польша, Петлюра, деникинский Крым, составляют почти непрерывные звенья этой цепи. Англия остается верна своей вековой политике. Ей не нужна победа той или другой русской партии: она так же мало желает победы контр-революции, как и упрочения Советской власти; ей нужна слабая, разрозненная, раздробленная и бессильная Россия. Решив, по-видимому, что еще не исчерпаны все способы к достижению этой цели, она, после временного колебания, вновь вернулась к политике интервенции.

Но на этот раз положение сильно изменилось. Прежде Антанта, и в первую голову Англия, проводя политику вмешательства в наши дела или, лучше сказать, нападения на Россию, могла опираться на более или менее обширные круги русских контр-революционеров, изменников своего отечества, придававших иноземному нападению своими выступлениями некоторую видимость внутреннего движения. Ныне, с полным разгромом внутренней контр-революции, интервенция Антанты, осуществляемая с помощью окрестных государств, уже принимает свой настоящий облик иноземного вторжения. А это обстоятельство властно заставляет даже такие элементы, которые не стоят на советской платформе, притти на помощь Советскому правительству, ибо оно, как это ясно для всех, является теперь единственным защитником не только революционных завоеваний русских трудящихся масс, но и национальной независимости и чести России. Если все предыдущие попытки удушить русскую революцию кончались неудачей, то новый поход иноземного капитала на Советскую Россию заранее обречен на еще более полное и позорное фиаско.

([illegible])

Девятый вал.

Н. Бухарин.

Советская республика снова подвергается тягчайшей опасности. Гибнущая буржуазия напрягает все силы и бросает их в бой. Борьба на западном фронте становится все более и более упорной и тяжелой. Наше продвижение остановлено. Местами красные части отошли под возросшим давлением противника. Польская белогвардейщина, зверски уничтожившая Борисов, стягивает все свои резервы и бросает в бой против нас даже те свои части, которые стояли на германской границе. Что это может значить? Что-либо одно из двух: либо маршал Пилсудский сговорился не только с Антантой, но и с правительством убийц Карла Либкнехта, с генеральской шейдемановской кликой; либо Франция гарантировала белой Польше безопасность ее границ на западе тем, что стянула свои войска на восточной границе Германии. В это самое время английские дипломаты, вроде „благородного" лорда Керзона, из якобы „гуманных чувств" взывавшего к нашему милосердию и просившего о пощаде для сиятельного барона Врангеля, на самом деле провокационно помогали господину барону перестроить его белую армию, переорганизовать ее и подготовить к новому разбойничьему нападению на Советскую Россию. И господин барон уже переходит в наступление против России.

При таких условиях невозможно сомневаться в том, о чем мы уже писали раньше. Над Советской республикой нависла новая интервенция международного капитала. Не будет ничего удивительного и в том, что румынские бояре и прочие запасные части господина Капитала тотчас же сорвутся со своей цепи, если ухудшится военное положение России. Вот почему перед всеми трудящимися России стоит во весь рост вопрос об отпоре капиталистическим хищникам. Польский пан, немецко-истинно-русский барон, французский рабовладелец, английский купец, прусский лейтенант—все они девятым валом контр-революции хотят смыть Советскую республику.

Мы должны помнить, что от исхода этой великой борьбы зависит судьба мира и судьба России. Те, кто хочет, чтобы вместо Советской России были тысячи уделов, где бы княжили и управляли колониальные грабители английской, французской, польской и всякой другой баронской марки, пойдут за нашими врагами, и мы должны будем принять все меры для того, чтобы задушить любую провокационную попытку с их стороны. Те, кто хочет видеть нашу страну на своих собственных ногах, без капиталистов, без хищников, без помещиков; те, кто хочет ее возрождения и ее расцвета, те пойдут на беззаветную борьбу против грязных душителей.

Борьба старого и нового поднимается сейчас во весь свой исполинский рост. И мы, с своей стороны, должны мобилизовать все, что имеется в нашем распоряжении.

Товарищи коммунисты! Вы послали на фронт тысячи. Теперь нужно слать десятки тысяч!

Товарищи красноармейцы! Вы честно и храбро отстаивали трудовую республику против пана и помещика. Теперь нужно удесятерить ваш отпор.

Все рабочие и работницы! Вы три года на фронте и в тылу боролись с паразитами. Теперь нужно умножить ваши усилия.

Крестьяне! Вы слали своих сыновей защищать ваши земли от помещика. Теперь идет самый жестокий, самый гнусный помещик. Все для отпора ему!

Все граждане, которые не хотят видеть Россию под сапогом баронов и иностранных купцов, которые не торгуют страной—идите на помощь рабочему классу в его борьбе!.

Долой убийц, поджигателей, зверей, сжигающих города!

Да здравствует Советская республика!

(„Известия" № 96—6 мая).

Польская война на Украине и на Дону.

Г. Зиновьев.

Если бы польских панов не было, их надо было бы выдумать. В этой формуле я могу под'итожить те впечатления, какие вынес от поездки на Украину и на Дон.

Все население, буквально все население городов, за исключением разве только наемных польских шпионов и „космополитов"-спекулянтов, в нашей войне против польской шляхты стоит целиком на нашей стороне.

Среди рабочих Харькова имели до сих пор некоторое влияние меньшевики. На одном из главных заводов Харькова,—на паровозном заводе,—месяца два тому назад при выборах в Харьковский Совет меньшевики получили около $^{2}/_{3}$ голосов. В Харьковском Совете меньшевики имели 200 делегатов (больше, чем на 1.000 всех делегатов). Теперь положение переменилось и меняется с каждым днем. Мне случилось побывать на митинге на упомянутом паровозном заводе. Кроме нескольких тысяч паровозников на митинг пришли также рабочие шести соседних заводов. Собралось около 8,000 человек. Меньшевики прислали своих лидеров, которые получили неограниченную свободу слова. Ораторы меньшевиков подделались под настроение рабочих. Они говорили против польских панов, они заявляли, что пойдут на фронт защищать Советскую власть в ее борьбе с польской буржуазией. И они вносили только одну добренькую „поправочку" к нашей резолюции. Поправка эта гласила: для более успешной борьбы Советской власти с польскими панами необходимо, чтобы образовался единый фронт всех социалистических партий, необходимо, чтобы инициативу этого об'единения взяли на себя коммунисты.

На этой почве, казалось, довольно легко было бы уловить, по крайней мере, часть рабочих, особенно из тех, которые до сих пор по тем или другим причинам шли за меньшевиками. Но честная рабочая толпа своим чутким ухом сразу уловила фальшивую ноту. Рядовой рабочий сразу понял, что если меньшевики искренно хотят бороться против польских панов, никаких специальных договоров и об'единений по этому вопросу не надо. И грандиозное собрание подавляющим большинством голосов против 6-ти человек демонстративно провалило поправку меньшевистских лидеров и присоединилось к нам.

Такая же картина наблюдалась в железнодорожных мастерских и на других заводах. Меньшевики на всех перекрестках кричат, что они в данное время за Советскую власть и готовы бороться против польских панов. Но на всеукраинском с'езде они отсутствовали, обидевшись на то, что Харьковский Совет не дал представительства меньшинству. Рабочие Харькова чутьем поняли, что в нынешней позиции меньшевиков по отношению к русско-польской войне можно найти все, что угодно, только не искренность и не последовательность. И те предприятия, которые месяца два тому назад избирали меньшевиков в Харьковский Совет Рабочих Депутатов, теперь одного за другим отзывают меньшевистских делегатов и заменяют их нашими товарищами.

Настроение рабочих повсюду совершенно одинаковое: сосредоточенная, клокочущая ненависть против польских панов, помешавших нам начать мирное строительство.

В Луганске грандиозный чисто рабочий митинг, на котором присутствовало около 20,000 людей, загорелся при одном упоминании польских панов. Среди шахтеров в Никитовке, Горловке, а также в Таганроге, где на митинге собралось не меньше 10-ти тысяч человек, картина такая же.

Но особенно великолепен был рабочий митинг в Ростове. Давно уже не приходилось нам говорить перед такой аудиторией. На громадной площади за городом собралось не менее 40,000 людей. Состав чисто пролетарский. И все глаза горят одной мыслью: победить польских панов, помочь Советской власти сделать это в кратчайший срок. Попытка одного полуанархиста полумахновца внести раздвоение в это настроение толпы встречается непосредственным шиканием всей собравшейся массы. В течение 15-ти минут после окончания митинга нам не дают уехать: все от мала до велика участвуют в импровизированной горячей демонстрации в пользу коммунистов.

Но еще важнее настроение крестьянства на Украине. Вся беда наша на Украине до сих пор была в том, что мы не имели еще достаточно твердой опоры в деревне. И теперь мы можем смело сказать: „Не было бы счастья, да несчастье помогло“. Поход пана Петлюры и пана Пилсудского, несомненно, сблизит с нами деревню гораздо быстрее, чем это произошло бы без этого похода. Надо было видеть многочисленных крестьян на 4-м всеукраинском съезде, надо было слышать речи ходоков из Харьковской и Полтавской губернии, явившихся на съезд с хлебом-солью и с простыми, бесхитростными речами против панов, надо было читать многочисленные резолюции, поступающие уже сейчас из деревень, надо было присутствовать на 4-м съезде в момент чтения манифеста по поводу польской войны, зажегшего одной электрической искрой буквально всю громадную аудиторию, надо было видеть подгородных харьковских крестьян, пришедших на торжество вручения знамени Украинской республике, надо было слышать, что говорят харьковские только что мобилизованные крестьяне, которые пришли на мобилизацию в числе 120%, против ожидаемого. Украинскому крестьянству становится ясно: пан Петлюра и Пилсудский разрезали Украину на три куска: один кусок отдают польским панам, два куска хотят отдать украинским помещикам. Польские и украинские паны хотят еще в этом году собирать урожай с крестьянской земли. Рядовой крестьянин понял это, и этого достаточно.

Надежды Антанты и Петлюры на восстания крестьян против нас рушились. Украинский кулак наполовину поддержит Петлюру, и то лишь до того момента, пока наша Красная армия нанесет первый сильный удар на украинском фронте. Украинская интеллигенция из простого чувства чистоплотности в доброй своей части теперь окончательно отвернется от пана Петлюры. А рабочий класс, громадное количество трудящегося и среднего крестьянства и вся Красная армия, как один человек, сплотятся вокруг нас в нашей священной борьбе против польской и украинской буржуазии.

„Смерть польским панам!“ „Смерть христопродавцу Петлюре!“. Этот клич все громче и громче звучит во всех уголках Украины. Этот зловещий для Пилсудского и Петлюры клич скоро будет услышан и на берегах Сены и Темзы.

(„Изв.“ № 117 — 2 июня).

Польское наступление.

Карл Радек.

Две недели тому назад мы назвали польский вопрос пробным камнем отношения союзников к нам. Советское правительство дало возможность союзникам быть „честным маклером“ между нами и Польшей, но они на наше предложение не откликнулись. Известный английский публицист Брельсфорд, редактор иностранного отдела „Нейшен“ времен, когда Ллойд-Джордж был еще пацифистом, пишет в „Дейли Геральд“ от 21 апреля, что война Польши с Россией является продуктом производства союзников. По-нашему, Брельсфорд преувеличивает,— союзники не имеют никакого интереса к разгрому Польши, а они понимают соотношение сил и знают, что польские авантюристы, в конце концов, будут биты.

Если бы союзники были отцами польской авантюры, то Англия не настаивала бы на прекращении борьбы на юге, что является равносильным освобождению одной из наших армий для нужд западного фронта. Так далеко даже пресловутое коварство некоторых из союзников не идет. Дело в том, что нет общей политики союзников, нет не только одной воли, руководящей всеми союзниками, но нет определенной политики у каждого из союзников. Союзники не могли сойтись на общей политике по отношению к Польше, у них нет программы, определяющей их отношение к судьбам Белоруссии, Литвы и Украины. Поэтому они принуждены были предоставить польским панам, как самой крупной и дееспособной части союзного лагеря, изучение спорных областей при помощи кирки. Перед лицом своих народных масс союзные правительства стоят или как непосредственные виновники войны, или как бессильные, жалкие „могущества“, над которыми [illegible] их собственные союзники.

Пан Пилсудский, [illegible] прежде [illegible] президенты в теперешней [illegible] польской республики, доказывает, сударю и когда он, как руководитель польских легионов, кричал „хох“, „ура“ в честь Вильгельма, не прошло для него без пользы: он изучил в точности все прусские методы и нравы. Сначала г. Пилсудский, подражая генералу Гофману, приглашал нас в Борисов, из которого он хотел устроить второй Брест. Но именно поэтому мы в Борисов не поехали и не поедем. Когда г. Пилсудский вспомнил, как поступил его учитель, после того, как мы отказались подписать Брестский мир, он также решил бить против нас украинскую карту. Когда несколько месяцев тому назад польская пресса сообщила о том, что холоп Антанты Пилсудский купил себе украинского холопа Петлюру в качестве союзника, польское правительство опровергло это известие, и даже такие националистические органы, как „Курьер Варшавский“ и „Газета Варшавская“, доказывали, что связываться с Петлюрой, который представляет собою не больше, ни меньше, как пустое место, значит идти на полную авантюру, идти на оккупацию польскими войсками Украины, развязать там не только социальную, но национальную стихию. Г. Пилсудский, видя что мы на брестскую политику не идем, забыл все последствия украинской истории последних лет [illegible] Деникина; г. Пилсудский, [illegible] на Украину, [illegible] только показывает, что существует какой-то [illegible] истории, в силу которого обречен [illegible] себе [illegible] могилу.

Г. Пилсудский [illegible] помещики и польские паны [illegible] себе могилы, [illegible] и украинские рабочие и крестьяне [illegible] Будет ли Советское [illegible] вести переговоры [illegible] мирной конференции [illegible] красноармейцы и красные казаки [illegible] сделали все возможное для того, чтобы эти переговоры [illegible]

Союзники, желая торговать с Россией, не умели обеспечить нам условий мирного хозяйственного строительства и товарообмена. Они предоставили нам самим расчистить себе путь к мирным сношениям с ними. Эта задача будет нам стоить крови и усилий, но мы ее выполним. Но само собою понятно, что когда будет бита последняя карта союзной военной кампании, мы принуждены будем в цене за свои товары получить возмещение наших военных издержек.

(„Изв." № 92—30 апреля).

Союзники и война Польши против Советской России [1].

Карл Радек

Белогвардейскую Польшу мы должны разгромить собственными силами. Нашим союзником в этой борьбе будет только пролетариат: пролетариат польский, восстающий в тылу польской армии, по мере того, как наши победы ослабят силу польской контрреволюции, немецкий пролетариат, который в своих передовых частях великолепно понимает значение уничтожения барьера между Россией и Германией, пролетариат стран Согласия, который понял всю двусмысленность политики союзников по отношению к Советской России, выскажет свое мнение по этому поводу, как высказал его по поводу открытой интервенции. Правительства же союзников на деле доказали, что вмешиваться в нашу пользу против Польши они не хотят или не могут.

Но недостаточно констатировать этот факт, — очень важно установить точно отношение союзников к польскому нападению, ибо от нашего правильного учета этого отношения зависят и наша политика по отношению к союзникам и перспективы русско-польской войны. Мы вчера заявляли, что считаем решение союзников идти на сделку с Советской Россией неокончательным. Речь Ллойд-Джорджа по поводу конференции союзников в Сан Ремо, — речь, в которой он сообщает, что союзники подтвердили решение о начале торговых сношений с Советской Россией, ничего не говорит против нашего утверждения. Позитивного изменения в курсе союзников по отношению к Советской России нет. Но не подлежит сомнению, — наши предположения имеют характер не только гипотезы, — что союзники поверили триумфальному тону польских военных бюллетеней, что союзники верят в то, что поляки сломили наступление больших советских армий. Из этого делают вывод о разложении советской армии и уменьшении ее боеспособности. Союзники будут поэтому выжидать и желать, а вдруг белогвардейская Польша поможет им низвергнуть большевиков и создать белогвардейскую Россию. Вопрос только в том, имеем ли мы дело только с выжидательной политикой, которая в случае нашего разгрома может уступить место новой волне интервенционизма, или имеем дело с затеей самих союзников.

Эту последнюю гипотезу мы считаем ошибочной.

В польском вопросе интересы французского и английского империализма расходятся. Франции абсолютно необходима сильная белогвардейская Польша, как единственный союзник, связанный общностью интересов с Францией, против Германии. Империалистическая Франция, которая, боясь Германии, должна держать меч над ее головой, принуждена поддерживать Польшу. С этой точки зрения Франция должна бы была удерживать Польшу от авантюры с Россией, ибо Польша нужна ей, как сила, направленная против Германии, но раз Польше удалось убедить Францию в том, что Советская Россия пытается ее уничтожить, что Советская Россия наступает, то французскому империализму, если он хочет сохранить Польшу, не остается ничего иного, как поддерживать Польшу.

Отношение английского империализма иное. Английский империализм хочет выжать из Германии в экономическом смысле все, что только возможно. Но именно поэтому он против разрушительной политики Франции по отношению к Германии, и в связи с этим он против усиления польского союзника Франции, ибо Польша формально связана со всеми союзниками, а на деле она против Англии, за Францию. Она является звеном в попытке Франции заменить Германию в качестве гегемона на континенте. Отношение английской прессы к Польше более чем холодное; отношение польской прессы к Англии прямо-таки ненавистное. Эти общие положения не изменились и в последнее время. Заявление Ллойд Джорджа о том, что союзники пришли к полному соглашению в вопросах, в которых мнения их расходились, это то, что в Англии называют „парламентской правдой", — совершенной ложью.

Сколь долго победы поляков будут преувеличиваться, мы не добьемся с союзниками никакого твердого договора, даже по вопросам о торговых сношениях. В случае польских побед лорд Керзон будет нам присылать ноты, в которых он по ошибке будет считать разные русские города английскими, как это случилось с Батумом, и Ллойд-Джордж еще многократно будет терзаем сомнением, являемся ли мы цивилизованной державой. Но поддержки в размерах, которые получали Колчак, Деникин и Юденич от союзников, Польша не получит. Вера в победу белых все-таки сильно в странах союзников подорвана. Украинская программа поляков настолько авантюристская, что она вряд ли позволит союзникам заявить, что поляки борются за законные требования Польши. После того, как союзники месяцы вели переговоры с нами, им ни как не удастся теперь выступить в позе гордых испанцев, заявляющих, что они не могут дать руку „большевистским убийцам".

Из этого следует, что мы вступаем в войну с Польшей в десять раз лучших международных условиях, чем когда мы начинали нашу борьбу против Колчака, Деникина и Юденича, окружавших нас железным кольцом. Мы вступаем в бой с полной уверенностью в победе, и это наше убеждение базируется не только на анализе соотношения сил Польши и России, но и на анализе отношений международных, на анализе отношения союзников к Польше и к нам.

(„Изв." № 95—5 мая).

[1] Редакция считает нужным ... Радека ... союзников к ... с взглядом редакции на этот вопро[с] („Изв." № 95, 5 мая).

Последние освободители.

Карл Радек.

Маркс говорит в „18-ое брюмера", что явления, которые один раз имели трагический характер, потом повторяются, как трагикомедия. Лозунг освободительной войны, с которым вступили в грабительскую, грязную империалистическую войну все капиталистические государства, был, что касается заправил этих государств, всегда чистой комедией. Но народные массы во всех воюющих странах верили этому лозунгу. Немецкие рабочие, брошенные Гогенцоллернами и Круппами в войну из-за прибылей Немецкого банка, верили свято вначале, что, уничтожая миллионы русских мужиков, они борются за освобождение народов от царского кошмара. Народные массы Англии, Франции, Америки, погибая за дело биржевых акул, свято верили, что освободят мир от милитаризма, единственным центром которого считали Гогенцоллернскую монархию. Но когда г. Пилсудский и польская буржуазия поднимают знамя освобождения украинцев, то они будут встречены всеобщим хохотом.

На глазах всего мира польские помещики давили и душили пятьсот лет украинских крестьян, все развитие украинского народа проходило в кровавой борьбе против польских эксплоататоров. все казацкие бунты, вся борьба Запорожской сечи, борьба Хмельницкого были борьбою украинских крестьян против ярма польских помещиков. Когда в середине XIX столетия у придавленного украинского народа начало снова пробуждаться национальное сознание, когда он стал чувствовать себя особым народом, он определялся в борьбе с польскими помещиками, которые его пробуждение не смогли объяснить иначе, как интригой австрийского генерал-губернатора в Лемберге, графа Стадиона. Последние пятьдесят лет перед мировою войною восточная Галиция представляет сплошное поле сражений между просыпающимся украинским мужиком и польским помещиком, который на каждом шагу мешает созданию украинских школ, ибо он знает, что обучившийся грамоте украинский мужик не захочет даром работать на польского помещика. Когда из украинского крестьянского населения начала выкристаллизовываться украинская интеллигенция, она должна была вести упорнейшую борьбу за создание украинского университета,—борьбу, принимавшую такие острые формы, что украинский студент хватался за револьвер против польского наместника, задерживавшего всякий шаг национального возрождения Украины.

В Украине, находившейся под властью русских царей, маленькая кучка польских помещиков, державшая в своих руках половину помещичьей земли, давила совместно с царскими жандармами украинских крестьян, призывала против них царские войска, когда те осмеливались бунтовать. Когда началась мировая война, польские офицеры были самыми свирепыми палачами украинских крестьян в восточной Галиции. Протоколы австрийского парламента, документы австрийских польских судов рассказывают чудовищные вещи о расправе польского офицерства, учинявшейся над украинским крестьянством, в котором бездарное польское офицерство искало козла отпущения за свои поражения. Когда украинская интеллигенция начинает за границей пропагандировать идею украинской независимости, она ни с какой стороны не находит столько противодействия, как со стороны польских прессбюро за границей. Первым актом созданного в ноябре 1918 г. польского государства является война против украинцев из-за обладания украинскими землями и эксплоатации украинских крестьян в восточной Галиции. В войне с Советской Россией польские помещики захватывают Волынь и Подолию, дабы обеспечить за польскими помещиками, принужденными делать уступки польским крестьянам у себя, безвольных украинских рабов. И вдруг—освободители.

Г. Пилсудский не мог выдумать более смехотворного хода, как „освобождение Украины" в качестве лозунга войны с Советской Россией. Точно так же обстоит дело, если посмотреть на него со стороны контрагента Пилсудского, в „освободительной войне".

Бывший социал-демократ Петлюра, из мелкобуржуазного украинского национализма, приветствовал войска германского империализма, как освободителей от „ига" русских крестьян и рабочих. Это было предательство по отношению и к русским, и к украинским рабочим и крестьянам, ибо только на руках мирового империализма угнетенные народы могут добиться свободы и возможности национального развития. Но подчинение германскому империализму имело хотя фантастическую программу развития Украины. Украинские мелкобуржуазные дилетанты верили брошюркам германских империалистов в роде Вебаха, которые заявляли, что сильная Украина им нужна одновременно, как противовес против Великороссии и Польши. Они верили, что, имея богатые материальные источники Украины—хлеб, уголь и железо, они сумеют выторговать известную самостоятельность у германского империализма. Когда, разогнав предательскую раду, германский империализм карательными экспедициями против украинских крестьян доказал, что свобода Украины означает для него только одно—свободу грабить украинских крестьян, Петлюра организовал восстание против немцев. Он продал Советскую Россию второй раз союзникам, когда поверил, что союзный капитал справится с ней. Г. Петлюра, продавая Советскую Россию, мог в свою защиту сказать хотя бы то, что, ведь, союзный капитал не нуждался ни в украинском хлебе, ни в национальном угнетении украинцев, что главной картой союзников могут быть только русские белогвардейцы, и что поэтому они не могут признать независимости Украины. Понять это было не по силам мелкому украинскому политикану, и он очутился снова в дураках. И когда Деникин занял всю украинскую территорию, Петлюра обращается снова к Советской власти с предложением совместных действий против Деникина. Но г. Петлюра был никуда не годным союзником, ибо, кроме хулиганских банд, разрушающих Украину, он ничего представлял.

Не будучи в состоянии собственными силами ничего предпринять против Советской России, Петлюра, которого поляки третировали, арестуя его министров, продается полякам. Но он продается им уже не по недостатку дальновидности—он продается им, как обыкновенный авантюрист, как обыкновенный кондотьер, которому безразлично, на чьей он службе находится. Этот украинский националист, ведь, знает, что заклятым врагом не только независимости Украины, но даже ее национального развития, являются именно его теперешние союзники—польские дворяне и польская буржуазия. Этот человек, претендующий на звание крестьянского вождя, знает, что не быть свободными украинским крестьянам, пока сидят у них на шее польские помещики, которыми не может жертвовать его друг, г. Пилсудский, игрушка в руках польских панов. Он продается без всякой иллюзии, как проститутка на улице. Он отдает на растерзание польской оккупации украинских крестьян, чтобы польские графы позволили ему притворяться владельцем Украины, хотя бы на задворках польской гауптвахты в Киеве.

Г. Пилсудский в шляхетском кунтуше и батько Петлюра в синем жупане, рука-об-руку под одним знаменем борющиеся за освобождение Украины,—это великолепнейшая шутка, которую могла сыграть старуха история. Но, как говорят

французы. Хорошая шутка коротка. И прогнав Пилсудского за Вислу, украинские рабочие и крестьяне покончат совместно с русскими крестьянами и рабочими раз навсегда и с Петлюрой, предателем украинского народа, предателем украинских крестьян и рабочих. Шуты гороховые, как знаменосцы войны против Советской России, — это еще более позорный конец новому походу защитников цивилизации против „коммунистического варварства“, чем все, которые до этого времени были предпринимаемы ими против Советской России. („Изв.“ № 93—4 мая)

Перспективы русско-польской войны.

Карл Радек.

Белогвардейская Польша будет разбита тем скорее, чем яснее народные массы России будут понимать международные, как и внутренне-польские условия этой борьбы.

В международном отношении нельзя забывать, что мы мира с союзниками еще не имеем. Нападение Польши снова создает надежды среди военных клик в странах Согласия на то, что мы можем быть еще разбиты. Война Польши против Советской России открывает таким образом возможность возрождения нашей внутренней контр-революции. Ее последствия отзовутся, наверное, на наших переговорах с союзниками по вопросам о товарообмене. Пока мы не начнем порядочно бить поляков, эти переговоры будут союзниками всячески затягиваться; союзники будут ждать определения исхода нашей борьбы с Польшей. Поэтому, чтобы между союзниками не могла взять верх военная клика, мы должны бить польских белогвардейцев скорейшим темпом.

Каково же соотношение сил между нами и поляками? Наша армия больше польской, но поляки расчитывают на затруднения у нас с транспортом. Этот польский расчет окажется неправильным. Если бы даже обоснованным было убеждение поляков, что мы не сумеем легко перебросить достаточных сил с других фронтов на западный, то полякам пришлось бы еще раз, — как это уже раз случилось с Деникиным и Юденичем, — узнать, что опасно подходить к нам на чересчур близкое расстояние. И им пришлось бы понять ту военную истину, что неважно, где бьешь противника, если только его бьешь. Где бы мы польских белогвардейцев ни били, мы будем их бить превосходством числа, превосходством вооружения, превосходством моральным, единством внутренней спайки в Красной Армии. Но эта борьба будет труднее, чем та, которую нам приходилось вести с Деникиным и Колчаком. Поляки создали свою армию в продолжение целого года, и не подлежит никакому сомнению, что насколько армия капиталистическая в данных условиях может представлять ценность, то польская армия такой армией является, и рассматривать ее как банды является уже с военной точки зрения неправильным самообманом. Конечно, обостренные до невозможного классовые противоречия в Польше отзовутся очень сильно на боеспособности польской армии. Но классовые противоречия прорывают скорлупу армии только после ее поражения, впредь же до поражений военный террор командования сумеет справиться с недовольством пролетариев, принужденных сражаться против Советской России. Нанесение решающего удара польским белогвардейцам будет с моральной стороны затруднено фактом существования в широких массах Польши национализма, боязни перед русским национальным гнетом. Широкие массы польской мелкой буржуазии уверены в том, что Советская Россия стремится к захвату Польши. Красный генерал или белый генерал остается для них русским генералом. Об отношении польской буржуазии и польских помещиков и говорить не приходится. Хотя между польской буржуазией и польскими помещиками существуют серьезные разногласия на почве восточной программы, ибо польская буржуазия озабочена больше вопросом о возмещении материальных убытков и об экономической эксплоатации России, в то время как помещики стремятся в первую очередь к территориальным захватам, но с момента войны эти эксплоататорские клики Польши соединятся для отражения общей опасности, им угрожающей. Только после первых сильных поражений можно расчитывать на сильные столкновения между руководящими кликами польской буржуазии.

Нельзя никоим образом преуменьшать опасность, угрожающую нам со стороны Польши. Надо считать ее пока-что противником сильным и опасным, и надо твердо помнить, что только полнейшей концентрацией сил на задачах, связанных с русско-польской войной, мы сумеем скоро эту войну победоносно закончить. Всякая половинчатость, всякий расчет на то, что немножко повоюем и что, доказав Польше, что она ошиблась в оценке наших сил, с нею скоро помиримся, всякая попытка соединить эту войну с одновременным широким хозяйственным строительством, ослабит только скорость преодоления войны и отдалит момент, когда мы сможем вполне отдаться экономическим задачам. Нам нужен полный разгром белогвардейской Польши. Она доказала на деле, что она не может существовать одновременно с Советской Россией. Но если невозможно существование рядом с Советской Россией белогвардейской Польши, то рядом с Советской Россией будет существовать Советская Польша.

(„Изв.“ № 93—4 мая).

Да здравствует хлопская и рабочая Польша.

Ю. Стеклов.

Что наглая и ничем не вызванная провокация польских белогвардейцев произвела совершенно не тот эффект, на который, повидимому, расчитывали ее инициаторы и вдохновители — это теперь ясно для самих ясновельможных панов. Они думали совершить увеселительную военную прогулку и показать Антанте, что та преувеличивает силу и прочность Советской власти, и жестоко ошиблись. При вести об угрозе, снова надвигающейся на социалистическое отечество, всколыхнулись самые широкие массы рабочих и крестьян Советской Республики. Коммунистическая партия уже начала мобилизацию своих сил на польский фронт. Снова вспыхнуло добровольческое движение. Отдельные товарищи, группы рабочих, отдельные воинские части, как бы опасаясь, что они останутся в стороне от великого дела обороны Советской республики, наперерыв предлагают свои услуги и просят о предоставлении им почетного права первыми пролить свою кровь за социалистическое отечество. Повторяются незабвенные дни первых революционных боев. И вместо увеселительной прогулки польские белогвардейцы с ужасом видят, что они накликали на себя священную войну рабочего народа против вековечных душителей и паразитов.

Как бы эта безудержно фанфаронишка ни хвастались. [illegible] временными успехами, [illegible] усложненными неожиданностью их нападения, они в глубине того, что заменяет у них душу, не могут не сознавать, что идут навстречу верной гибели. Они бы теперь, вероятно, готовы были отступить назад и объяснить все происшедшее недоразумением, но к несчастью для них, они вызвали такие силы, которых остановить они уже не могут. Вино раскупорено, — его нужно выпить. И у них заранее должна кружиться голова при мысли о той чаше, которую приготовило им их собственное безрассудство.

Жребий брошен. Для того, чтобы мог жить русский народ, для того, чтобы мог жить польский трудящийся люд, панская Польша, буржуазная Польша должна умереть. Польша, как таковая, не погибла. Она останется, но останется как Польша холопская. Польша пролетарская, которая до сих пор еще не жила, но которая имеет все права на существование. С этой народной Польшей у Советской России не будет никаких недоразумений, а будет тесный братский союз и общее дело. Начавшаяся отчаянная война должна закончиться учреждением Польской Советской республики. И так будет! („Изв." № 96—6 мая).

Враг должен быть уничтожен.

Помещики-феодалы всегда и всюду были жестокими и высокомерными эксплоататорами и угнетателями. Но из всех видов феодалов польский пан был всегда самым высокомерным и самым жестоким угнетателем.

Украинские, литовские и белорусские крестьяне хорошо знают тяжелую руку польского пана. Веками они испытывали его гнет. Испытывал его и польский крестьянин. И нет крестьянства более забитого, более приниженного, чем крестьянство Польши, Литвы и особенно Белоруссии, которое так долго испытывало панский гнет.

Пан не только жестоко эксплоатирует, он стремится унизить того, кто от него зависит. С крестьянином он обращается хуже, чем со скотиной. Пан не позволит крестьянину даже поцеловать свою руку. Он боится, что крестьянин осквернит своими губами его холеную панскую руку. Крестьянин (даже такой же поляк, как и сам пан) должен целовать рукав пана, или, став на колени обнимать его ноги, даже целовать их.

Но пан жесток и высокомерен не только с крестьянином, а со всяким, кто стоит ниже его, кто от него зависит. На каждом шагу пан дает чувствовать это унижение. Нет той жестокости, на которую он не был бы способен.

Польские паны владели многими имениями в Киевской, Волынской, Подольской и других губерниях Западного края. Революция выгнала их оттуда. А теперь они идут со своими легионами, чтобы снова захватить свои поместья, чтобы снова стать панами, чтобы снова грабить и угнетать все население.

Письма, статьи и рассказы беженцев рисуют ужасную картину жестокостей и издевательств, которые творятся теперь в Западном крае, в местностях, захваченных белогвардейскими польскими бандами. Чуть не поголовное изнасилование женщин, убийства женщин, детей, стариков. Самые жестокие бессмысленные издевательства.

Чем дальше в глубь России и Украины подвигаются эти разбойничьи банды, тем больше горя, страданий, разорения несут они всему населению. Нужно как можно скорее остановить их шествие.

Теснее, чем когда-либо, должны мы теперь сомкнуть свои ряды. Дружнее, чем когда-либо, мы должны бросить на борьбу всю свою энергию. Разбойники должны быть остановлены. Разбойники должны быть выброшены из Советской России.

Пусть быстрее работают станки! Пусть сильнее бьет молот, работающий на оборону или на транспорт! Пусть метче стреляет винтовка красноармейца! Пусть каждый сделает все что может, для победы над высокомерным, надменным врагом.

(„Изв." № 98).

Разлад в лагере белой Польши.

Когда львовская газета „Вперед" сообщила, что польское правительство заключает с Петлюрой союз, наиболее распространенная буржуазная газета Польши „Курьер Варшавский" поместила статью, которая доказывает, что руководящие круги польской буржуазии великолепно понимают всю бессмысленность авантюры, в которую кинулось целое польское правительство, выдвигая наглую программу захвата Украины и создания там петлюровского атаманства.

Мы приводим главные места статьи:

„Мы стоим перед возможностями, имеющими громадное значение для нашего государства. Польша должна строить Украину, как независимое государство... Кто же там стоит за нас? Только г. Петлюра. Что из себя представляет г. Петлюра. Это один из атаманов, которых на Украине можно создать десятки. Имеет ли он поддержку местного общества? Нет, ибо он никогда не был в состоянии на Украине дольше продержаться, чем две недели, так как он был принужден бороться с собственными соотечественниками.

Не имея поддержки украинского общества, которое настроено или пассивно, или большевистски, или полонофобски, поляки принуждены были бы сами строить украинское государство. Надо было бы послать туда администраторов с тысячью чиновников. Надо было бы много лет держать там оккупационную армию, расходовать из польской казны миллиарды. И все это надо было бы делать в момент, когда нас здесь, в коренной Польше, ожидают громадные задачи организации государства. Чтобы фактически включить в Польшу неосвобожденные области, надо обучать громадное количество чиновников и общественных деятелей, надо проявить громадную энергию в области хозяйства и культуры, надо стать на страже над Вислою, приобрести Данциг для Польши, усилиться на море и внутри фактически объединить старые части Польши.

Господствовать долго на Украине без согласия местного населения невозможно; рано или поздно, но нам пришлось бы созвать украинскую учредилку. Не много надо иметь дальновидности, чтобы предвидеть, что мы можем ожидать от украинской учредилки. Самостийники кричали бы: „Долой Польшу!", большевики требовали бы соединения с Советской Россией, социалисты революционеры требовали бы федерации с Россией, а украинская интеллигенция выступила бы с программой Великой Украины, вплоть до Сана, и на этом сошлись бы все противники Польши. За нее на Украине никто не стоит и не будет стоять. В этих условиях создание украинского государства Польшей было бы чисто-милитарным предприятием, которое как всякие другие предприятия того же рода кончилось бы политической неудачей. Последствия этого провала были бы громадные. Быть может, что в этот момент

решаются судьбы нашего народа и государства. Или мы ограничим наши притязания на земли бесспорно польские и бесспорно тяготеющие к Польше и создадим стойкий крепкий организм, сосредоточивающий всю энергию внутри, или же, как это было в плачевном прошлом, мы захотим разлиться по восточным областям, терять лучшие силы на экстенсивную политику, увеличивать число своих врагов, отрывать свой взор от находящейся под вечной угрозой западной границы и приковывать свое внимание к национальным и государственным загадкам на востоке. Демократическое общество требует ясности".

Эта статья появилась 13 апреля. В тот же самый день „Газета Поранна", массовый орган самой влиятельной буржуазной партии национал-демократии, помещает статью под заглавием „Неслыханная компрометация", в которой называет Петлюру „атаманчиком", „бродягой", которого только из милости терпят, который в собственном „государстве не имеет ни одного квадратного дюйма земли". „Достаточно этой политики, которая является смесью доктринерских студенческих, социалистических выдумок и фанфаронадий а-ля Тартарен де-Тараскон", кончает газета.

Требование гласности, выдвигаемое самыми влиятельными органами польской буржуазии, понятно, не нашло отклика Тартаренов, вершающих судьбы польского народа. Польское министерство иностранных дел опубликовало лживое сообщение и в тишине заключило авантюристский договор с Петлюрой. В результате получился правительственный кризис. Лионское радио от 4 мая сообщает об уходе из правительства Владислава Грабского, министра финансов, представителя национал-демократии. Одновременно партия, из недр которой вышел Пилсудский и членом которой он фактически является, хотя как президент государства формально к ней не принадлежит, ведет кампанию против политики Пилсудского. Наши товарищи польские коммунисты совершенно правы, разоблачая двуличие этой политики польской социалистической партии, которая, уступая давлению масс, борется против политики Пилсудского, но не смеет открыто заявить, что он предал ее военщине. Но необходимость такого двуличия у сильной политической партии доказывает, в каком тяжелом положении она находится, и на то, что Пилсудский не в состоянии на нее опереться против напора с одной стороны польской буржуазии, которая хочет крепко захватить столько, сколько надеется удержать в руках, но которая выступает против безбожных авантюр Пилсудского, с другой—против напора рабочих масс, которые стоят за честный мир с Советской Россией. Мы повторяем, было бы опасно надеяться, что военная польская авантюра будет взорвана изнутри внутренним разладом, если польская армия будет побеждать дальше. Но этот разлад облегчает нам защиту Советской России и обещает, что успех нашего оружия приведет к банкротству преступной клики, затеявшей польско-русскую войну. („Изв." № 96—6 мая).

Война, но не против польского народа.

Ю. Стеклов.

Является ли нынешняя война между Польшей и Россией национальной войной? Нет! Таковой она не является ни с их, ни с нашей стороны. Польское правительство ведет явно захватническую, то есть империалистическую, войну. Бороться за свое национальное единство полякам не приходится по той простой причине, что оно уже осуществлено. Сопротивляться попыткам иноземного порабощения они также не должны, потому что никто таких попыток не делает. И мы меньше всего. С нашей стороны эта война носит чисто-оборонительный и вынужденный характер. Мы воевать не хотели, и сейчас даем лишь отпор социальному и территориальному наступлению польской белогвардейщины.

С ними мы действительно воюем. Но с польским народом мы войны не ведем. Об этом определенно заявляют постановления и воззвания В. Ц. И. К., Совнаркома, нашей прессы, наших собраний, партийных и советских организаций. И в наших устах это не пустая фраза.

Мы знаем, что наши враги могут сказать: „Все это побасенки, лицемерные заявления. Всякое правительство, начиная войну против какого-нибудь чужого государства, обыкновенно заявляет, что оно воюет только с правительством этого государства, а не с его народом". Разве Пруссия не заявляла в 1870 году, что она ведет войну только против Наполеона III, а не против французского народа? Это не помешало ей, одержав победу, отнять у Франции две провинции и обложить ее 5 миллиардной контрибуцией, несмотря на то, что Наполеон III к тому времени был уже низвергнут, а возникшая после него республика предлагала пруссакам почетный мир. И разве через полстолетия эта самая история не повторилась, но на этот раз уже к ущербу немцев? Ведь правительства держав Согласия все время кричали, что они воюют только против прусского милитаризма, против династий Гогенцоллернов и Габсбургов, но отнюдь не против германского народа. Но, несмотря на то, что обе династии были низвергнуты, союзники разорили и ограбили те самые народы, против которых они, якобы, не собирались воевать

Конечно, подобные заявления в устах буржуазных, хищнических, империалистических правительств представляют сплошное лицемерие. И если бы белогвардейская Польша имела бесстыдство заявить, что она против украинского и русского народа войны не ведет, ей бы никто не поверил. Но когда такие заявления делает Советская Россия, то она говорит истинную правду.

Советская Россия прежде всего не заинтересована в подавлении или в порабощении других народов. Не только сама она не собирается чинить насилия над другими народами, но и всякое угнетение одних народов другими для нее невыгодно. Советская Россия может чувствовать себя в полной безопасности только тогда, когда все народы освободятся, а национальное угнетение исчезнет с лица земли. Поэтому она прямо заинтересована в уничтожении империализма, в прекращении национальных захватов, в освобождении всех больших и малых наций, в превращении всего человечества в одну братскую семью равноправных и свободно договаривающихся народов. В особенности для нее важно, чтобы в ее собственных пределах и на ее границах был положен конец всякому национальному угнетению, ибо без этого немыслимо установление того всеобщего мира, к которому она стремится как по политическим, так и по хозяйственным мотивам.

Таковы теоретические соображения. Не менее громко говорят о том же факты. Отношение Советской России как к национальностям, населяющим окраины бывшей Российской империи, так и к народностям, живущим внутри самой Советской республики, показывает, что принцип национального самоопределения не является для нас декларативной фразой, а составляет самую основу всей нашей внутренней и внешней политики. Да и история наших переговоров с польским правительством свидетельствует в пользу того же положения: ведь недавно еще мы изъявили готовность уступить Польше гораздо больше того, чем ей даже полагается согласно принципу национального самоопределения

Вот почему в наших устах заявление о том, что мы с польским народом не воюем, является реальной действительностью, ибо вытекает из всей нашей программы и совпадает с нашими жизненными интересами. Мы в особенности заинтересованы в освобождении польского народа, действительного польского народа, то-есть трудящихся масс Польши, ее рабочего класса и крестьянства. Может ли сейчас польский народ признан быть свободным? Нет! Он является рабом вдвойне. Во-первых он порабощен своей собственной буржуазией и помещиками, а во-вторых, он порабощен иноземным капиталом, ибо вся Польша, без различия классов, является сейчас содержанкой, а потому и рабою банкиров Антанты. Ведь, и нынешнюю войну против Советской России Польша в значительной мере принуждена вести по указу французских империалистов. И польские солдаты вынуждены проливать свою кровь для того, чтобы добыть новых крепостных для своих панов и выколотить из России проценты для французских банкиров. Может ли при таких условиях быть речь о свободе польского народа?

Нет, польский народ освободится только тогда, когда он избавится от власти своих туземных и заграничных господ. Поэтому действительный польский народ заинтересован не в победе, а в поражении своего правительства. „Наш враг—это наш господин",—говорил старый французский баснописец Лафонтен. Врагом польского народа являются его господа, польские помещики и капиталисты и буржуазия Согласия, уверенная, что она за свои червонцы купила душу польского народа. Нанеся поражения польскому правительству и его синими союзным империалистам, Советская Россия поможет польскому народу освободиться от своих старых и новых угнетателей и эксплоататоров.

И, одержав победу над этими врагами и русского, и польского народов, Советская Россия докажет на деле, что она не только не питает каких-либо враждебных замыслов по отношению к польским трудящимся массам, но и, наоборот, ни о чем так горячо не мечтает, как о братском сожительстве и, если возможно, о братском союзе между народами Польши и России. И передовые польские рабочие уже понимают это. Они сознают, что дело Советской России и дело народной Польши одно и то же, что интересы трудящихся масс обеих стран солидарны. Это доказывается поведением польских коммунистов, то-есть партии, выражающей настроение передовых масс польского пролетариата. Всем сердцем и всей душой они примкнули к Советской России и слили свою борьбу с ее борьбой, не против польского народа, как это будут говорить паны и продажные журналисты, а в интересах польского народа, в целях освобождения миллионов польских рабочих и крестьян.

Нынешняя война есть война панской Польши и союзных империалистов против русского и против польского народов. С нашей стороны она есть самозащита русского народа против мировой буржуазии. Со стороны Советской России это война не против польского народа, а за польский народ, против его врагов. („Изв." № 99—9 мая)

Польская авантюра и французская реакция.

Рене Маршан.

Французская реакция, которая втягивает Европу в новые кровавые конфликты, победила сегодня в Варшаве. Если остались еще у кого-нибудь малейшие сомнения относительно роли Франции в этой новой кровавой схватке, то было бы вполне достаточно напомнить о позиции, занятой французской печатью за два последние месяца и особенно за последние недели. Это, во-первых, целый ряд бесед с Петлюрой и его представителями, в особенности с графом Тышкевичем в Париже. Тема этих громких бесед и заявлений все одна и та же: „теперь наступил для нас, украинцев(?), самый удобный момент, чтобы об'явить новую войну, ибо мы теперь более, чем когда-либо, в состоянии возобновить военные действия против большевиков. Большевистская Россия ничего не сможет дать Антанте. Хлеб и сахар находятся исключительно на Украине, и пока в этой стране будет Советская власть, украинский крестьянин не даст ни одного пуда ни хлеба, ни сахара". (Беседа с Петлюрой, напечатанная в „Матен" 11-го марта). То же самое повторяет граф Тышкевич, „посланник" Петлюры в Париже, прибавляя в беседе с сотрудником „Журнал" 26-го марта, что единственным средством для Франции помешать „германо-русскому сближению", которое одинаково опасно в случае победы в этих странах монархистов или коммунистов", является создание твердых буферных государств, среди которых Украина должна сыграть очень важную роль. В другом заявлении тот же Тышкевич просит помощи у французского правительства для реорганизации украинской армии путем освобождения украинских военнопленных, еще находящихся в Германии, Италии, Польше и Румынии, в числе около 200,000 человек, а также содействия господина Мильерана для ускорения благополучных переговоров между правительством Петлюры и Польшей. Относительно же самых переговоров между Петлюрой и Польшей в последних номерах французских газет за первую половину апреля мы могли читать, что было достигнуто соглашение между „Украиной" и Польшей на следующих условиях: в случае восстановления независимости Украины, последняя обязуется предоставить Одессу для польского экспорта и отдать два министерских поста в „украинском" кабинете представителям польского правительства.

Таким образом, парижская дипломатия, чувствуя, что в своих империалистических стремлениях она рискует остаться, в конце-концов, совершенно изолированной, пробует создать себе новых воинственных союзников в лице великой Юго-Славии, великой Польши и великой Румынии, в то время, как она сама ведет наступательные действия на ближнем востоке и в Германии, т. е., иными словами, пробует приобрести господствующую позицию над Англией и Италией путем военных авантюр. („Изв." № 99—9 мая)

За кулисами польского наступления.

Карл Радек.

Кто виноват.

Польская пресса за вторую половину апреля дает достаточно материала для того, чтобы с точностью установить распределение ролей как внутри польского капиталистического общества, так и в международном маштабе, разыгранных в переходе поляков от мирной игры в наступление. На основании сообщений польской прессы, вина союзников в этом наступлении выступает с полной рельефностью. Нота Чичерина от 8 апреля, в которой он предлагал союзникам, чтобы они вмешались в спор белогвардейской Польши с Советской Россией относительно места переговоров, его предложение избрать местом переговоров Париж или Лондон глубоко обеспокоили польское правительство. Ведь, по сообщению „Работника“, органа партии Пилсудского, от 20 апреля, одной из причин, почему поляки выбрали Борисов, как место переговоров, было стремление избежать внешнего влияния, которое бы не официально, но очень внушительно дало себя чувствовать в другом, более цивилизованном месте переговоров“. Польское правительство боялось, что союзники, понятно, не из гуманности, не во избежание кровопролития, а в виду собственных разногласий, с одной стороны, и из торговых соображений—с другой, могут согласиться на переговоры в Лондоне или Париже, дабы обеспечить себе влияние на ход переговоров,—влияние, которое по всему об'ективному положению дела должно было обратиться против белогвардейской Польши. Польская пресса была полна жалоб на коварство Советского правительства, которое, борясь против капиталистов всего мира, пытается подстрекать против Польши финансовый мир Англии. Вися в воздухе, не зная, не придется ли отказаться от Борисова, поляки прервали пока-что переговоры с Петлюрой.

21 апреля Польша получила из дипломатических кругов сведения, что французское правительство отклонило Париж, как место переговоров, что такова же точка зрения и Италии, что Англия, после некоторых колебаний, приняла французскую точку зрения и не будет вмешиваться в переговоры между Советской Россией и Польшей (см. „Курьер Польский“ от 22 апреля). Это развязало руки клике Пилсудского. 22 апреля был подписан договор между правительством Пилсудского и Петлюрой,—договор о войне за „освобождение Украины“. Таким образом, установлено с полной точностью, что только уверенность в том, что союзники не помешают войне против Советской России, решила вопрос о войне. В данный момент не важна оценка закулисной игры союзников, которая привела их к решению предоставить Польше свободу действий. Могут быть разные мнения о роли того или другого союзного государства в этом, мы уверены, роковом для них, решении. Но во всей нашей оценке войны с Польшей надо исходить из того положения, что эта война ведется с фактического согласия Антанты.

Предательство социал-патриотов

Сообщая о митингах протеста против войны, о демонстрациях, устраиваемых П. П. С. Советская пресса всегда указывала на двойную игру польских социал-соглашателей, вождь которых Пилсудский является главным зачинщиком войны против Советской России, что не мешает этой партии выступать публично за мир с Советской Россией. Газета польских коммунистов, издаваемая нелегально в бывшем Царстве Польском, всегда подтверждала нашу оценку игры П. П. С., указывая, что эта игра является результатом попытки удержать у власти Пилсудского и удержать политическое влияние за частью польских рабочих. Роль Иуды Искариота, разыгрываемая польскими соглашателями в деле войны с Россией, теперь вполне установлена. Польское правительство решилось на войну с Советской Россией 21 апреля, хотя воззвание его к украинскому народу опубликовано только 28 апреля. Само собой понятно, что вожаки П. П. С. великолепно знали об этом решении. 21 апреля собрался главный совет П. П. С. и принял резолюцию по поводу разрыва переговоров из-за вопроса о Борисове. Он протестует против этого разрыва и извещает, что будет и впредь вести борьбу за мир. Какую это борьбу за мир намерены были вести заправилы польской соц. партии,—показала бюджетная речь их вождя Игнатия Дашинского, матерого предводителя польского рабочего класса, заправилы всех закулисных сделок Пилсудского с австрийским правительством в начале войны. Дашинский, заместитель председателя сеймовой комиссии по внешним вопросам, конечно, был великолепно осведомлен о сделке с Петлюрой, о предстоящем польском наступлении, и при таком положении, он, представитель партии, которая только-что решила вести борьбу против дальнейшей войны, выступает с речью, в которой развивает всю идеологию этой войны, идеологию освобождения Украины штыками польских белогвардейских войск.

Наше утверждение, что эта политика Пилсудского вполне соответствует интересам самой реакционной части польского общества, польских зубров, нашло полнейшее фактическое оправдание. За эту политику высказалась партия польских помещиков, так-называемая национальная правица, об'единяющая волынских, подольских и украинских зубров, которые спешили отнять землю у украинских крестьян; за эту политику высказался „Краковский Час“, самый ответственный орган польских помещиков, защищающий их интересы на всем пространстве Польши и земель, на которые претендует Польша. Польские соглашатели оказались ширмой для польских помещиков.

Оппозиция буржуазии.

Оппозиция национ.-демократии, партии польской буржуазии, мотивы которой мы находим в целом ряде статей, помещенных в „Газете Варшавской“, бросает много света на то, что самые дальновидные элементы польской буржуазии понимают, что политика Пилсудского ведет Польшу к разгрому. Мнение „Газеты Варшавской“ заслуживает особого внимания Латвии, Румынии и Финляндии.

Как же освещает „Газета Варшавска“ перспективы польского наступления на Украине? Она констатирует, что Петлюра никогда не был в состоянии удержаться без чужой помощи на Украине, он принужден был двукратно отступать из Киева перед большевиками „не потому, что большевики наступали громадными силами: силы их, которые выбрасывали Петлюру, насчитывали один раз 8 тыс., другой раз 10 тыс. чел., и эти 8—10 тыс. человек захватывали Киев, ибо все население полумиллионного Киева держалось вполне пассивно. Это имело место на всей Украине, нигде войска Петлюры не имели достаточной поддержки населения“. Говоря о наступлении на Киев „Газета Варшавска“ заявляет, что если взять Киев, надо будет брать для удержания его Одессу, Николаев, Александровск, Екатеринослав и Канев. „Такое наступление кончилось бы для Польши так же трагически, как наступление германцев в 1918 г. Там всюду много взрывчатого материала, каждая деревня вооружена, большевистские атаманы организовали бы банды против Польши, как они их организовывали против германцев. Петлюра мог-бы нам помочь столько же, сколько он помог германцам, которые устранили его от власти и призвали Ско-

ропадского, ибо части петлюровцев ежедневно переходят на сторону большевиков". Какие же дальнейшие перспективы новой измены Петлюры дает „Варшавская Газета"? Самое правдоподобное то, что он продаст нас так же как продал Англию и Францию, которой еще за неделю до посылки украинских делегатов в Брест-Литовск торжественно поручился, что украинские войска будут бороться против германских войск.

Насчет положения в Белоруссии „Газета Варшавска" заявляет, что „игра в самоопределение Белоруссии не может скрыть того факта, что что бы ни говорило правительство в Варшаве, в Белоруссии господствует польское командование, при котором белорусский мужик стонет под тяжестью реквизиции и проклинает взятки, которыми он принужден откупаться. Это показывает, что отношение белорусского населения к Польше с каждым днем ухудшается, вместо того, чтобы поправляться". В корреспонденции из Белоруссии, помещенной в „Газете Варшавской", мы читаем: „Попы, учителя, бывшие мелкие чиновники,—одним словом, руководители серых масс, прислушиваются всеми силами к голосу с востока и напрягают слух, не дойдет ли до них долгожданный благовест царя-колокола из матушки-Москвы. Только в Москве они видят источник жизни и помощи. Белорусский православный мужик ко всему относится пассивно, его интересует только панский двор, он своей ленивой мыслью непременно хочет ходить по панским полям, по панским лесам и сомнет с тоски по панской земле". И „Газета Варшавска" боится, чтобы этот мужик не сыграл еще роли в войне между белой Польшей и Советской Россией, в которой он видит источник помощи и освобождения.

Война против России.

Польское правительство сознательно дает этой затеянной им войне характер войны не только против большевиков, но войны, направленной против России вообще. „Курьер Польский", который совместно с „Курьером Народным" является официозом польского министерства иностранных дел и дает тон официальной военной агитации, помещает 24 апреля статью своего корреспондента, отправившегося уже 22 апреля, ночью, поездом Пилсудского на украинский фронт (обращаем внимание, что от'езд Пилсудского 22 апреля, означающий начало наступления, был, конечно, известен главарям П. П. С., и что их фразы о мире в резолюции их совета от 21 апреля и в речи Дашинского от 24 апреля, являются, таким образом, сознательным лицемерием). Этот корреспондент пишет в своей статье: „Будем свидетелями самых крупных, самых тяжелых по своим размерам и своему значению боев Польши с Москвой от момента воссоздания независимости. Это будет война с Москвой, а не с большевиками". Мы имеем здесь дело не только с патриотическим чувством журналиста,—это есть тон даже и речи Дашинского: Россия должна выйти из революции разбитой и расчлененной. В расчленении России польские помещики видят условие их господства, которое они называют независимостью Польши.

(„Изв." № 102—13 мая)

Вороний слет.

Ю. Стеклов.

На стая воронов слеталась.

Почуяв запах рабочей и крестьянской крови, в Берлин слетелось со всех сторон черное воронье. Из Швейцарии, Франции, Англии, Швеции и т. д. с'ехались представители „старого русского дворянства", жадно ожидающие вестей с поля битвы и надеющиеся на то, что польские паны вернут им землю. Прибыл и бывший гетман Скоропадский, рассчитывающий, что в случае победы польские паны посадят на Киевский удельный стол его, барина, аристократа, а не безродного выскочку и холопа Петлюру. Эти господа, столбовые дворяне, аристократы и носители исторических фамилий, не знают национального чувства. Они тоже „интернационалисты", но в плохом смысле этого слова: это представители желтого и черного интернационала.

Но по иронии истории против них в качестве носителей национальной идеи выступают представители Красного Интернационала. Перед лицом белогвардейской Польши, посягающей на нашу территорию, перед лицом мировой буржуазии, стремящейся к порабощению нашего народа и к превращению России в колонию, русские рабочие и крестьяне выступают в качестве защитников неприкосновенности нашей территории, национального единства, государственной целости и национальной чести. Иначе и не может быть в стране, где пролетариат сделался господствующим классом, где трудящиеся массы впервые обрели отечество. Таким образом, рабочий класс естественно становится в России центром национального единства. К нему теперь должны тяготеть все те непролетарские элементы, в которых чувство национального достоинства перевешивает узко-классовые стремления. И вот почему в виду нового наступления Антанты, принявшего благодаря решающей роли Польши в этом походе характер покушения на русскую национальность, в рядах русской буржуазии и дворянства должен произойти раскол. В то время, как часть этих классов, сидя в Берлине и конспирируя с германскими генералами, униженно молит за знавшихся польских панов о спасении, другая их часть должна примкнуть и уже начинает примыкать к героическому порыву русских трудящихся масс, рвущихся на фронт для защиты своих границ от иноземного вторжения. Возможно, что таких окажется меньшинство, ибо имущие классы в массе слишком развращены своим былым привиллегированным положением. Но и этих немногих праведников будет достаточно для того, чтобы оказать известное моральное влияние, как на защитников Советской России внутри самой страны, так и на колеблющиеся элементы мировой буржуазии, еще не понявшие исторической роли русского пролетариата.

По существу классовая война на этот раз приобретает более ярко выраженный национальный характер. Это только будет способствовать более верной и скорой победе Советской России над ее врагами.

Высказанная нами с самого начала мысль, что польское наступление представляет не случайное проявление шляхетского империализма, а новый ход международного капитала против русского трудового народа начинает получать всеобщее признание. С каждым днем нам становятся известными все новые факты, подтверждающие наше предположение. Это новый этап интернациональной гражданской войны мировой буржуазии против Советской России. Конечно, во главе похода стоит Антанта, но и буржуа других стран сочувствуют ей и готовы по мере сил оказать ей поддержку в этом направлении. В частности германские черносотенцы, которых бог и без того, кажется, достаточно убил, громогласно выражают сожаление по поводу того, что и их не пригласили принять участие в Крестовом походе против „большевиков". Венгерская титулованная сволочь, у которой руки

еще не просохли от пролитой крови венгерских пролетариев, не менее страстно мечтает о приобщении к святому делу борьбы с гидрой социальной революции.

Словом, перед нами определенный международный поход господ против рабов,—освободившихся, а потому тем более ненавистных,—интернациональная классовая война. Но при всем своем интернационализме эта война носит все-таки окраску войны национальной; по крайней мере, в лице некоторых своих зачинщиков она имеет именно такой характер. Так, Англия проводит свою старинную политику расчленения и ослабления России, как таковой, независимо от ее политического устройства; так, польские паны ведут захватническую войну, не скрывая, а, наоборот, поддерживая, что воюют против России в целом, не только против русского народа, но и против русской нации.

То обстоятельство, что интернациональная гражданская война для своего успеха использует чисто-националистическую силу в роде польской белогвардейщины, придает лишь этой войне более сложный характер, но не изменяет ее существа. Будучи со стороны Англии и Польши (а если-бы к ним примкнули Румыния и Финляндия, то и со стороны этих стран) войной национальной, анти-русской, она в общем и целом все-таки остается войной международного капитала против рабочего класса Советской России, а косвенно против международного пролетариата.

Поляки идут на нас не только для того, чтобы грабить наши земли и богатства, но и для того, чтобы способствовать изменению нашего политического устройства. Послушные приказам Антанты и веленикю собственной совести, или того, что заменяет у них совесть, они хотят восстановить в России власть помещиков и капиталистов, чтобы сделать ее подобной себе, а потому более сговорчивой. Русские помещики и буржуа готовы продаться душой и телом, готовы запродать свою страну и свой народ всякому, кто так или иначе поможет им вернуть себе неправедные богатства и утраченную власть. Они по очереди продавались, то немцам, то союзникам; теперь они с такой же охотой продаются Польше.

(„Изв." № 103—14 мая).

Польская авантюра и перспективы международной политики.

Рене Маршан.

Я уже указал на роль французской реакции в польской авантюре. Я хотел бы теперь остановиться на другой стороне этого вопроса, который на самом деле довольно сложен. В польском наступлении против Советской России разделяются две задачи: первая является возобновление борьбы против большевизма, т. е. против надвигающейся мировой революции; вторая задача является обще-европейской политической, т. е. изменения существующего ныне равновесия между европейскими империалистическими державами. Что касается первой задачи, то следует ясно отметить крайне неустойчивое положение капиталистических государств в данное время. В каждом из них наблюдаются теперь два течения: одно, которое стоит за продолжение вооруженной борьбы против Советской России; другое, наоборот, стремится к перенесению борьбы в экономическую область с расчетом покончить с революцией, путем восстановления нормальной торговой жизни. В одних странах, как, например, во Франции, преобладает первое течение, тогда как в других (Англия и Италия) взяло верх второе течение. Но мы должны вспомнить, что тут идет речь только о разнице тактики и что каждое временное изменение в ущерб настоящего военного положения Советской России может, конечно, снова укрепить в странах, где они временно в меньшинстве, сторонников вооруженной борьбы. Мы также не можем быть уверенными в том, что среди тех государственных людей Антанты, которые высказались за возобновление нормальных отношений с Россией, нет людей, преследующих лицемерную политику, т. е. стремящихся удовлетворить провозглашением новых лозунгов требования своих рабочих, в то время, как они на самом деле все еще не отказались окончательно от надежды сокрушить русскую революцию силою. Достаточно одного временного более или менее крупного военного успеха польских панов, чтобы сторонники вооруженной борьбы против революции снова бросились в очередную и на этот раз безвыходную для них авантюру.

Что касается второй проблемы, т. е. обще-европейской политической, положение обстоит таким образом: французская военщина, которая и в вопросе об оккупации германских городов, и в вопросе об оккупации Константинополя, столкнулась с английским империализмом, столкнется с ним и на польском вопросе. Я уже указал на стремление Франции создать в лице великой Юго-Славии, великой Польши и великой Румынии новые молодые воинственные империализмы, которые дали бы парижскому кабинету, опирающемуся на Бельгию (последняя превращена в послушное орудие Парижа), господствующее положение в Центральной Европе и на Ближнем Востоке, где, как известно, французский империализм начал военную авантюру в Сирии и в Киликии. Если действия французской дипломатии ясны в Варшаве, она не менее ясны в Бухаресте, где оказался у власти после переворота друг французской реакции, генерал Авереску, который спешит заявить, что в вопросе о переговорах с Советской Россией (на которые его предшественник, бывший премьер Вайда-Воевод, дал свое формальное согласие из Лондона) он может действовать только в тесном контакте с Польшей и „с Антантой", т. е. на самом деле с Парижем, ибо именно в Париж, а не в Рим или в Лондон он предлагает ехать господину Таке-Ионеску, которому он поручает изучение вопроса о переговорах с Россией. Поскольку французская дипломатия в польской авантюре стремится к укреплению положения французского милитаризма в Европе и к его продвижению к Константинополю, постольку она сможет оказаться в конфликте с Лондоном, но тут может играть роль и первая сторона вопроса—социальная, т. е. может случиться, что английская дипломатия, подыскивая другие способы сопротивляться расширениям французского империализма, может считать выгодным и целесообразным использование, в случае успешного начала последнего польского наступления, с целью борьбы против революции. К этому необходимо прибавить, что в данное время ни одно из Антантовских государств не имеет твердо согласованной политики, и является ареной разных течений, которые действуют отдельно и противоречиво. Так, например, несмотря на то, что кабинет Нитти пошел под давлением революционных элементов Италии дальше всех по пути к соглашению с Советской Россией, тем не менее, итальянский дипломатический представитель в Варшаве, который является, как и все дипломаты, убежденным реакционером, работал в одном направлении с своим французским коллегой. И эта полная неустойчивость делает возможным самые неожиданные комбинации и результаты. Умирающий капитализм достиг крайнего хаоса и стремится согласовать самые противоположные течения. С таким положением мы должны считаться и допустить всякие случайности и даже совершенно непонятные комбинации и интриги, результатом которых может быть только увеличение обще-европейской разрухи, т. е. приближение крушения европейского капитализма.

(„Известия" № 103—14 мая).

Народная оборона—национальная оборона.

Ю. Стеклов.

Не раз доказывали мы на страницах „Известий", что с нашей стороны нынешняя война отнюдь не является национальной, и что все сказки польских панов на этот счет представляют плод злостной выдумки. С их стороны война действительно является для и то не национальной, т. е. не борьбой за свою независимость, на которую никто не покушается, а националистической, т. е. направленной к захватам, к угнетению других национальностей. Но раз это так, то, в конце-концов, и с противной стороны война начинает приобретать соответствующий характер.

Противодействие равно действию. Народ, на который нападают, начинает защищаться. Когда посягают на его святая-святых, он начинает чувствовать, что в нем просыпается национальное сознание. Это еще очень далеко от национализма в плохом смысле этого слова. Национальное чувство не всегда играло в истории отрицательную роль. Напротив, бывали моменты, когда роль его была в высшей степени благотворной. Все зависит от того, какой принцип выставляется и защищается той или другой нацией. Во время Великой Революции Франция была носительницей принципа более высокого, чем ее противники. При всей ограниченности начал буржуазного революционизма они все же стояли выше, чем те принципы, которые противопоставлялись им коалицией монархов и диких помещиков. Революционный порыв французского народа и вылился в повышенное национальное настроение, и слово „патриот" тогда равнозначаще было во Франции слову революционер и демократ.

Нечто подобное происходит теперь в России. Беззастенчивое нападение польских белогвардейцев, которое само представляет, впрочем, лишь новую форму старого похода на нас мировой буржуазии, начинает пробуждать во всей России взрыв национального чувства. Не только рабочие и крестьяне, которые теперь впервые делаются у нас патриотами, ибо у них есть ныне отечество, но и самые разнообразные общественные группы, даже такие, которые до сих пор стояли в оппозиции к Советской власти, из'являют готовность выступить в защиту Советской Республики и даже просят о предоставлении им этой чести. Мы имеем в виду заявления меньшевиков, эсеров, многих беспартийных и, наконец, целого ряда офицеров царской армии. Перед нами, несомненно, национальный порыв и национальное воодушевление.

Кое-кого это смущает. Опасаются проникновения в наши ряды посторонних и даже враждебных элементов, идущих туда с предвзятою целью принести делу республики не пользу, а вред. Боятся также, чтобы присоединение таких элементов в частности и пробуждение национального чувства вообще не исказили характера борьбы и не превратили ее из дела народной обороны в действительно национальную войну в дурном смысле слова, т. е. в националистическую войну, направленную уже не против польских панов, а против поляков вообще.

Мы считаем эти опасения неосновательными. Не спорим, что отдельные представители прежних господствовавших классов идут к нам с задними мыслями. Более того: мы допускаем, что по рядам наших противников, оказавшихся бессильными взять рабоче-крестьянскую Россию в открытом бою, дан лозунг перекраситься во-время и постараться проникнуть в советскую среду для срыва ее работы (об этом мы в свое время даже писали и предостерегали). Но именно момент национального порыва, который мы теперь переживаем, делает выполнение таких коварных планов психологически и материально малоосуществимым. Не только у иного даже черносотенца дрогнет преступная рука, когда ему придется направить ее против своей страны в минуту, когда ее схватил за горло польский разбойник, но и его близкие, которые в другое время, быть-может, морально и даже материально поддержали бы его, теперь откажут ему в таковой поддержке, а без известной атмосферы морального сочувствия никакие серьезные предприятия невозможны.

Большинство же упомянутых, вчера еще чуждых нам элементов, действует вполне искренно. Конечно, они не совсем так, как мы, представляют себе смысл и цели развертывающейся борьбы, но, предлагая принять в ней участие, они хотят по мере сил способствовать ее успеху. Они отлично видят, что успех этот будет, вместе с тем, и победою Советской власти, но в том-то и величие переживаемой нами эпохи, что процветание и торжество России уже немыслимы вне торжества и победы ее рабочего класса. Из'явив готовность защищать Россию при условии господства в ней трудящихся масс, рабочих и крестьян, вчерашние и, может-быть, сегодняшние противники советской системы этим самым признали, что вне господства этих масс для России нет больше спасения.

И именно потому мы не боимся, чтобы их вмешательство и охватывающее страну национальное одушевление (одним из частных и не самых крупных проявлений которого является и предложение услуг со стороны недавних противников Советской Республики) могли в чем-нибудь изменить или исказить характер нынешней войны. У власти стоит рабочий класс, одушевленный идеями международного социализма. Он определяет весь характер нашей политики, внутренней и внешней. И до тех пор, пока он стоит у власти,—а он у власти останется,—нет никаких оснований опасаться, чтобы какие-либо военные успехи или поражения способны были изменить сущность его политики. Никогда война, ведомая рабочим классом, не станет националистической, хотя бы она по условиям момента и приняла характер войны национальной. Никогда она не станет насильнической, захватной, угнетательской.

И сегодня, как и вчера, на наших знаменах начертан старый клич французской революционной армии: „Мир хижинам, война замкам". Но только Советская Россия искренно осуществит и до конца проведет этот лозунг. С польскими помещиками и капиталистами мы воюем не на живот, а на смерть. Польскому народу, польским рабочим и крестьянам мы предлагаем мир и союз.

(„Изв." № 106—18 мая)

На два фронта.

Ю. Стеклов

Последний поход Антанты затеян по целому ряду соображений. Во-первых, ей хочется ослабить Советскую Россию и расчленить ее, при чем для Англии в частности безразлично, какую Россию расчленять и ослаблять—Советскую или буржуазную. Далее союзные капиталисты намерены получить нужное им русское сырье на особенно выгодных условиях, которых они, видимо, не надеются добиться от окрепшей Советской России. Но, несомненно, одним из основных мотивов, толкнувших одни из союзных держав к прямому содействию польскому наступлению, а другие—побудивших предоставить польским панам свободные руки, является желание сорвать наше мирное строительство. Процветающая и богатеющая Советская Россия для международной буржуазии в тысячу раз опаснее, чем Россия, хотя бы одерживающая блестящие военные победы, но идущая навстречу экономической катастрофе. Мировая буржуазия особенно боится заразительного примера свободной социалистической страны, налаживающей свой хозяйственный аппарат и дающей удовлетворение всем физическим и духовным потребностям своих трудящихся масс.

Но план международной буржуазии не удастся. Мы сумеем отстоять Россию, как таковую, и не допустить ее расчленения и ослабления. Вместе с тем, мы сумеем отстоять и Россию Советскую, в которой власть принадлежит трудящимся массам, в которой уничтожены привиллегии имущих классов, и в которой орудия производства и земля составляют общенародное достояние. Своего сырья мы даром им не отдадим, а если дадим его, то только в обмен на нужные нам продукты, и притом по нашему выбору, а не по указке заграничных спекулянтов, собирающихся подсунуть нам залежавшийся и негодный брак. Но, главное, мы сумеем вести борьбу на два фронта. Мы одновременно с отпором наемным убийцам антантовской биржи будем продолжать свое внутреннее строительство. Более того: мы удесятерим свои усилия в этом направлении. Признав все важное значение польского фронта, бросая туда лучшие и испытаннейшие силы, мы не остановимся ни перед какими жертвами, чтобы поскорее победоносно закончить навязанную нам новую войну. Но, вместе с тем, мы напряжем все мышцы и будем работать без-устали, чтобы наладить свое хозяйство, ибо мы прекрасно сознаем, что оба фронта теснейшим образом связаны друг с другом, и что для победы на внешнем фронте нам нужна победа и на фронте труда. Наши враги рассчитывали разгромить нас, основываясь на преувеличенных сведениях о нашей хозяйственной разрухе. На горьком опыте они убедятся в ложности своих надежд, и, вместе с тем, они увидят, что героический русский рабочий класс найдет в себе достаточно сил, чтобы, одной рукой отбивая штыком нападение панов, другой приводить в движение рабочие станки.

Мы не скрываем всей тяжести, выпавшей на нашу долю задачи, но мы твердо знаем, что выполним ее. В этой трудной работе мы рассчитываем и на помощь со стороны иностранных товарищей-рабочих. Мы уверены, что встретим с их стороны поддержку, как в деле военной обороны России, которой они будут помогать своим давлением на внешнюю политику своих буржуазных правительств, так и в деле борьбы с нашей хозяйственной разрухой, где мы имеем право рассчитывать на их непосредственную помощь. Мы не одиноки, и это придает нам новую силу. Говорят, что никогда человек не бывает так силен, чем когда он одинок. Иногда это бывает верно, но в общем это поэтический оборот. В обществе, в компании, на миру человек гораздо сильнее. Русский пролетариат умел побеждать, когда он был действительно одинок во всем мире. Теперь, когда он имеет миллионы сочувствующих и друзей среди рабочих других стран, он будет еще сильнее, и его победа будет еще прочнее.

(„Изв." № 107—19 мая).

Иосиф Пилсудский.

(Идеология польского наступления).

Карл Радек.

I.

Понять существо Иосифа Пилсудского, маршала польской „наияснейшей республики", это значит понять все ничтожество польского национализма, всю его пустоту, плохо прикрытую воспоминаниями польского романтизма, воспоминаниями о борьбе за независимость Польши, польского дворянства.

Иосиф Пилсудский—сын богатого помещика Виленской губернии. Он воспитан в шляхетском дворе своего отца, в тяжелой атмосфере, созданной разгромом восстания 63-го года, созданной беспощадной расправой Муравьева-вешателя над польским дворянством, принимавшим участие в восстании. Во всей Литве запрещено было говорить открыто по-польски, иметь издания польских поэтов было достаточным поводом для того, чтобы быть сосланным. Тысячи польских дворян томились на каторге в Сибири, и над усадьбами польских мелких помещиков стоял стон матерей и жен. Пилсудский воспитывался в глубокой ненависти к России, ибо другой России, кроме царской России палачей, он не знал. В гимназии русские были сыновьями чиновников-обрусителей, и между ними и молодым Пилсудским также не могли протянуться никакие нити симпатии. Когда попали в его руки сочинения либеральных или социалистических писателей, Пилсудский откладывал эти книги с чувством полного равнодушия, ибо они, полные намеков на внутренние события незнакомой ему русской жизни, были ему непонятными. В VII классе Пилсудский был арестован и, после долгого тюремного заключения, сослан. В ссылке между русскими товарищами Пилсудский чувствовал себя вполне чуждым всем их мечтаниям и всем вопросам, их волнующим. Пилсудский—человек без всякой способности к отвлеченному мышлению. Уже литература народовольчества казалась ему чем-то неслыханно абстрактным. Марксизм же был для него Талмудом, не имеющим никакого отношения к жизни. Он думал только об одном,—когда польский народ снова поднимется на борьбу за свою независимость. Весь современный социализм интересовал его только с точки зрения возможности привлечения рабочего класса к борьбе за независимость. Уже там, в ссылке, в нем созрело убеждение в том, что польские господствующие классы, примиряющиеся из-за выгоды с своей принадлежностью к России, умерли для дела борьбы за независимость, что надо из народных масс создать борцов за освобождение Польши. Понимая, что к рабочему нельзя подойти без социалистических лозунгов,

Пилсудский создает концепцию соединения борьбы за независимость Польши с борьбой за социализм. Когда он вернулся в начале 90-х годов из ссылки в Вильну, он узнал, что там уже основалась партия, которая проводит в жизнь его программную концепцию польская социалистическая партия.

Эта партия была создана в 93-м году, с одной стороны, как результат полного затишья в русском революционном движении, а с другой—в результате оживления национализма среди польской мелкой буржуазии. Польская революционная интеллигенция, которая шла рука-об-руку с русскими народовольцами, сколь скоро она надеялась на скорую победу над царизмом, после разгрома народной воли, прониклась убеждением, что нет надежды на русскую революцию, и что поэтому Польша с более развитым рабочим классом должна отделяться от России, ибо только тогда она в состоянии освободиться и от господствующих классов. Потеряв надежду на совместную борьбу с русским рабочим классом, польская революционная интеллигенция начала искать союзников для совместной борьбы против царизма и капитализма среди недовольной польской мелкой буржуазии и вышедшей из ее недр интеллигенции. Этот слой, разоряемый капитализмом, естественно обращал свои взоры в прошлое, когда он господствовал в экономической жизни Польши. Буржуазия и крупные помещики примирились с фактом существования царского ига в Польше, ибо они procветали под крылом царского покровительства. Капитализм был в глазах мелкой буржуазии результатом принадлежности Польши к России, поэтому стремление к независимости Польши сплеталось в одно целое с стремлениями к социальным реформам насчет капитализма. Все будущие главари национал-демократии, партии в основе своей мелкобуржуазной, выступили под флагом независимости и мелкобуржуазного социализма, Балицкий, Станислав Грабский,—все они считались тоже социалистами. В них главари оппортунистического крыла польской революционной интеллигенции Станислав Мендельсон, Иодко-Наркович, Студницкий, Кульчицкий, видели союзников, которые должны были занять место обреченной на смерть, по их мнению, русской революции. Так выглядела партия, к которой примкнул Пилсудский.

В этой партии он занял исключительное положение. Он об'езжал все русские университеты, в которых находилась польская революционная молодежь. Там среди них искал Пилсудский кадры будущих организаторов П. П. С. Эта молодежь была настроена националистически, ибо принадлежала к среде мелких польских помещиков Литвы, Украины и Белоруссии, которых царское правительство считало элементом чужим, старалось их из этих областей выжить и заменить помещиками русскими. Эта молодежь проявляла симпатии к социализму, но слабость пролетариата на Украине, Белоруссии и Литве, делала ее симпатии чисто платоническими, не угрожающими поземельной ренте папаши-помещика. Одновременно с вербовкой кадров социалистически-националистического офицерства Пилсудский взял на себя организацию первой со времени разгрома народной воли нелегально издаваемой в России и Польше газеты. Он организовал нелегальную типографию, в которой сам писал и набирал орган своей партии „Работник". В этом органе он пытался мобилизовать рабочий класс, говоря беспрерывно о всех его нуждах, помещая хронику фабричной жизни, проповедуя социализм, проповедуя стачки, а с другой стороны, пытался доказать рабочим, что борьба за независимость Польши в их интересах, ибо в Польше они легче сумеют провести социализм, чем в России, Пилсудский сделался героем П. П. С., властителем дум интеллигентской польской молодежи. Когда царская полиция накрыла типографию „Работника" и арестовала Пилсудского, это был траурный день для П. П. С. и для всей националистической интеллигенции. Пилсудский, посаженный в варшавскую крепость, симулирует сумасшедшего, благодаря чему его перевозят в Петербург в сумасшедший дом, откуда ему удается бежать. Он нелегально пробирается в 1900 г. в Галицию, откуда руководит борьбой П. П. С. Грянула русско-японская война. Пилсудский убежден, что наступил момент, когда польский народ бросится в бой за независимость. Он начинает организовывать боевые дружины, едет в Токио, пытаясь получить помощь японского правительства. 1905 год, год первой русской революции разбивает в пух и прах иллюзии романтика польского национализма. Не только польская буржуазия и польское дворянство, но и польская мелкая буржуазия категорически высказывается против попыток отделения Польши. Национал-демократия, отодвинув на время программу независимости Польши, выдвигает программу автономии в пределах России. Польский пролетариат, на который так надеялся Пилсудский, шел в своем большинстве под знаменем социал-демократии Польши и Литвы, составной части русской социал-демократии под знаменем партии, основанной для борьбы с польским социал-патриотизмом, под знаменем партии борющейся рука-об-руку с русским пролетариатом. Партия Пилсудского раскололась. Одна ее часть Левица П. П. С., шла за лозунгами социал-демократии, с которой она в 1918 г. об'единилась в Коммунистическую партию Польши; другая часть, так-называемая Правица, отстаивающая лозунг независимости, не имела влияния на пролетариат. Глубоко разочарованный, вернулся Пилсудский в 1908 году в Галицию. Конфликт между Россией и Австрией за Боснию и Герцеговину, чуть ли не доведший до мировой войны, разбудил новые надежды в сердце Пилсудского: Не вывел польский рабочий,—пусть даст независимость Польше победоносный германско-австрийский империализм. Республиканец и революционер, романтик подполья, Иосиф Пилсудский выдвигает идею создания кадров польской армии при помощи кадров из венского военного министерства. Начинается второй период деятельности Пилсудского, о котором в следующей статье.

II.

Стефан Жеромский, великий художник, отражающий в своем творчестве стремления интеллигенции, соединяющей национализм с социализмом,—интеллигенции, ненавидящей классовую борьбу пролетариата, некультурность крестьянства, но принужденной обращать всегда свои взоры к этим классам, ибо буржуазия вызывает в них отвращение своей гнилью,—этот Стефан Жеромский выпустил в 1913 году под псевдонимом Катерла драму, героем которой является именно Пилсудский. Эта драма отражает в себе все отчаяние Пилсудского и его друзей по поводу реального соотношения сил в Польше, как оно проявилось в революцию 1905 года по поводу беспочвенности идеи независимости среди руководящих классов польского общества. Не зная, как сделать своего героя, Иосифа Пилсудского, победителем, Жеромский приказывает ему сделать великое техническое изобретение, при помощи которого он сжигает царскую армию. Но так как Пилсудский в действительности пороха не изобрел, то ему пришлось обратиться к могучим мира сего, которые обыкновенный артиллерийский порох имели в достаточном количестве. Он завязывает сношения с австрийским правительством. Австрийское правительство позволяло ему создавать офицерские кадры для повстанческих легионов, но, конечно, не решившись еще на войну с Россией, относится к Пилсудскому с большой осторожностью. Ему приходится выпрашивать каждую винтовку, каждый полевой телефон, при помощи которых он обучает несколько сот интеллигентов, эмигрантов из Польши, военному делу. Несмотря на все препятствия, Пилсудский не унывает, он

ям изучает теорию войны, кладет начал военной польской литературе и т. п. Так называемое общество относится самым враждебным образом к этой авантюре: оно готово идти туда куда прикажет австрийский кайзер, и считает, что польские помещики и капиталисты по другую сторону кордона, в Царстве Польском, должны, в свою очередь, идти туда, куда прикажет идти царь.

Когда началась всемирная война, Пилсудский имел только несколько сотен человек. Он не знал, разрешит ли ему, наконец, австрийское правительство организовать легионы, или запрет оно его, как опасного революционера, в тюрьму. Наконец, венское правительство добилось согласия Берлина на разыгрывание комедии освобождения Польши. Молодые легионеры, с Пилсудским во главе, принеся присягу на верность австрийскому кайзеру, двинулись в бой. Взамен этого австро-германское командование издало никого не обязывающую прокламацию, в которой оно говорило о Польше еще более неопределенно, чем Николай Николаевич. Пилсудский, поставленный под команду австрийских офицеров, создает свои легионы, в которых сражалась польская социал-патриотическая интеллигенция. Пилсудскому пришлось идти под военную команду австрийских генералов и под политическую команду самых реакционных польских элементов, краковских „станчиков", партии крупных помещиков,—партии которая выросла в отрицании борьбы за независимость. В момент, когда интересы австрийского пра-правительства требовали, чтобы легионы Пилсудского разыгрывали роль восстанцев, эти старые австрийско-польские прохвосты создали Главный Национальный Комитет, притворявшийся польским правительством, посылали своих агентов в тыл русской армии, чтобы вербовать польскую молодежь погибать под знаменами „любящего польский народ нашего старого кайзера Франца-Иосифа".

Легионы Пилсудского, не насчитывавшие никогда больше 25-ти тысяч человек, понятно, никакого влияния на ход военных действий не имели. Они позволили только активной части польской националистической интеллигенции научиться военному делу. Но с каждым днем Пилсудскому приходилось все более убеждаться в том, что его карта бита: чем более побеждал германский империализм, тем менее он был готов выполнять свои обещания. Он не только не думал соединить бывшее царство Польское с прусской частью Польши, но и, захватив ее, послал легионеров в Полесские болота, дабы спокойно заняться новым разделом Польши, оторвать от нее угольный район, присоединить этот в высшей степени важный источник промышленного района Польши к Пруссии. Германский империализм ссылался при этом на то, что в обещания, даваемые Пилсудским, не были исполнены: польское общество в Царстве Польском не только не восстало против царизма, но и в лице своих господствующих классов об'единилось вокруг него. И когда немцы заняли Польшу, то вокруг них там собралась незначительная, невлиятельная часть интеллигенции, в то время как и капиталисты, и помещики заняли определенно или союзную, или же нейтральную позицию.

С момента начала руской революции для них пропала всякая причина проливать свою кровь за германский империализм; царизм больше не существовал, и Пилсудский был уверен, что теперь врагом Польши является только германский империализм. В легионах начинаются волнения, и их переводят в концентрационные лагери в Венгрию, где легионеры пытаются прорваться на русскую территорию. Пилсудский подает в отставку и основывает тайную польскую военную организацию для подготовки восстания против вчерашнего союзника. Он и его партия, которая вчера еще развращала польские трудовые массы австро-германской ориентацией, теперь меняют фронт, поют славу французским освободителям, выдвигают знамя „Антанты". Генерал Безелер отвечает на это арестом Пилсудского и его интернированием в Магдебургской крепости.

Во время брест-литовских переговоров германский империализм уступает Холмские земли авантюристам из украинской рады. Германские империалисты заменили игру в освобождение Польши игрою в освобождение Украины, место Пилсудского занял Петлюра, совместно с которым Пилсудский теперь хочет играть комедию освобождения Украины.

Польский национализм оказался совершенно разбитым, и как революция 1905 года, так и мировая война доказали, что буржуазные классы Польши ничего не намерены сделать для освобождения своего народа, и что, наоборот, они считают полезным для себя в эпоху империализма, в епоху борьбы за крупные рынки сбыта принадлежать какому-то большому хозяйственному комплексу. Роман Дмовский,—реальный, не романтический вождь польской буржуазии,—открыто это выразил, указывая, что лучше соединение всех польских земель в федерацию с великой Россией, чем малая независимая Польша. Польский национализм пережил два испытания, которые устанавливают, как ничто в мире, фактическое соотношение сил: испытание революции и испытание войны, и он этот экзамен проиграл; в обоих случаях он оказался слабым интеллигентским течением. На одного польского легионера приходилось по две песенки поэта,—шутили в Польше,—говоря о легионерах Пилсудского. Польский национализм сумел создать легионы в 25 тысяч человек, громадную кучу романов и песен, но никакого народного движения.

Грянул ноябрь 1918 года. Разлетелся в пух и прах германский империализм, который еще в августе этого года в письме Людендорфа к адмиралу Гальце разбирал план новых разделов Польши. Германская оккупационная армия, которая держала в железных тисках польское население, при известии о революции и падении кайзера совершенно потеряла голову. Генерал-губернатор Безелер сбежал из Варшавы, и оставленный им без руководства офицерский корпус не смел даже думать о каком-либо сопротивлении, ибо германские солдатские массы стремились вернуться домой. Маленькая нелегальная военная организация Пилсудского смогла только захватить склады германского оружия и сделалась на момент хозяином Польши. Пилсудский, освобожденный немецкой революцией из германского плена, возвращается и создает квази-рабоче-крестьянское правительство, правительство Морачевского-Тугута. Но это правительство социал-патриотов висит в воздухе. Не решаясь на гражданскую войну против польского капитала, нуждаясь в помощи союзников, Пилсудский должен шаг за шагом отказываться от всяких попыток удержания власти. Союзники, конечно, больше доверяют национал-демократу Дмовскому, старым представителям польской буржуазии в Царстве Польском, известным им в качестве лакеев союзного капитала, чем бывшим лакеям австрийского кайзера.

Выборы в сейм выказывают реакционное лицо польской буржуазии. Партия Пилсудского попадает в сейм в числе двух дюжин депутатов и теряет всякое влияние на ход событий, Пилсудский остается в роли президента польской республики. Он—единственный, который выдвигал знамя независимости, который организовал хотя бы каррикатурную борьбу за освобождение Польши, нужен польской буржуазии как сила идеологическая, спаивающая разношерстную армию, офицерство которой имеет за собой школу австрийскую, германскую, русскую, американскую, французскую, и солдаты которой не знают, зачем им сражаться в момент, когда во всех других странах война кончается. Пилсудский остается главнокомандующим польской армией, в которой преобладает реакционное офицерство, он остается президентом государства, в котором правительство имеет вполне реакционный состав. Тут начинается третий период деятельности Пилсуд-

ского,—период, доведший его до войны с польским рабочим классом и с Советской Россией, период, который кончится его политическим уничтожением.

III.

Иосиф Пилсудский—президент Польской республики. Польская социалистическая партия, партия польских соглашателей, из недр которой он вышел, выдвигает лозунг рабоче-крестьянского правительства, но к власти хочет притти только „демократическим" путем. „Демократический путь", при наличии террора военщины, фабрикантов, при тюрьмах, заполненных коммунистами, дал сейм, в котором преобладают крестьянин-кулак, буржуазия и клерикальная мелкая буржуазия. Страна отдана в руки спекулянтов, разоренная войной промышленность не оживает, безработица свирепствует даже там, где можно было бы что-нибудь наладить. Царствует полная анархия, ибо капиталисты, чувствуя, что взрыв народных масс возможен ежедневно, не хотят вкладывать своих капиталов в промышленность, а занимаются исключительно спекуляцией, чтобы по возможности скорее нажиться и увезти свои капиталы в ту мифическую заграницу, которой, по их мнению, не угрожает социальная революция. Не так рисовали себе Пилсудский и П. П. С. момент своего прихода к власти, поэтому и Пилсудский, и П. П. С. находятся в полном внутреннем развале. В то время, когда он, считающийся национальным героем, стоящим выше доктрины партии, соглашается на все меры угнетения рабочего класса, соглашается на всю капиталистически-помещичью внутреннюю политику, в это время его партия ведет, якобы, оппозицию против правительственного курса, ведет агитацию, организует демонстрации, всеобщие стачки и возбуждает в народных массах веру, что по существу Пилсудский здесь не при чем, что политика ведется независимо от него, ибо он только президент республики, а не глава кабинета. Эта двойная игра могла на некоторое время увенчаться успехом. Известные круги рабочих даже думают, что если бы не было Пилсудского, было бы еще хуже, что он стоит как их представитель во главе государства, что он ненавистен буржуазии. Когда Пилсудский приехал в Люблин, его приняли рабочие из П. П. С. и на партийном собрании говорили ему: „Ну, что же, еще, быть может, придется и нам посидеть в тюрьме!" „Пилсудчики", офицеры из социал-националистического лагеря, гвардия Пилсудского, чувствуют отсутствие всякого равновесия, чувствуют что Пилсудский и они висят в воздухе, и выдумывают меры, как бы техническим образом сохранить власть, спасти положение. На пути через Польшу мне пришлось говорить с людьми, близкими к этой П. П. С—ской военной клике. Они заявили: „Если развитие пойдет дальше, как до этого времени, то рабоче-крестьянское правительство в Польше будет создано демократическим путем, ибо неудержимый развал полный, финансовый крах, тяжести войны восстановят крестьян против теперешнего правительства. Пилсудский—не правительство; правительство—это буржуазный кабинет, и крестьянские массы выберут большинство депутатов, которые пойдут под руководством П. П. С. и Пилсудского. Мы придем к власти демократическим путем". На вопрос мой: „Зачем тогда Пилсудский остается на посту президента республики и компрометирует себя в глазах населения своей политикой, я получил хитрый ответ: „Благодаря тому, что Пилсудский является начальником всех вооруженных сил республики, мы, старые „легионеры" гвардия Пилсудского, занимаем в армии те посты, которые отдают военную машину в наши руки. Реакционное офицерство находится под нашим надзором. Мы можем восстановить против него солдатские массы, мы имеем в руках военную полицию, мы имеем в руках службу связи. Мы можем, таким образом, подавить в зародыше всякую попытку переворота справа, можем защитить демократический путь к власти для нашей партии. Но в случае если в Германии победит коммунизм, Польша, находясь между Советской Россией и Советской Германией, не сумеет удержаться на демократическом пути, рабочие возьмут тогда власть, не ожидая результата медленного развития, и тогда мы обеспечим при помощи нашего военного аппарата переход к власти нашей партии, как партии диктатуры. Тогда, понятно, придется идти на компромисс с левыми".

Как же соединить с этой внутренней двойственной игрой, с этой хитроумной стратегией военную затею Польши? Эта хитроумная стратегия есть результат полного банкротства П. П. С., как партии рабочего класса, есть результат политического авантюризма польских соглашателей. Военная затея Пилсудского является результатом его авантюризма во внешней политике. Пилсудский создал легионы, подчиняясь германскому империализму, хотя партия его всем своим прошлым разоблачала этот германский империализм, как одну из самых грозных сил международной реакции. Когда Пилсудский очутился у власти, победителем был французский, английский и американский империализм. Из его рук можно было освободить Польшу только путем союза с Советской Россией, путем гражданской войны с польской буржуазией, путем поддержки германской революции. Но Пилсудский—националист до мозга костей, он полон глубокого недоверия к русской, как и к немецкой революции. Так как его социализм, его революционность явились только оружием национализма, средством проведения националистических идей в рабочем классе, то он не может верить в то, что Советская Россия или германский коммунизм могли бы искренно отказаться от Польши, искренно признать независимость польского народа. Для него вся наша программа является только маскированным русским национализмом. Он глубоко убежден, что когда мы ведем коммунистическую агитацию за пределами России, на бывших русских окраинах, то делаем это только потому, что хотим путем призыва к классовой солидарности пролетариата других стран связать их снова с Россией, создать революционным путем великую Россию. Великая Россия—это есть стержень нашей политики, по мнению Пилсудского. Насчет германских коммунистов у него еще менее сомнений. Поэтому для Пилсудского не было выбора между русской революцией и союзным капиталом. В этой позиции утвердила его боязнь гражданской войны, которая, по его мнению, только разрушает и ничего не в состоянии создать. Мелкобуржуазный социалист не мог себе представить социализм иначе, как строительством при помощи буржуазии. Строить же при помощи буржуазии было невозможно без помощи союзного капитала. Таким образом, Пилсудский был отдан в руки союзному капиталу, полный недоверия к союзному капиталу, зная всю закулисную борьбу разных клик союзного капитала, зная его симпатию к открыто контр-революционным группам Польши, он все-таки не мог итти против союзного капитала, а мог только пытаться в известные моменты надувать своих хозяевов.

Создавая армию при помощи Франции, Пилсудский пользуется борьбой Советской России на востоке против Колчака, дабы уничтожить Советскую Литву и Белоруссию и занять их территории своими войсками. Но в момент, когда Деникин угрожает Москве, когда союзная дипломатия всеми силами пытается толкнуть Польшу на борьбу с Советской Россией, Пилсудский разыгрывает опереточный бой против несуществующей на западном фронте Красной армии,—мы там имели только слабый военный заслон,—но он не двигается на помощь Деникину. Он принимает генералов Деникина, он посылает миссию в ставку Деникина, но одновременно заявляет о линии, которую не перейдут его войска, и пока Советской России угрожает деникинская опасность,

он эту линию не переходит. Пилсудский обманывает союзников, получает от них снаряжение, деньги, в качестве части белых армий, которые должны покончить с Советской Россией. Но, не доверяя национально еще больше Деникину, чем Советской России, он на деле обеспечивает нам тыл от деникинцев, стараясь под видом того, что идет навстречу деникинской армии, по возможности занимать на юго-западе узловые пункты, чтобы не позволить деникинцам приблизиться к нашей западной границе.

IV.

Советская Россия побеждает Колчака, Деникина и Юденича, союзники завязывают с нами переговоры, ведут тонкую игру. Пилсудский смотрит одним глазом на Советскую Россию, относительно которой убежден, что она, освободив значительные силы на юго-востоке, бросит их на западный фронт, не захочет на деле заключать мир, а выдвинет программу завоевания Польши; с другой стороны, смотрит с полным недоверием на союзников, не продадут ли они его Советской России. Из этого его полного недоверия к Советской России рождается план буферных государств между Россией и Польшей. Польская буржуазия, во главе которой стоит национал-демократия, хочет крепкой рукой взять западную Белоруссию, в которой находится католическое население, и часть Литвы, на юге же она хочет ограничиться областью старых крепостей—Дубной, Ровной, ведя границу по рекам Горыни и Припяти. Для буржуазии территориальные вопросы не играют такой крупной роли, как вопрос экономической эксплоатации России. Она хочет иметь совместную границу с Россией, ибо она знает, что без русского рынка она промышленность развить не может. Социал-патриот Пилсудский, последний могикан польского романтизма, вытаскивает из могилы старую, лживую историческую легенду о том, что Польша была союзом свободных народов, что Литва, Белоруссия, правобережная Украина были странами, народные массы которых добровольно соединились с Польшей.

Вот эту легенду, извращающую действительную оккупацию этих областей польскими помещиками, эксплоатацию литовских, белорусских, украинских крестьян польскими магнатами,—эту легенду он делает своей программой: демократическая Польша в союзе с демократической Литвой, Белоруссией и Украиной. За эту легенду, за эту программу Пилсудского, программу польского романтизма цепляются самые реакционные элементы Польши. Помещики, которые хотят спасти свою социальную позицию, которым в Польше угрожает крестьянское движение, забаррикадировались в областях, где будут господствовать кулак и военщина,—военщина, которой хочется легким путем получить лавры и возможность бесконтрольного хозяйничанья в громадных областях. Но Пилсудский понимает, что этих своих требований он не может предложить Советской России перед лицом всего мира, на мирной конференции в нейтральной стране, и даже в Варшаве, где будут присутствовать журналисты всех стран, которые раструбят его программу, восстановят против нее все демократические круги Европы или даже часть правительства Антанты, которые понимают, что невозможно одновременно эксплоатировать Россию для себя и отдавать ее в расхищение таким умелым хозяевам, какими являются польские шляхтичи. Поэтому Пилсудский хочет с нами разговаривать только по гофмански, только держа нас в городишке, находящемся под его пушками, и, имея возможность во всякий момент поддержать свои легендарные аргументы наступлением на Украину, в то время, когда перемирие на борисовском фронте нам совершенно свяжет руки. Отказ Советского правительства послать мирную делегацию в Борисов является для него доказательством, что мы не согласны итти на его условия „мира", и он бросается, очертя голову, в последнюю авантюру,—он начинает наступление на Украину под знаменем освобождения ее от большевиков, водворения правительства Петлюры, ничтожество котораго он великолепно понимает. И на деле решившись на то, чего хотела помещичья реакция в Польше, решившись на оккупацию Украины, решившись на это, последний могикан польского романтизма принужден сделаться торговцем. Он, родом из испанских гидальго, посылает своего мелкого варшавского плутишку Патека в Лондон, чтобы купить поддержку Англии или, по крайней мере, ее нейтралитет, обещанием поделить добычу.

Пилсудский и его партия дошли до линии, у которой начнется после „блестящих побед" против незначительных сил Советской Республики, находящихся на юго-западном фронте, после триумфальных шествий по улицам Варшавы, после пения песен о победах польского оружия, полный внутренний и внешний разгром. Внутренно Пилсудский падет жертвой сначала, быть может, буржуазии, которая, после первого поражения, попытается его скинуть, как Тартарена из Тараскона (мы цитируем слова газеты „Поранн", органа национал-демократов), господство которого угрожает польской буржуазии внешним разгромом, или непосредственно от рук рабочего класса. Уступая давлению народных масс, партия Пилсудского стояла за мир с Советской Россией, требуя гласности мирных переговоров. Наступление Пилсудского, которое показало народным массам, что он мира дать не в состоянии, приведет к полному скомпрометированию этой партии, бросит последнюю часть рабочего класса, стоящего на стороне этой партии, в об'ятия усиливающегося с каждым днем коммунизма.

Легкие победы на Украине означают путь к гробу, отделяют с каждым днем больше польские войска от их базы, подводят их под фланговый удар, к военной катастрофе. Разгром Пилсудского будет разгромом польского мелкобуржуазного романтизма, этого наследника шляхетского романтизма, разгромом промежуточных элементов в жизни польского общества,—элементов, которые никогда не умели реально посмотреть действительности в глаза. В особых условиях Польши повторится крах русского меньшевизма, крах политики с.-р., ибо Пилсудский и польские социал-патриоты представляют национально-своеобразную группу международного мелкобуржуазного социализма. Когда Пилсудский думает о возможности разгрома, то думает, вероятно, словами, приписываемыми Костюшко: „Финис Полониа", т. е. конец Польши, но разгром Пилсудского и его партии будет не концом Польши, а началом Польши,—началом той Польши, которая была предметом торга всех буржуазных, помещичьих и мелкобуржуазных клик, продающих польского рабочего и польского крестьянина, то кайзеру Вильгельму, то французской бирже,—началом Польши, которая жаждет мира для того, чтобы начать снова строить сожженные свои хаты, чтобы взяться за оружие против вековой эксплоатации и темноты. Эта Польша, которая связана братским девизом с русским рабочим классом—эта Польша, которая загнана Пилсудским в подполье, возьмет в свои руки дело своего освобождения в союзе с мировой революцией.

(„Изв." № 97—102).

Тревога.

Польские белогвардейцы, начавшие на днях общее наступление на западном и юго-западном фронтах, усиленно продолжают натиск на нашу территорию. Пользуясь изменой некоторых частей, перешедших к нам из разгромленной армии Деникина, они заняли ряд пунктов в районе правобережной Украины и угрожают нам дальнейшим продвижением.

Советская власть, не делавшая приготовления к войне с Польшей, искавшая всякой возможности разрешить все спорные вопросы путем мирных переговоров, а потому и не предпринимавшая никакой особой концентрации сил на польском фронте, получила предательский удар от польской шляхты, еще вчера предлагавшей нам вести переговоры в Борисове. Теперь совершенно очевидно, что польское правительство готовило нам ловушку, стремилось усыпить нашу бдительность, сосредоточить силы и ударить изорской шпагой в грудь рабоче-крестьянской Республики.

„Вынувший меч, от меча погибнет",—говорим мы в ответ на удар зарвавшихся дворянчиков и призываем к оружию пролетариат и крестьянство России. Еще вчера мы могли надеяться, что у нас остается один фронт—фронт труда, фронт нашей разрухи, фронт больных паровозов и необсемененных полей. Сегодня у нас два фронта—фронт войны и фронт труда.

Мы должны дать на польский фронт в кратчайший срок максимальное количество сил и прежде всего партийных сил, мы должны их дать не теряя ни минуты. Каждый день промедления стоит нам потерей все новых и новых городов, грозит виселицами тысячам рабочих и крестьян Украины, осложняет международное положение, увеличивает наглость всех, кто еще не потерял надежды свергнуть Советскую власть России. Промедление преступно, опасность велика.

Мы твердо знаем, что польские белогвардейцы будут биты, что наша геройская Красная армия, разбившая более грозных врагов, как Колчак и Деникин, покончит, в конце концов, и с польской шляхтой. Но из того же опыта борьбы с Деникиным и Колчаком мы знаем, какие тяжелые жертвы несли мы из-за медленного приступа к делу, из-за недостаточной решительной мобилизации, из-за чрезмерной самоуверенности в скорой победе.

Мы стоим перед последней борьбой. Эта война тем скорей придет к победному концу, чем быстрей мы бросим на весы всю массу наших сил.

К оружию, товарищи рабочие, к оружию, товарищи крестьяне! Вперед, товарищи красноармейцы! Сломаем шпаги польских шляхтичей и графов тяжелыми ударами наших трехлинеек. Пусть взявшие меч польские паны погибнут от меча нашей Красной армии. („Правда" № 91—29 апреля.

Ошибка маршала Пилсудского

Г. Сокольников.

Маршал Пилсудский, польский главнокомандующий, наступает. Он бросил против красных дивизий нашего западного фронта белые польские легионы в полной уверенности в успехе, в сладкой надежде завоевать для своих хозяев—земельных и денежных магнатов Польши—западные окраины России, в упоении заманчивым планом—уничтожить Советскую власть на Украине и заменить ее там правительством Петлюры, этого ваньки-встаньки украинской политической жизни последних лет.

Казалось бы, откуда такая прыть у маршала Пилсудского? На чем основаны боевые надежды и расчеты польских белогвардейцев? Разве правительство польской буржуазии не было свидетелем разгрома Деникина? Разве из памяти его так быстро изгладилось достаточно свежее воспоминание о последних днях венчанного Антантой Колчака? Однако, этих уроков и этих примеров для польской буржуазии оказалось мало. Наши польские враги предположили, по-видимому, что, разбив Колчака, Юденича и Деникина, Советская республика в долгой и тяжелой борьбе на этих трех фронтах в свою очередь истекла кровью и иссякла силами. Антанта и Польша решили, что победа наша над Деникиным была последней нашей победой, что усталость масс от войны и внутренняя разруха настолько велики, что справиться еще с одним наступлением, выдержать еще одну войну мы не сможем. Подобно азартному игроку, который проигравшись до тла, не может все же устоять перед безумным искушением, последней ставкой вернуть сразу все, Антанта одной рукой благословляет Польшу, идущую походом на революционную республику, и в то же время другой рукой продолжает, на всякий случай, обмен корреспонденциями с Чичериным.

Роковая ошибка польской буржуазии состоит в том, что миролюбие Советской России, стремление ее народных масс к труду и хозяйственному возрождению она приняла за доказательство ее слабости и истощения. Республика рабочих и крестьян превратила армии восточного и южного фронтов в трудовые армии. Коммунистическая партия на своем последнем съезде все внимание масс привлекла к вопросам труда. Хозяйственный фронт официально стал нашим главным фронтом усилий и борьбы. И польские белогвардейцы, долгое время тянувшие дипломатическую канитель, решили, что настал благоприятный момент для того, чтобы сбросить маски. Они переходят в наступление, расчитав, что наши армии частью демобилизованы, частью далеко ушли в глубь Сибири и Кавказа, расчитав что хозяйственная разруха, борьба с которой только только начата, связывает нас по рукам и по ногам. Маршал Пилсудский объявляет этот момент благоприятным во всех отношениях и открывает поход. Ошибается маршал.

Советская Республика вынуждена теперь разъяснить польской буржуазии всю глубину ее заблуждения. И разъяснить, конечно, не в порядке логических рассуждений, а на полях битвы войска. Прометчивого фельдмаршала Советская республика сумеет быстро доказать всем, кто нуж-

дался в этом доказательстве, что у нее имеется вполне достаточно сил для того, чтобы бороться на два фронта: чтобы восстановить трудовую жизнь в гигантских районах Востока и Юга, обеспеченных от нападения белого врага, и чтобы в то же время раз навсегда вооруженной рукой обеспечить себе полную безопасность на западной границе. В лице буржуазной Польши Антанта создавала не только барьер между русским пролетариатом и его европейскими товарищами по борьбе, но и плацдарм, из которого в удобный момент должен был грянуть удар по Советской Республике. Военная авантюра Пилсудского и является, с одной стороны, результатом политического авантюризма Антанты, а с другой стороны, вытекает из вполне „самостоятельной" польской „политики приключений", продиктованной желанием как можно скорее встать на свои собственные ноги и, в качестве „Великой Польши", избавиться и от „большевистской угрозы", и от антантовской опеки. Польская буржуазия, лелеющая самые горделивые планы, в конце-концов мечется между перспективой быть на побегушках у антантовского победоносного империализма или увидеть себя во власти победившей коммунистической революции. Польская буржуазия хотела избежать и того, и другого. Но ей выпадает на долю испить поочередно обе эти горькие чаши. За коротким моментом нынешнего торжества неминуемо наступит катастрофа ее авантюристского похода и вместе с тем пробьет час торжества польских рабочих и крестьян. И когда знамя коммунистической революции будет поднято над Варшавой, маршал Пилсудский и польская буржуазия смогут на досуге оценивать все последствия своей непоправимой ошибки. („Правда" № 94—4 мая).

Их надо остановить!

Уже 2 недели прошло с тех пор, как польские паны, сбросив маску миролюбия, под прикрытием которой они готовили свое нападение на Советскую Россию, начали свое наступление. С тех пор они захватили всю Волынскую губернию и половину Киевской. Теперь ими взят и Киев.

Бездну разорения, горя, страданий несут наступающие паны. Их путь освещен заревом пожаров, он устлан трупами изнасилованных и убитых женщин, трупами детей. Не знают пощады свирепые паны. Неволю, рабство несут они с собой.

Чем дальше продвигаются они, тем большую область захватывает это разорение, тем ярче зарево пожаров, тем глубже море страданий, тем шире реки проливаемой ими крови. Чем дальше идут паны, тем труднее будет их выгнать, тем больше на это потребуется времени и сил, тем шире и глубже будет разруха, тем позднее мы снова получим возможность снова отдать все силы свои на борьбу с ней, тем труднее будет эта борьба.

Мы должны, поэтому, как можно скорее остановить разбойников, которые разоряют и насилуют нашу Советскую землю. Как можно скорее мы должны их выбросить из Советской России. Уже и так 2 недели продолжается их шествие. Уже и так они слишком далеко зашли в глубь Украины.

Мы слишком медленно собираемся на борьбу. Мы слишком уверены, что без труда победим зарвавшихся шляхтичей.

Но победа даром не дается. Ее надо добиться. Ее надо завоевать упорным трудом. Без борьбы никогда не может быть победы.

Пусть же скорее все рабочие и крестьяне, все те, кто становится на их сторону в новой борьбе, пусть скорее они приступают к ней. Пусть все силы отдадут на нее. Мы должны не только победить поляков, но и сделать это как можно скорее.

Пусть скорее идет на фронт всякий, кто может. Пусть крепче стоит он там против наседающих поляков.

А тот, кто не годен для фронта, кто должен остаться в тылу, пусть отдаст все свои силы работе на оборону, на выделку снарядов, аммуниции, на добычу топлива, на ремонт транспорта, на улучшение продовольствия. Эта работа нужна теперь не только для борьбы с разрухой, но и для отпора панским разбойничьим бандам.

Паны захватили Киев. Это нас не пугает. Мы ответим им усилением своей работы на фронте и в тылу.

Коммунисты! Не забывайте, что и там, и тут ваше место в первых рядах. („Правда" № 98—8 мая).

Польская керенщина

Г. Сокольников.

Подобно российской буржуазии, скрывавшей свое господство летом 1917 г. за „социалистической" диктатурой Керенского, польская буржуазия пытается сделать свою политику приемлемой для трудовых масс, прикрыв ее „социализмом" Пилсудского и его мелко-буржуазных спутников, вполне достойных собратьев российских Авксентьевых, Савинковых и Брешковских. Что использование марки „социализма" политическими контрабандистами польского буржуазного лагеря доказывает, что хотя рабочие еще не в силах самостоятельно взять в руки власть, но и буржуазия уже не в состоянии открыто и откровенно удерживать угнетенные классы в состоянии порабощения. Так было в дни Керенщины в России, так обстоит дело и в дни Пилсудского в Польше.

Этому состоянию политической неустойчивости и неуверенности польские буржуазные классы стремятся положить конец, закрепить свою власть на основе военного своего успеха, укрепления своей позиции в армии, увеличения ее преданности и доверия к правительству буржуазной диктатуры. Они не могут, однако, добиться такого результата путем политической работы в армии, путем прояснения политического сознания стоящих под ружьем масс, ибо всякая работа политического просвещения в армии неминуемо обращается против них самих. Они стремятся поэтому достичь нужного им результата обратным путем—путем оглушения и ослепления солдатских масс. Они избирают путь военных авантюр, в чаянии удачи и торжества, головокружительных успехов и побед, которые одновременно означали бы не только поражение врага на поле битвы, но и классовое поражение внутренних политических противников.

Подобный путь избрала российская буржуазия, и Керенский летом 1917 г. бросает армию в наступление на Галицию. И этот путь избирает польская буржуазия и Пилсудский, бросая польскую белую армию на Киев.

Перейдя в наступление, панская Польша сыграла ва-банк. Правда, польская белая печать уверяет, что „мир сорван большевиками", и доказывает это разоблачениями „грандиозных большевистских военных приготовлений". Но первые

успехи поляков исчерпывающе доказывают, что если подготовка с категорическим решением воевать была с чей-либо стороны, то она была именно с польской стороны. Пока мир не был заключен, было бы странно требовать от Советской России отказа от всяких приготовлений к защите. Решающим тут было явно и неоспоримо нежелание польского правительства вести переговоры о мире. Эта возможность была белой Польше открыта более, чем уступчивой политикой Советской России. Польская буржуазия отказалась от этого исхода. Она желала войны, она стремилась к ней во что бы то ни стало. Она превратила войну с республикой рабочих и крестьян в фундамент своего политического существования и рычаг своего политического могущества.

Тем самым польская буржуазия и помещичья клика сама перенесла решение своей судьбы на поля сражений. Пусть же она не сетует, если на этих полях Советская Республика будет решать не вопрос о границах буржуазной польской власти, а вопрос об ее полном уничтожении. Освобождение польских крестьян и рабочих от режима подражателей Керенского, создание польской республики крестьян и рабочих с неизбежностью вытечет из победы Советской России над белой Польшей. („Правда“ № 99—9 мая).

Поход мешечников.

Г. Сокольников.

Переговоры о товарообмене с Советской Россией мало удовлетворили капиталистические круги Антанты. Они предполагали продиктовать Советской власти условия обмена, которые позволили бы в достаточной степени извлечь из России хлеб и сырье, необходимые буржуазной промышленности для преодоления кризиса, из которого ей до сих пор не удается выбраться. Но Советская власть отказывается выкачивать из страны для чужих антантовских синдикатчиков сырье и хлеб и предлагает Антанте получать за ввозимые продукты уплату золотом—металлом, который до последних пор составлял предмет величайшего вожделения буржуазно-предпринимательского режима. Но угасающий буржуазный режим сохраняет к золоту только платоническую любовь и даже склонен иногда видеть в своем прежнем увлечении золотом лишь простительное заблуждение юности. Он требует теперь хлеба и мяса, кожи и сала—предметов менее благородных, но более способных продлить его бренные дни.

С русским сырьем и хлебом связаны в странах Антанты большие надежды и большие аппетиты. В английской „Белой книге“ о большевиках имеется характерное донесение одного из английских агентов лорду Бальфуру: „Европа будет ощущать серьезный недостаток в продуктах питания до тех пор, пока поля России не будут использованы настолько, что Россия—эта главная житница Европы, своим экспортом зернового хлеба сможет снабжать все европейские государства“.

Монополия внешней торговли, установленная Советской властью, мешает, однако, „Европе“ получить русский хлеб и „использовать поля России“ в мере желательной банковским и синдикатским королям Бальфуровская „Европа“ до последнего времени могла рассчитывать на свободное получение русского хлеба из портов Черного и Азовского морей, где миллионы пудов пшеницы украинской, донской и кубанской были приготовлены для экспорта за границу. Свобода торговли, установленная в деникинском царстве, означала для капиталистов Антанты свободу вывоза хлеба и сырья из России. „Высоко-патриотический“ генерал Деникин послушно и усердно платил за военную поддержку жирной данью, в виде русской нефти, зерна и пр. С уничтожением деникинщины рухнули подписанные „доблестными“ генералами контракты, рухнули расчеты Антанты на южный хлеб и закрылась брешь, зиявшая в системе монополии внешней торговли. Падение деникинских вывозных контрактов поставило для Антанты ребром вопрос о получении сырья из России, ибо „сырьевой голод“ все острее дает себя чувствовать запутавшемуся капитализму, и „голодание“ останавливающихся машин „питает“ крепнущую рабочую революцию.

Агенты Пилсудского и Петлюры правильно учли этот момент, усиленно соблазняя буржуазию Антанты возможностью получения сырья и хлеба из Украины, хотя, конечно, трудно судить, кто действительно выступает в роли соблазнителя, искушает ли Антанта, подобно библейской „жене Пентефрия“ польского „Иосифа“, или „прекрасный Иосиф“ Пилсудский соблазнил Антанту на новую авантюру украинской приманкой. Но как бы ни обстояло дело, несомненно, что украинский хлеб и украинский сахар приобретают в польской войне значение ставки для Антанты, обусловливающей и обеспечивающей ее поддержку бело-полякам. Куль муки и мешок рафинада—вот реальная почва, на которой сформировался блок Пилсудского и Петлюры, в угоду и по требованию антантовского капитала. За польскими войсками на Украину идет антантовский „мешечник“, стремящийся через польские ворота вытащить из Украины сырье, которое он не может получить на московской границе, где организованное коммунистическое хозяйство встречает его суровым режимом пролетарской государственой монополии. Украинская политика „союзного“ империализма намеревается в точности повторить украинскую политику германского империализма, как бы для того, чтобы лишний раз подтвердить, что оба эти империализма не что иное, как своего рода сиамские близнецы. Петлюра, в 1918 году тащившийся за обозом генерала Эйхгорна и отдавший Украину в руки немецких экспортеров, теперь волочится за каретой маршала Пилсудского и продает Украину экспортерам Антанты.

Нет сомнения, что Польша не сумеет сдержать своих обещаний, и что Антанта с Украины получит не больше, чем обжегшаяся на Украине дореволюционная Германия. Но, тем не менее, нет сомнения и в том, что поход польской шляхты на Украину есть в то же время поход антантовских мешечников, идущих под священным империалистским знаменем грабежа и спекуляции. Однако, когда „мировые победители“ в своей международной политике вынуждены обращаться к методам, достойным сухаревского торга, можно сказать с уверенностью, что они уже начинают скатываться вниз по ступенькам к своему полному и бесславному поражению. („Правда“ № 101—12 мая).

Не порыв, а упорство

Уже три недели прошло с тех пор, как польские паны начали свое разбойничье наступление на Советскую Россию. Они захватили ряд городов и крупные территории по правому берегу Днепра. Они пытаются теперь перейти и на левый его берег. Нескончаемым рядом убийств и насилий отмечают они свое шествие.

Три недели прошло с начала наступления. И до сих пор эти разбойничьи банды не остановлены. До сих пор они грозят нам все новыми насилиями, новым разорением, новыми убийствами.

Это произошло, во-первых, потому, что мы не готовились к войне: мы были слишком миролюбивы. А кроме того, и потому, что паны слишком хорошо подготовились. Они собрали сильную армию и хорошо вооружили ее. Оружие дали им империалисты Антанты.

Конечно, наступит время, когда паны потерпят жестокое наказание за свое вероломство, за свою наглость и за все преступления, ими совершенные. В этом не может быть никакого сомнения. Но не надо думать, что эта победа достанется нам легко и дешево, что двумя-тремя ударами мы сломим силу панов.

Нет, борьба нам предстоит трудная и, может быть, долгая. И к этой упорной борьбе мы должны теперь же готовиться.

Ежедневно телеграф приносит многочисленные сведения о том вооружении и подъеме, которое наглое нападение польских панов вызвало среди всех слоев населения Советской России. Во всех концах ее, во всех уголках перед лицом грозной опасности, по зову Советской власти, „рать поднимается неисчислимая“.

Но нужно, чтобы это народное движение не ограничилось одним, хотя и могучим, порывом. Борьба будет трудная, а потому необходимо упорство в борьбе.

Не ограничиваясь одной мобилизацией мы и впредь должны вести систематическую пропаганду и агитацию, разъясняя всем трудящимся и всем честным гражданам значение войны, планы польских разбойников, их грабительские аппетиты и требования, насилия, которые они совершают.

Для войны нужен крепкий тыл. А потому все те, кто остается в тылу, должны до последней степени усилить свою работу, чтобы укрепить этот тыл. В особенности важна работа по улучшению продовольственного положения, по заготовке топлива и по восстановлению транспорта. Все эти работы, и в особенности работы по транспорту, крайне важны, так как обслуживание фронта потребует большого напряжения жел. дорог.

Советская Россия была всегда сильна тем, что между красным фронтом и тылом существовала самая тесная, кровная связь. Пусть же теперь останется эта связь. Пусть она будет крепче, чем когда бы то ни было.

(„Правда“ № 102 (13 мая)

Единство польского и русского рабочего класса.

Карл Радек.

„За нашу и вашу вольность“—эти слова писали на знаменах своих польские повстанцы 63 года. „За нашу и вашу вольность“—отвечали им русские революционеры со времен декабристов до народной воли. Ибо польские дворянские и русские дворянско-разночинские революционеры не боролись за одну свободу, за свободу для одного класса, устраивающего жизнь на одних основах. Они были соединены только общностью интересов жителей той же самой царской каторги, ненавидящих своего тюремщика, стремящихся разбить оковы.

Еще первая социалистическая партия в Польше, партия пролетариата, заключая договор с народной волей об общей революционной борьбе против царизма, выговаривала в этом договоре, что после победы над царизмом каждая из партий будет руководить самостоятельно дальнейшим движением. Дворянская Польша и дворянская Россия—это были страны особые, и революционеры этих стран не могли перешагнуть границ, разделяющих обе страны.

Капиталистическое развитие соединило Польшу с Россией. Польские капиталисты почувствовали себя одним классом с русскими капиталистами. Польские рабочие почувствовали себя частью великого рабочего класса, созданного капитализмом на этом громадном пространстве, которое называлось русской империей. Они чувствовали инстинктом своим, что не может быть особого освобождения польских рабочих и русских рабочих, что после падения царизма, после завоевания социализма стоять будут пред ними не разные задачи, а одна задача—общего отпора силам капитала, общая задача совместного строительства. Даже в то время, когда в России не было еще никаких признаков массового революционного движения пролетариата, польские рабочие, поднявшиеся на массовую борьбу на десять лет раньше русских рабочих, знали, что их изолированная борьба не может увенчаться другим успехом, кроме того, что она будет будить рабочих всей России, будет звать их на общий бой с капиталом и царизмом.

Отношение к русскому рабочему движению—вот вопрос, на котором раскололся польский социализм в последнем десятилетии XIX столетия. Основатели польской социалистической партии—Мендельсон, Вронский, Пилсудский заявляли, что нет надежды на то, чтобы численно слабый рабочий класс России смог разбить цепи капитала и царизма: они утверждали, что результатом революционного движения в России может, в лучшем случае, быть буржуазно-дворянская конституция, вследствие чего национальный гнет, присущий всякому буржуазному строю, должен будет существовать и дальше в России. Они утверждали, что соотношение сил в Польше более благоприятно для социализма, и что поэтому польский рабочий класс должен бороться за независимость Польши, ибо только в ней он может бороться за уничтожение капитализма и создание социалистического общества. Польские марксисты, с Розой Люксембург, Варским, Тышкой и Карским во главе, отвечали: если нет надежды на близкую революцию в России, то это означает только, что и надежды на скорое освобождение польского рабочего класса тщетны, что польский рабочий класс должен не отделяться от русского рабочего класса, а помогать ему своей борьбой понять свои интересы и организоваться для совместной борьбы. Они высмеивали попытки определить значение русского рабочего класса только при помощи статистических исчислений.

Забастовка 1896 года, когда русский рабочий класс вышел на историческую сцену, подтверждала правильность анализа польских марксистов. Они дали силу их предсказаниям. Она создала в польском рабочем классе уверенность, что русский пролетариат представляет не меньшую силу, чем польский, что он не хуже, чем польский, умеет бороться за свое освобождение. С этого времени не было больше особой борьбы польского и особой русского рабочего класса: всякое событие в массовом движении пролетариата находило горячий отклик в сердце польских рабочих.

С момента начала великих битв, предшествовавших революции 1905 г., с момента ростовских и киевских массовых забастовок 1905 г., польские рабочие боролись рука об руку с русскими уже в буквальном смысле этого слова: дело идет не только о рабочих, сознательно примкнувших к польской социал-демократии. Рабочие, которые принадлежали еще польским социал-патриотам, и они чувствовали себя связанными общностью целей с русским пролетариатом. Они принуждают свою партию во время революции 1905 года итти за русским рабочим движением: они, борясь на словах за независимость Польши, на деле борются рука-об-руку с русским рабочим за низвержение царизма, за освобождение рабочего класса Польши, как и России, от одного и того же врага—от капитализма. Огонь первой революции связал польских пролетариев теснейшим образом с русским пролетариатом. Польская социал-демократия—это кристализационная ось польского пролетариата, польская социал-демократия, относительно которой самый злостный из ее противников, главарь польских социал-патриотов, Василевский, должен был признать, что она руководила революцией 1905 г. и тащила на своем буксире польских социал-патриотов: польская социал-демократия была и организационной частью русской социал-демократии, на левом фланге которой боролась рука-об-руку с большевиками за революционные идеи марксизма.

Когда грянул гром войны, польская социал-демократия, так же, как русская большевистская партия, подняла свой голос не для того только, чтобы на словах протестовать против войны, а для того, чтобы на деле против нее бороться. Она эту борьбу вела в полном идейном единении с передовым русским пролетариатом даже тогда, когда их разделили войска германской оккупации, и когда, в марте 1917 г., русский пролетариат восстал, тогда беспрерывные волнения охватили рабочие массы Польши, что сделало занятую германскими войсками Польшу вулканом. Рабочая революция в России нашла глубокий отклик в польских рабочих массах, польские капиталисты и помещики, польская военщина, которые заняли место германской военщины, которые при помощи союзников оккупировали Польшу, могли держаться у власти только при помощи самого дикого, самого беспощадного террора. Они показали польским рабочим всю правду утверждений польских марксистов о том, что независимая Польша, за которую боролись польские социал-патриоты, будет Польшей дворян, помещиков и капиталистов. С горечью заявлял недавно в польском сейме главарь польских социал-патриотов Дашинский: ведь, оказалось, что правы были польские интернационалисты социал-демократы, когда они заявили, что независимая Польша будет отличаться от Польши, стонущей под игом царизма, только тем, что место русского жандарма займет польский жандарм. Опыт полутора лет господства польских помещиков и капиталистов усилил в тысячу раз глубокое чувство солидарности польского пролетариата с русским, он создал в польском пролетариате стремление к тому, чтобы сбросить иго польских помещиков и капиталистов, чтобы соединиться с русским пролетариатом, который взял власть в свои руки и держит ее крепко, чтобы понести дальше на запад факел рабочей революции, который зажгли русские рабочие в октябре 1917 г. Польские рабочие заполняют теперь тюрьмы Польши, гниют в концентрационных лагерях. Положение Польши нельзя охарактеризовать лучше, чем словами начальника польской жандармерии в Домбровицком угольном районе, который заявил своему правительству: здесь нет польских граждан, здесь есть только изменники польскому государству.

В тот момент, когда г. Пилсудский, главарь польских социал-патриотов, сорвал с лица своего маску миротворца и принуждает польскую бедноту и польских рабочих воевать против Советской России, итти против украинских крестьян и рабочих, он об'явил войну не только Советской России, он об'явил войну польскому рабочему классу. Исход этой войны решится не только под Березиной, Двиной и Вислой, но и на улицах Варшавы, Лодзи и Домброва.

В момент, когда Советская Россия, принужденная встать на защиту свою, поднимает знамя святой пролетарской войны против польских панов,—этого последнего отряда мировой контр-революции на Востоке—в этот момент она высоко поднимает старое боевое знамя, окрашенное кровью польских и русских рабочих, знамя, за которое погиб на виселице вождь польских рабочих Мартин Касприак, знамя, на котором написано: единство русского и польского рабочего класса. Уничтожив польских панов, Советская Россия отдаст в руки польских рабочих решение вопроса о том, в каких они захотят жить отношениях с Советской Россией. Идя в бой против польских помещиков Советская Россия не имеет никакой другой программы, кроме уничтожения паразитов, которые не довольствуясь эксплоатацией польских рабочих и крестьян, подняли руку против русских рабочих, подняли руку против Советской России. Когда Советская Россия справится с этими авантюристами контр-революции, между польским и русским народом не будет никаких спорных территориальных или экономических вопросов, для них будут существовать только вопросы о том, как можно наиболее целесообразно начать общими силами строить новую жизнь на благо польского и русского рабочего класса.

(„Правда" № 93—1 мая)

Старый и новый спор.

Века длилась борьба между русскими и поляками. Много крови рабочей и крестьянской было пролито с обоих сторон. Победителями в ней оказывалась то одна, то другая сторона, но в обоих случаях от этого выигрывали все те же баре. Польская шляхта огнем и мечом подавляла казацкие восстания, на поток и разграбление отдавала украинские земли, где жили русские рабочие и крестьяне. А когда победа перешла к русским, когда царица Екатерина завладела Украиной, а потом Польшей, то украинские крестьяне отдавались в дар царицыным любимцам, а польские крестьяне—за особые заслуги отличавшимся дворянам. В таких условиях проходил старый спор. Так паны и помещики заставляли драться за себя рабочих и крестьян, а в результате последние чесали себе спины, по которым гуляла дворянская нагайка.

Настало новое время. Русские рабочие и крестьяне уничтожили у себя власть помещика и хотели заняться устройством собственной жизни, предоставив польским рабочим и крестьянам самим свести счеты со своими помещиками. Но польская шляхта решила, что старый спор не кончен, что теперь самый лучший момент для сведения счетов, для возвращения под свою власть русских крестьян и рабочих. Покажем же им, что теперь идет новый спор, спор между панами и холопами, дворянами и крестьянами, что теперь русские рабочие и крестьяне будут бить именно панов, чтобы освободить и себя, и помочь освобождению польских братьев от старых панских цепей. Спор новый, и его выиграют рабочие и крестьяне, русские и польские. К оружию же, рабочий и крестьянин, русский и поляк, к оружию и победе, в новом споре холопов и бар, заменившем старый спор между помещиками русскими и польскими.

(„Правда" № 95—5 мая)

ЖЕРТВЫ ПОГРОМОВ,

учиненных частями бело-польской армии при бегстве из г. Житомира Волынск. губ.







Чего они хотят?

Л. Троцкий

[illegible] ют им мир? Что [illegible] влекла польский народ в кровопро[illegible] бу с нашей федеративной республикой?

[illegible] ая цель—земля. На Украине, в Бело[illegible] но как владельцы-богачи они играли [illegible] В Волынской губ. поляки составляли [illegible] бернии в своих когтях, чтобы, таким образом, вернуть себе свои богатейшие поместья, заводы, дома

Польский крестьянин недоволен. Независимая польская [illegible] нему остаются в руках у панов. По этой причине революционное возбуждение крестьянских мас все более возрастает. Правительство Пилсудского, верный приказчик помещиков, ищет выхода из положения и указывает польским крестьянам на Украину, Белоруссию, Литву: „Там вы добудете для себя земли".

Польские солдаты, так называемые легионеры, т. е. в большинстве своем те же польские крестьяне, хотели бы скорейшего окончания войны, но шляхетское офицерство подбадривает легионеров надеждой на земельные и всякие иные завоевания. „Каждый легионер получит на Украине добрый надел чернозема", так напевают агенты Пилсудского на ухо одураченному польскому солдату.

Есть, наконец, еще одна немаловажная причина, которая [illegible] во чтобы то ни стало запугать, устрашить и смирить поль[illegible] силой становятся на сторону Советской власти. Они призывают польских крестьян к революционному бою против своих помещиков и капиталистов для установления в Польше рабоче-крестьянской власти по образцу России и Украины. Наши победы над Колчаком, Юденичем, Деникиным окрыляют польский рабочий класс, наполняют его сердце революционным восторгом. Отсюда злобная, клокочущая ненависть всех польских эксплоататоров и угнетателей к рабоче-крестьянской России, стремление причинить ей вред, ущерб, нанести ей удар, сломить ее, унизить, опрокинуть задушить,—молотом стучит это стремление в головах у польских панов и правителей. Бешеная ненависть к рабочим лишила их рассудка и толкнула на ужасающее преступление грабительской войны.

Таким образом, с какой стороны ни подойти к войне, причиною ее является жадность, корыстолюбие и властолюбие польских богачей, помещиков, капиталистов, эксплоататоров трудового народа. Это они вызвали войну, и против них должен быть направлен наш отпор.

Украинские, белорусские, литовские и русские рабочие и крестьяне должны соединиться с рабоче-крестьянской Красной армией наполнить ее ряды добровольцами, поддерживать ее продовольствием и всем тем, чем могут, для того, чтобы разгромить хищное польское отродье, которое стремится ограбить и закабалить наши трудящиеся масоы

(„Правда" № 104—15 мая).

Смоленск—Брянск. 9 мая 1920 г.

Из когтей белого орла.

Станислав Гурницкий.

Я один из заложников польского белогвардейского плена, бывший красноармеец, перешедший на-днях демаркационную линию, совместно с группой измученных и истерзанных (в польских тюрьмах и лагерях) товарищей. Прошло всего несколько дней как я в Советской России—дней счастливых и самых красивых в моей жизни. Не знаю, буду ли иметь возможность описать вам в кратких словах то, что пережил за 12 месяцев нахождения в польской тюрьме. Одно воспоминание открывают в груди как бы зажившие раны, и слезы наполняют глаза. Еще не верится, что я теперь свободен; что не услышу больше свиста нагайки, шомполов, битья прикладами и проч. До конца своей жизни не забуду стонов моих товарищей, погибающих в настоящее время в тюрьмах и лагерях от пыток, тифа, голода и истощений. Передаю вам от них, товарищи, самый искренний сердечный привет, и передаю вам общий крик их наболевших душ. Нам только там открылись глаза, как дорога нам Советская власть и святая идея коммунизма, что там страдают все и умирают с радостью за их идею, ничто не в силах сломить их духа, они умирают с радостью за освобождение пролетариата всего мира. Последние слова и клич умирающих товарищей—призыв к дальнейшей борьбе—за [illegible] мира и всех наций. Пусть наши терзания будут не напрасны, пусть эти моря крови нашей, пролитой за все идеи коммунизма, не останутся без последствий. Довольно слов, я красиво писать не научился и т. д., что вам пишу, это один из криков и терзаний наболевшей души. Я сам крестьянин, рабочий, писать ничего не умею. Быть может в России найдутся еще такие люди, которые не поверят и слезам, и словам моим. Для них я сумею привести факты. Я находился в Брестском лагере 7 месяцев и в Варшавской Мокотовской тюрьме. В настоящее время все тюрьмы и лагери в Польше, Литве и Белоруссии заполнены рабочими, крестьянами и вождями-коммунистами. В Варшаве уже не хватает для них тюрем, правительство предателя социализма Пилсудского ищет частных помещений для тюрем. Брест-Литовск представляет город—кладбище для пленных гражданской войны. Там за прошлый год умерло от тифа, дизентерии, холода и голода и зверского обращения 15.000 пленных за 1 год петлюровцев и красноармейцев. Ежедневно на фортах Буга и Боюга в крепости умирало до 100-200 товарищей. Это подтверждено американской миссией Красного Креста, а также представителями польского сейма (учредилки) и русской газетой „Варшавское Слово". То же самое творится в лагере Вадевицах, Кракове и др. гор. В феврале этого года, когда нас, заложников, привели на сборный пункт в Минск, мы увидели там трупы наших красноармейцев, валявшиеся в подвалах по 2—3 мес. Крысы их хоронили, об'едая уши, нос и др. части тела. Так обходятся „культурные враги" буржуи и их лакеи со своими противниками.

Кончаю свое письмо призывом и общим лозунгом, о котором уже упомянул: „За винтовку, за молот, за плуг, все честные пролетарии, за освобождение всех наших страдающих братьев. С новой силой и новой энергией вперед к победе. Да здравствует всемирная Советская власть! Да здравствует светлая идея коммунизма!"

(„Правда" № 103—14 мая).

О характере войны с белой Польшей

Карл Радек

I

О характере войны, которую Советской России навязала белогвардейская Польша, идут разговоры среди товарищей. Они нашли себе отклик на столбцах „Правды“ в статьях т. т. Сольца, Сокольникова и Осинского. Все эти товарищи боятся последствий характеристики этой войны, как войны национальной. Так как эти споры, как всякие споры, имеют источником не только непонимание дела одним или другим товарищем, а и самую сложность явления, о котором идет речь, то надо вопрос начать с основного: что такое национальная война.

Исторически национальными войнами мы называли войны, веденные буржуазией для соединения территорий, на которых жило население одной нации, под руководством данной буржуазии. Таковы войны Германии, начиная с Наполеоновской эпохи вплоть до 1871 года, таковы войны итальянской буржуазии в начале XIX стол. до создания королевства Италии. Кончился ли период таких национальных войн? Нет, не кончился. На всем востоке, в Турции, Китае, Индии также войны не только возможны, но, по всей вероятности, они явятся последствием ослабления европейского капитализма, эксплоатирующего эти страны. Но возможна ли национальная война буржуазии в самой Европе? Возможна ли теперь национальная война в Германии, в Венгрии? Если дело идет о войне буржуазии Германии, Венгрии против союзного капитала, который Версальским миром растоптал эти нации, наложил на них экономическое иго, то не подлежит сомнению, что, не смотря на то, что есть стремления к такой войне, эта война очень неправдоподобна, ибо капиталисты этих стран находятся в одновременном противоречии и с рабочим классом, и с Антантой. Так как рабочий класс угрожает им уничтожением всего господствующего их положения, а союзники делают из них посредника своей эксплоатации народных масс Германии и Венгрии, то национальная вражда по отношению к союзникам уступает место вражде капитала против восстающего пролетариата. Но разве это означает, что этот пролетариат, победив свою буржуазию, будет спокойно выносить иго иностранного капитала, что он сможет устанавливать свою диктатуру и взяться за социальное строительство, оставаясь расчлененным, оставаясь под гнетом капитала Антанты? Если в Германии и в Придунайских странах революция победит скорее, чем во Франции, Англии и Америке, то пролетариат этих стран будет стоять перед вопросом войны с союзниками — войны, которой он временно может избегнуть в тактических целях лавированием, дипломатическими увертками, но которая может оказаться исторической необходимостью. Эта война будет иметь целью освобождение территории, на которой живет германский пролетариат или венгерский пролетариат, подготовленный ходом событий к рабочей диктатуре. Это будет война за собирание всей территории германской или венгерской нации в руках диктатуры германского или венгерского пролетариата. Переменились классы, ведущие войну, но осталась национальная цель — собирание в руках пролетариата территорий данной нации, населения данной нации, как средство проведения коммунизма. Кто отрицает, что в этой войне соединяются национальная и социальная цели, тот отрицает факты. Кто скажет, что собирание национальной территории является только средством к высшей цели, к диктатуре пролетариата для проведения коммунизма, тот забывает, что и для буржуазии национальная территория сама по себе не была самоцелью; целью, которой было подчинено собирание национальной территории, было установление господства буржуазии, как организатора капиталистического производства. Поэтому, если надо было, буржуазия отказывалась от части национальной территории, и захватывала часть иностранной территории. Отказ пролетариата по техническим соображениям от части своей национальной территории или переход за ее пределы, не представляет собой в этом смысле ничего нового. Социальная война пролетариата, которому угрожает чужестранный капитал, является не менее национальной войной, чем является борьба буржуазии против чужестранного угнетения.

II.

Как же дело обстоит в России. Некоторые товарищи указывают на то, что польская война ничего нового не представляет, ибо и в борьбе против Деникина, и в борьбе против Колчака мы натыкались на штыки английских, французских и японских войск, ибо иностранный капитал поддерживал и Деникина, и Колчака. Разница только та, что теперь мы будем иметь дело в первую очередь с чужестранной армией, хотя не исключена возможность того, что ее будут поддерживать и русские белогвардейцы, что, если, скажем, крымской добрармии удастся выйти из Крыма, то она может стремиться к соединению с польской армией. Эти аргументы должны были бы только поставить товарищей, их выдвигающих, перед вопросом: не имела ли наша гражданская война против Деникина, Колчака и Юденича характера тоже национальной борьбы против иностранного нашествия. Вся капиталистическая печать, английская, французская, великолепно понимала, что наша гражданская война есть одновременно война за независимость России, за ее соединение против попыток победоносного французского и американского капитала сделать из России свою колонию. Россия вышла из империалистской войны страной побежденной; ее победил германский империализм. Но когда англо-американско-французский империализм победил империализм германский, то он начал смотреть на Россию, как на свою добычу. Вершители судеб человечества в Версале начали раздавать территории, принадлежащие бывшей Русской империи, кому им хотелось. Они поддерживали Деникина, Колчака и Юденича не только потому, что хотели скинуть Рабоче-Крестьянскую власть, а потому, что были убеждены, что белые, победившие с их помощью, окажутся в полной зависимости от них. Для того, чтобы держать их в полной зависимости от себя, англичане стремились к захвату островов Даго и Эзеля, господствующих над Финским заливом, т.-е. над подходом к Петрограду; англичане держали все пути к Черному морю; англичане, американцы и французы предъявляли беспрерывно Деникину требование о скорейшем вывозе сырья и т. д., и т. п.

Именно это стремление иностранного капитала сделать Россию колонией явилось одним из источников провала попыток свержения нас руками Деникина, Колчака и Юденича. Создавая окраинные государства против воли Деникина, проявляя беспрерывно корыстность по отношению к нему, англичане и французы сеяли недоверие к себе в рядах добрармии; встречаясь с этим недоверием, они не решались поддерживать Деникина и Колчака с той энергией, которая была нужна для того, чтобы белые победили красных. С другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что та часть бывшего кадрового офицерства, которая честно исполняла свой долг в нашей гражданской войне против Деникиных, Колчаков и Юденичей, делала это потому, что понимала, что Советская Россия, победив Деникина, Колчака, Юденича, соединяет землю, населенную русскими, и защищает Россию от участи колониальной добычи бывших союзников России. Гражданская война пролетариата России была войной против русского капитала и русских помещиков за

предпосылку коммунистического строительства; первой такой предпосылкой является территориальная независимость русского народа от союзников и его мощная военная организация под руководством Советского правительства.

Что изменилось с начала польского наступления? Изменение, которое налицо, характера, в первую очередь, количественного. Количественно пока-что мы имеем дело с иностранным противником, с польскими войсками, руководимыми польскими белогвардейцами. Русская контр-революция настолько разбита, что она не в состоянии в этой схватке сыграть руководящую роль. Поляки если получат подкрепление в этой войне, то со стороны румынских бояр, финских и латышских белогвардейцев. Это отсутствие значительных русских белогвардейских сил на Западном фронте бросается в глаза и народным массам, и честному патриотическому элементу из бывших господствовавших классов России, и потому они еще более ярко, чем во внутренней гражданской войне, ощущают характер ее, как борьбы за независимость страны. Далее, Антанта прикрывала свою политику, маскировала свои колониальные тенденции криками против большевизма, маской борьбы за капиталистический порядок и за цивилизацию в России. Польское правительство, польская пресса цинически открыто заявляют, что им безразлично, кто в России господствует, если только Россия будет слаба. И всякий русский патриот буржуазного толка великолепно понимает, что поляки не собираются скидывать большевиков, что большевики могут от поляков ежедневно получить мир, если только бросят им достаточно крупный кусок русской земли и уплатят достаточно крупную контрибуцию. Это вызывает чувство национальной ненависти у русских буржуазных патриотов, чувство ненависти к Польше. Таким образом, в сознании широких кругов количественная разница переходит в качественную, и в то время, когда все наши гражданские войны в прошлые два года были войнами тоже национальными, этим массам кажется, что польская война является в первую голову национальной.

III.

Перед каким вопросом ставит нас этот сложный характер войны, которую нам навязывают и которую мы должны вести с полной энергией. Тактически нам приходится стараться избегнуть двух ошибок. Нам нельзя разжигать русский шовинизм, ненависть ко всему польскому. Мы не только не ведем войны против всего польского народа, мы не только солидарны вполне с польским рабочим классом, которому окажем громадную услугу, разбив в пух и прах войска белогвардейской Польши, но мы аппелируем к солидарности польского пролетариата, мы ему доказываем, что в его интересах лежит помочь нам своим восстанием в тылу польской армии победить ее. Мы указываем ему, что Советская Россия защищает не только завоевания русской революции, земли и фабрики, пролетарскую власть русских рабочих, но что она является столбом мировой революции, что польский пролетариат, имея соседкой Советскую Россию, будет в десять раз сильнее в момент своего восстания, чем если бы в России не было крепкой рабочей власти. Имеется ли фактическая опасность, что этот основной характер нашей агитации будет уничтожен, потому что мы одновременно будем подчеркивать, что эта война—есть война за независимость русской земли, что мы будем употреблять в этой войне силы всех, которые придут к нам на помощь, не потому, что мы защищаем советский строй и коммунизм, а потому, что мы защищаем независимость России? Кто это утверждает, тот не дооценивает нашей силы. Мы—господствующая партия, в наших руках все органы власти, вся печать, вся служба связей, вся пропаганда на фронте и в тылу, и мы можем совершенно не опасаться, что не сумеем использовать людей, желающих нам помочь, без того, чтобы эти люди навязали нам свою идеологию. Предполагать это смешно и недостойно. Что нам бояться? Не того ли, что в нашей душе проснется старый националистический инстинкт, что нас изнутри захлестнет волна национализма? В наших рядах находятся люди буржуазного и дворянского происхождения, в которых могли бы возродиться националистические предрассудки, но в большинстве своем наша крепкая пролетарская партия всегда была чужда шовинизму и ей нечего бояться за свой интернационализм.

Нам угрожает другая опасность, которая состоит в том, что мы не сумеем для этой тяжелой борьбы, которая нас ожидает, достаточно использовать здоровые патриотические инстинкты, живущие в народных массах России и в широких кругах интеллигенции, до этого времени враждебных нам, не только по социальным мотивам, а потому, что они считали нас элементом развала русского народа. Крестьянин был недостаточно патриотичен, пока находился под гнетом, в полном бесправии. Революция дала ему землю. Крестьянин теперь чувствует, что земля его, он завоевал свое право на патриотизм, он сознательно чувствует свой долг защищать эту землю. Во имя интернациональных задач русской революции его труднее двигать на борьбу, чем во имя его ближайшей патриотической задачи. Мы бы были последними политическими дураками, если бы боялись сказать ему: „ты имеешь землю, ты обязан ее защищать"; если бы мы пытались его мобилизовать только исключительно под лозунгом солидарности с мало ему известными польскими рабочими или белорусским крестьянином. Русский рабочий был сознательно антипатриотически настроен, когда буржуазия была у власти и когда патриотизм означал выдачу рабочего класса на растерзание буржуазии, но он обязан быть патриотом, когда власть в его руках, когда он—вождь русского народа, ответственный за его судьбу. Русский рабочий—интернационалист. Но между нашей патриотической и нашей интернациональной задачей в этой войне нет ни малейшей разницы, нет никакого противоречия. Русским патриотом должны теперь быть все рабочие всего мира, ибо Россия есть единственная страна, в которой рабочий класс взял власть. Должны ли мы отказаться от использования патриотического чувства части интеллигенции, части офицерства, идущих к нам на работу? Если бы мы это сделали, мы бы доказали, что мы не доросли до роли рабочего правительства, до роли вождя в революции. Всякая революция требует от руководящих классов уменья использовать силы других классов, ему подчиняющихся. Употребить эти силы—это значит не только командовать и управлять ими через В. Ч. К., но влиять на них идейно, взывать к их чувствам и настроениям. Мы достаточно сильны, чтобы эти мотивы не заглушали нашего оркестра, играющего и в этой войне, как и во всякой другой, наш „Интернационал". („Правда" №№ 100, 101—12 мая).

Английский империализм. Советская Россия и белая Польша.

Карл Радек.

I

Представители английских рабочих организаций, присутствующие теперь в Москве, просят о точном изложении отношения английского правительства к наступлению белой Польши на Советскую Россию. Причастность английского правительства к польскому нападению кажется им настолько противоречащей публичным заявлениям английского правительства, что некоторые из них отказываются верить в вероломство правительства Ллойд Джорджа.

Мы очень рады, что, безнадежно запутавшись, английское правительство разрешило приезд рабочей делегации в Россию и дает нам возможность перед ее лицом сорвать с него маску.

Простое изложение голых фактов даст оружие в руки тех рабочих делегатов Англии, которые искренно хотят всеми силами противодействовать преступной политике английского правительства и не позволят другим прикрываться названием дела.

Английское правительство заявило устами Ллойд-Джорджа, что оно не считает возможной победу над большевизмом с оружием в руках. Оно заявило, что отказывается от дальнейшей интервенции в России и что не окажет никакой [illegible] помощи белым без санкции парламента. Оно совместно с союзниками заявило об отмене блокады России. Но к [illegible] вопросу оно уже заявило совместно с другими союзниками, что окажет помощь государствам, созданным на окраинах бывшей царской империи, если они подвергнутся нападению в их законных границах. Блокада [illegible] до сего дня не уничтожена. Английские корабли контролируют вход в Балтийское море. Финляндия, одна из собак Антанты, затрудняет всяческим образом мореплавание в Финском заливе. [illegible], борющийся против Советской власти на [illegible] территории, пользуется поддержкой союзников. В Батуме, в городе, который, с точки зрения международного права [illegible] до момента заключения [illegible] мира с Грузией русским городом, находится английский гарнизон. Это так [illegible] Англия свое общее заявление по отношению к России.

Что такое эти законные границы окраинных государств, которые Англия обещала поддерживать против Советской России, не знает ни один человек, не только в России, но и в Англии. Какие границы Польши на Востоке, об этом не знают даже тех [illegible] мужи, которые от имени Англии, Франции и Италии теперь решают судьбы Европы. Антанта до сегодняшнего дня не определила еще, что она считает восточными границами Польши, она не сделала этого не только публично, но и тайно. Ибо она не признала еще не только какие либо определенные границы Литвы, независимость которой Англия признала де факто, но она не признала еще вообще существования независимого украинского правительства, о границах же России ей нечего и говорить.

Пределами Советской России до этого времени английское правительство считало ту территорию, которую завоевала Красная армия. Это значит, что оно имело уважение к красным [illegible] армии, но не имело собственного взгляда на пределы России. О требованиях Польши руководящая газета английской военной партии „Таймс“ заявила, что эти требования фантастические. Считаясь с этим положением, Советское правительство, натолкнувшееся на препятствия в переговорах с польским правительством, предложило английскому и французскому правительствам вести эти переговоры в Лондоне или в Париже, как мы писали в комментариях к ноте Народного Комиссариата Иностранных дел от 6 апреля.

Этим своим предложением Советское правительство давало Антанте возможность вмешаться в спор между Польшей и Советской Россией, определить точно какие границы Польши она считает законными. Советское правительство давало, таким образом, союзникам в Польше, в первую очередь Англии, возможность защиты своих вкладов и своих интересов, перед лицом своих собственных народов выяснить свое отношение к польским требованиям и свое отношение к [illegible] польской войне. Союзники этого не сделали, хотя [illegible] для всякого [illegible], что означает их молчание. Мы уже [illegible] в [illegible] „Таймса“ [illegible] английского [illegible] по поводу ноты Чичерина. [illegible] из Варшавы, говорил определенным образом своему правительству, что его молчание усилит [illegible] польского правительства. Он указывал, что решение вопроса о мире и войне всецело зависит от союзников. Английское правительство не могло отговариваться своим незнакомством с положением. Оно, не давая ответа на предложение Чичерина о ведении переговоров в Лондоне, отклонило это предложение. Это значит, что оно заявило полякам, что оставляет им свободу действий по отношению к России. Что английское правительство [illegible] Польше [illegible] на словах, этого мы не знаем, но фактом является то, что польские правительственные круги, с которых корреспондент „Таймса“ из Варшавы, [illegible], говорила, что они [illegible] как бы Англия не поддержала большевиков против белой Польши, заявила польской [illegible] печати, что союзники в полном согласии с Польшей.

II

Английское правительство отказалось от интервенции [illegible], которую вела [illegible], и [illegible] либеральная партия [illegible]. Оно решилось отказаться от интервенции, после того как [illegible], при помощи которых оно намерено было провести эту интервенцию, в лице армий Деникина, Колчака, Юденича, вполне обанкротились. Военная клика до сегодняшнего дня не верит, что нельзя разбить большевиков. Она убедилась, что этого не мог сделать Деникин, и отказалась от интервенции только до тех пор, пока не явится новый Деникин. При решении английского правительства отказаться от интервенции, кроме указанных мотивов, кроме уступки общественному мнению рабочего класса и торговых кругов, кроме отсутствия вооруженной силы, на которую Антанта [illegible] в дальнейшем опереться против России, были еще другие мотивы. Лорд Керзон, руководитель английской внешней политики, принадлежит к той [illegible] империализма, которая из боязни за Индию и средне-азиатские подступы к Индии, всегда стремился к ослаблению России. Лорд Керзон, как консерватор, был убежден, что белые генералы, победив Советскую Россию, должны будут начать империалистскую политику [illegible] наименьшего сопротивления, т. е. Среднюю Азию. Поэтому он не поддерживал всеми силами белых генералов. Поэтому он, враг России вообще, выступил против интервенции [illegible]. Но, будучи [illegible] России [illegible], позволить [illegible] усилиться. Ему нужно [illegible] ослабление России или путем новой гражданской [illegible] России, или путем [illegible] каких-нибудь внешних сил, как, например, Польша. [illegible] действовало и то, что победа Советской России на южном фронте, ее появление на Кавказе, победа советского движения в Баку, — все это вызвало в Керзоне тревогу

что Советская Россия, освободив значительные силы, может очистить себе путь к соединению с младотурецким движением, которое с каждым днем все более принимает характер революционного крестьянского движения. Уже в марте месяце парижский корреспондент руководящего польского буржуазного органа „Газета Варшавска“ указывал, что Англия стремится толкнуть Польшу на войну с Россией, дабы оттянуть часть русских сил с Кавказа на западный фронт. Мы не знаем, насколько лорд Керзон толкал Польшу на эту войну, но не подлежит сомнению, что эти причины побудили его не удерживать ее от войны с Советской Россией. Наконец, Ллойд-Джордж, отказываясь от веры в победу над большевиками с оружием в руках, сохранял свою веру в победу другими средствами. Эти средства состояли в торговых сношениях с Россией через кооперативы, при чем, само собой понятно, что Ллойд Джордж не думал о миллионах рабочих и крестьян, организованных при помощи Советского правительства в кооперативы, а об контр-революционных кооперативных верхушках, при помощи которых он надеялся минировать нашу систему государственной монополии и ввести широчайшую торговую контрабанду в Россию. Над этими надеждами поставило крест Советское правительство, арестовав уличенных в контр-революционных связях и спекулятивной деятельности буржуазных членов правления Центросоюза. В добавок позиция нашей делегации в Копенгагене доказала представителям английского правительства, что мы не собираемся совсем продавать Россию ни оптом, ни в розницу; что, говоря о торговых сношениях с союзниками, идя на сделку с ними, мы согласны заключать только такие сделки, которые позволят нам восстановить силы России не как аграрной колонии союзников, а как промышленной страны. Эта наша позиция ослабила отпор Ллойд-Джорджа закулисным интригам министерства войны. В министерство же войны с марта месяца начало проникать убеждение, что Красная армия, победившая Колчака, Деникина и Юденича, разложилась, что перевод ее на трудовые армии является результатом этого разложения. В этом убеждении укрепляли Черчиля не только доклады его агентов, но также военные бюллетени поляков, которые, чтобы приготовить наступление на Советскую Россию, рассказывали всякие небылицы об отбитых русских атаках. Насколько победитель при Галлиполи был обманут или хотел быть обманутым, это будет в состоянии установить только его биограф, хорошо знакомый с борьбой темперамента и фантазии, происходящей уже давным давно в этом потомке воинственного английского рода Черчилей.

Все эти мотивы ослабили антиинтервенционистское крыло английского правительства. Решила же дело последняя фаза англо-французских отношений. Английское правительство сопротивлялось авантюристской политике Франции по отношению к Германии. Это сопротивление привело в конце марта и начале апреля к такому обострению отношений между обоими союзниками, что отпор Франции в другом пункте угрожал бы прямо англо-французскому союзу. Французские империалисты, которые не могут спать из за тревоги перед возрождением Германии, смотрят на армию белой Польши, как на последнее свое спасение. Этим они отданы вполне в руки бельведерских фантазистов. Если Пилсудский уверяет, что большевики приготовляют наступление, то французские военные круги, без всякого контроля положения, конечно, за помощь Пилсудскому. В таком положении английское противодействие белой Польше означало бы в глазах французских империалистов выдачу на разгром их последнего союзника в войне с Германией. Это склонило английских империалистов на поддержку Польши. Но, кроме того, они и сами хотели позволить Польше испробовать свою силу над Красной армией. Если бы польская армия победила Красную армию, то они начали бы снова свою интервенционистскую политику, выдвинули бы русские белогвардейские элементы и стали бы судьями между русской и польской контр-революцией. Обрезывая требования поляков, поддерживая против них русскую контр-революцию, они обеспечили бы себе, таким образом, господство в России, как ее защитники против белой Польши. Если же Польша будет разгромлена, то всегда еще будет время спасти ее существование нажимом на Советскую Россию, обещанием выгодных экономических сношений с Советским правительством.

До момента же решений на поле брани, они, не срывая экономических переговоров с Советской Россией, пытаются терроризовать нас травлей против Литвинова, переговорами с Финляндией, посылкой английских военных кораблей по направлению к Зунду, чтобы показать нам, что интервенция может начаться во всякий момент. Нота Керзона, предупреждающая нас, что английский флот не останется пассивным свидетелем, если наш флот захочет напасть на одну из окраин, означает ни что другое, как подготовку общественного мнения Англии к новому появлению английского флота в Финском заливе.

Таково положение. Мы нарочно представили всю игру интересов, не поддаваясь соблазну принимать в рассчет только политические результаты. С точки зрения России, Англия поддерживает Польшу против нас, и этого достаточно для русских рабочих. Мы представили всю сложную игру закулисных интересов и мотивов, дабы доказать нашим английским товарищам, что, считаясь с этим простым результатом мы знаем разные источники его, которые знать важно для английских товарищей. Как бы сложна ни была игра английского правительства, эффект один: английский империализм помогает зажечь новый пожар на Востоке, помогает начать новое разорение областей, которые до этого времени кормили не только Россию, но и значительную часть мира. Английские рабочие должны знать, что их правительство, когда оно говорит об экономическом воссоздании Европы, обманывает английских рабочих. Оно не только не в состоянии помочь восстановлению мира и труда в Европе, но оно активно поддерживает ее разорение, а этим и разорение Англии и нищету английских рабочих масс.

(„Правда“ №№ 109, 110—23 мая).

Польское наступление и интеллигенция[1]).

Н. Гредескул.

Польское наступление резко нарушило и наше внутреннее положение, и наши внешние отношения.

Внутри мы только что закончили гражданскую войну. Она закончилась полной победой Советской власти. Такой конец ее знаменует собою решение нашего внутреннего спора. После того, как на нынешнюю власть ополчились и адмирал Колчак, и генерал Деникин, противопоставлявшие себя ей не как случайные повстанцы, а как формальные правительства всероссийского масштаба, победа Советской власти исчерпывает собою вопрос непререкаемым образом. Значит, таковое реальное соотношение общественных сил,— значит, такова воля народа.

Решение внутреннего спора давало нам возможность целиком перейти от борьбы и разрушения к созиданию и

[1]) Печатается, как голос из среды интеллигенции. (Редакция «Известий» № 120—5 июня).

творчеству. Это творчество должно быть социалистическое. На развалинах прежней жизни и культуры должна начать строиться новая жизнь и культура. Мы можем и должны итти в эту сторону, потому что теперь это наше право, оплаченное тяжкою историческою ценою. Вся цена заплачена, все препятствия устранены,—можно приступить к реализации великого социального переворота, во имя его надо дать организацию и силу освобожденному труду, надо совершить дело, имеющее величайшее значение не только для одной России, но для целого мира.

И вот в эту минуту перед нами является чуждая нам внешняя сила, которая вновь вовлекает нас в войну, которая не дает нам строить наше социалистическое государство, которая заставляет нас снова напрягать все свои силы в военной деятельности.

Во имя чего это делается?

Во имя того, чтобы уничтожить „большевизм"; во имя того, чтобы не дать осуществиться социалистическому перевороту в России; во имя того, чтобы помешать русскому народу жить и устраиваться так, как он хочет.

Но мало этого,—есть тут и другая цель. И эта другая цель есть просто грабеж и расхищение.

Советская власть, желая иметь возможность вплотную предаться своим внутренним задачам, идет на все уступки. Она готова заключить мир, жертвуя своим и не требуя чужого. Мир с Эстонией в этом отношении достаточно показателен.

Но Польше этого мало. Ее вообще ни чем не удовлетворишь. Она просто жаждет грабежа,—грабежа территориального, грабежа этнографического, грабежа экономического. И нет тут предела ее аппетитам.

Глубоко прав генерал Брусилов в своем воззвании к русскому офицерству, когда он говорит, что польское нападение грозит нам не только „расхищением" России, но и полной „гибелью".

В случае победы Польши Россия, очевидно, будет разгромлена, и разгромлена под видом большевистской, т. е. без всякой пощады. Ее разорвут на части, установят над этими разорванными частями иностранное владычество, водворят в них иностранную эксплоатацию, вывезут от нас все, что можно, захватят в свои руки все наши естественные богатства. Словом, поставят нас, согласно прежним образцам, в положение страны низшей, варварской, а еще лучше того—сумасшедшей,—страны на которую впору надеть горячечную рубашку.

И будут нас уничтожать, и будут над нами издеваться и физически, и морально. Знайте, мол варвары, как восставать против „культуры" и „свободы".

Но польское наступление, как мы сказали выше, резко нарушило и наши внешние отношения,—отношения с государствами Антанты, или, по крайней мере, с их правительствами.

Пока длилась наша гражданская война, они могли носить маску друзей России, а в то же время помогать Колчаку и Деникину. Они могли говорить, что они предпочитают „то" правительство и ждут именно от него восстановления России и ее блага. Но что они могут сказать теперь? Что они „помогают" России? Что они руками Польши хотят „восстановить" Россию?

Нет, они теперь этого и не говорят. Они говорят, что они „спасают" Польшу от наступления большевистской России. Лицемерие осталось, но прежняя маска сброшена и заменена новой.

Что же делать теперь нам, нам всем, находящимся внутри России, кто бы мы не были?

Нам надо делать то, к чему призывают русское офицерство генерал Брусилов и его товарищи: „Итти добровольно и с полным самоотвержением, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России нас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть".

Русское офицерство будет все это делать в армии, на фронте, а мы, русское мирное офицерство, все русские образованные люди, русская интеллигенция, должны делать это в тылу, на мирном фронте, на фронте труда. Без крепкого тыла, без дружного, энергичного и производительного труда солдаты и офицеры не могут с успехом выполнить своего долга; они будут тогда напрасно умирать для спасения России.

Итак, долг один. Нужно полное единство нужно согласное действие против того похода, который предпринял против нас европейский капитализм. Это полное единство и это согласное действие внутри страны больше всего зависят от интеллигенции. Интеллигенция должна это понять и должна взять на себя или всю заслугу, или всю ответственность за свой образ действий.

Русское офицерство нашло свое место в нынешней Советской России, оно определило свою государственную волю. То же самое должна сделать и интеллигенция.

(„Изв." № 120—5 июня).

Желто-блакитные белогвардейцы.

Х. Раковский

Говоря об украинских белогвардейцах мы не понимаем под этим словом в данном случае деникинцев, кадетов и их братьев. Они являются белогвардейцами всей Советской федерации. Они принадлежат, конечно, и Украине, поскольку она составляла часть бывшей Российской империи и поскольку и теперь российские белогвардейцы-националисты не отказываются в своих намерениях от „Единой неделимой“. Кроме них Украина имеет еще и своих ответственных белогвардейцев, которых многие почему-то выделяли в особую категорию и старались отыскать между ними и белогвардейцами всероссийскими какую-то особенную разницу. Такой чести они не заслуживают.

Между петлюровцами и деникинцами нет абсолютно никакой разницы. Обе эти белогвардейские партии, украинская и всероссийская, одинаково являются шовинистическими, реакционными, одинаково являются от'явленными врагами рабочих и крестьян. Всероссийские белогвардейцы шли под трехцветным знаменем,—украинские белогвардейцы шли под тем-же националистическим, но уже двухцветным—желто-блакитным знаменем. Российские националисты преследовали украинский язык, запрещали украинские книги, закрывали украинские университеты, разбили бюст Шевченко. Желто-блакитные белогвардейцы делали тоже самое. Лучше всего здесь дать слово Винниченко, который в „Новой Добе“ от 27 марта пишет: „Петлюра с Коновальцем чуть-ли не сами собственными руками перекрашивали вывески, жгли русские газеты на улицах, танцевали танец убогих дикарей над чужими национальностями“.

Как трехцветные, так и двухцветные белогвардейцы одинаково вели политику, рассчитанную на раскол пролетариата, на вызывание искусственной национальной розни в рядах трудящегося народа.

И всероссийские, и украинские белогвардейцы одинаково взывали к кулаку, опираясь на его жадность к наживе, на его стремление к свободной торговле, на его ненависть к деревенской бедноте, на его враждебность к городскому пролетариату. Они одинаково старались и стараются поднимать деревню, поднимать села под ложным предлогом, что якобы большевики ограбляют крестьян, забирают их хлеб, их скот. Причины кулацких выступлений на Украине и в России —одни и те-же. Правда, здесь даже партии, называющие себя коммунистическими, как, например, бывшие незалежники имеют наивность утверждать, что в кулацких выступлениях на Украине национальный момент играет громадную роль. На самом деле он является только прикрытием. И в России, где национальный момент отсутствовал, где нельзя было даже внешним образом придраться к власти большевиков, как к власти не русской,—и там мы имели и кулацкие восстания, и дезертирство, и „Зеленые армии“. И, если это все было ликвидировано, то не потому, что коммунистическая власть стала русской, ибо в России она никогда и не переставала быть таковой, а потому, что пролетариат и беднота стали достаточно организованными и скрутили кулака.

И русские, и украинские белогвардейцы в борьбе с рабочими и крестьянами одинаково искали поддержки иностранцев. Чтобы заручиться поддержкой японцев и американцев, Колчак уступал им территории в Сибири, отдавал им лесные и рыбные промыслы, золотые россыпи и каменноугольные рудники. Аналогичные соглашения подписывал и Деникин. Желто-блакитные „патриоты“ так-же продают свое отечество, как и русские белогвардейцы, с той только разницей, что, так как Россия Деникина всетаки была государством сильным, имела свою армию и всетаки оставалась бы самым большим государством Европы,—международные империалисты с Деникиным считались более, чем они считаются с Петлюрой.

Они даже делали вид, что согласны на сохранение „Единой и неделимой“ России, и только в последние дни Деникина, в дни его поражения стали ему пред'являть большие территориальные требования, но главным образом они ограничивались экономическими концессиями.

Жалкий Петлюра, у которого нет ни территории, ни армии, который был дважды выгнан метлой украинскими рабочими и крестьянами, должен был, чтобы заручиться поддержкой поляков отдавать им все. Он отдал им Галицию, а по договору 2-го января согласился на отдачу им Волыни и Подолии.

Таким образом, между украинскими и российскими белогвардейцами никакой разницы нет. Пролетариат и сознательное селянство будут одинаково истреблять как остатки деникинской контр-революции, так и петлюровских агентов, которые под флагом „независимой Украины“ идут вместе с польскими панами, чтобы восстановить снова на Украине власть помещиков и капиталистов. Если Деникину это не удалось,—тем меньше удастся это его желто-блакитному адъютанту Симону Петлюре.

(„Изв.“—№ 109—1 мая).

Ты победил их, Галилеянин!

Д. Мануильский.

Когда около месяца тому назад, наша советская печать указывала, что первым последствием польского наступления будет монополизация Советской власти внутри страны, банкротство всякой оппозиции, об'единение вокруг Советского правительства как раз тех слоев, которые по своему социальному положению чужды ему, осатанелые польские магнаты этому не верили. Современный польский Заглоба, унаследовавший от своего исторического предка склонность к хвастливым преувеличениям, был уверен, что российские публицисты запугивают его... Он не понимал той простой истины, что, если бы мы были буржуазными политиками, мы бы искали войны с Польшей, чтобы, во-первых, поднять наш международный политический кредит, во-вторых, чтобы нанести не оружием, а идейно роковой удар нашим внутренним врагам.

Польские буржуазные политики думали, что своим выступлением они гальванизируют задыхающуюся на Крымском полуострове контр-революцию. Польское вмешательство идейно

добило ее. И первые результаты этого морального разложения на-лицо.

Два бывших военных министра, один времен государственной думы, другой времен Керенского, один из талантливейших царских генералов, имя которого гремело по всей Европе, как руководителя знаменитой галицийской операции, целая плеяда генералов, имена которых, как специалистов военного дела, известны далеко за пределами узкого профессионального цеха, предложили свою шпагу рабоче-крестьянской власти для борьбы с Польшей, заключили „гражданский мир“ с той властью, которая лишила их чинов, орденов, свела с высот марсового олимпа в серые шеренги беспогонных рядовых воинов. Люди, революция которых лишила их классовых привилегий, уравняла с бесцветной массой, которой они привыкли командовать, люди, которые до сих пор тихой сапой „итальянской забастовки“, несмотря на все скорпионы Чека, саботировали Советскую власть, тянутся к ней, потому что она ныне единственная власть, которая защищает независимость России.

Они раньше любили Россию, в которой они были первым сословием, как любят барский дом, в котором легко и привольно жить. Они были патриотами России вотчины, потому что Россия вотчина связывалась с представлением о [illegible] и барских усадьбах, в сени которых они почивали от государственных забот. Они любили Россию — полную чашу. Россию салон-вагон, через окно которого можно смотреть лишь издали на заколоченные дымные хаты, на изможденные в непосильной работе лица мужиков и баб, салон-вагон, куда не доносились бедовые стоны вымиравшей, как и ныне, от сыпняка деревни. Россия была в их глазах рядом [illegible] в почтительном [illegible] спин лакеев, каких по иронии судьбы они тоже звали „человеками“. Россия была — лихачи, лучшие шины, [illegible] тройки, [illegible] рестораны и русский „народ“ в виде алчной толпы дворников, швейцаров, [illegible] на чай, etc. Россию они любили как мать, они готовы были защищать и умереть за нее и за ее порядок. Они создали целый культ обожания этой России. И когда время от времени они объявляли войну туркам, японцам или немцам, они требовали от народа, чтобы он также любил эту Россию, бывшую для него злой мачехой. Сидя в окопах во время четырехлетней войны с немцами, они, — русские дворяне в погонах, вдруг с ужасом увидели, что у русского народа, изъеденного вшами, нет любви к своей отчизне, что он „антипатриот“, но что его антипатриотизм, в отличие от продуманного теоретически [illegible] европейского рабочего, какого-то особенного чисто русского свойства, антипатриотизм стихийный, нутряной. Но они не поняли, что этот антипатриотизм его приведет к бунту против их России, России — верхних десяти тысяч.

И вдруг эта Россия полетела тормашками. И вместо нее пришла другая с лихорадочно горящими от голода глазами, с теплушками вместо салон-вагонов, с нетопленными квартирами, с общественными столовыми, где бывшие генералы должны были становиться в очередь с изголодавшейся по пище толпой советских граждан. Могли ли они верить в эту обнищавшую Россию, в которой тиф косил их также, как и раньше любого ломового, в которой с лопатами в руках они должны были разгребать снег на улицах, носить сами сапоги, цепляться и карабкаться на площадку трамваев. Мы — народ, были для них сначала „грядущим“, потом пришедшим „хамом“. Мы, коммунисты, всемирным трудом мечтавшие составить счастье трудящихся, для них были „комиссарами“, жаждавшими установления привилегий для новой касты, конкурентами, вырвавшими несправедливой демагогией у них их права. И это убеждение, превратившееся в неиссякаемую ненависть, было так велико, что одни из них, — худшие, бежали на Дон и Кубань, продавались в одиночку и массами и немцам, и гетману, и союзникам, и Румынии, другие, — лучшие, горделиво сносили несчастье и, сжав зубы до крови, проклинали нас, погубивших родную страну.

Нужно было три года беспримерной в истории борьбы „за честь, достоинство и независимость России“, нужно было, чтобы тысячи рабочих коммунистов [illegible] запечатлели любовь к своему социалистическому отечеству, нужно было, чтобы „комиссары“, взяв лопаты и кирки, пошли на всероссийский субботник вместе с массой, нужно было, чтобы многие из них и умерли в теплушках от сыпняка, харкали кровью от хронического недоедания в [illegible], чтобы русские генералы, наконец, поверили, что мы, коммунисты, не немецкие шпионы, что русский народ не куплен немецкими марками, что [illegible] рабоче-крестьянская [illegible] так же дорога, как им была дорога их царская Россия, и что за нашу Россию мы готовы умереть так же, как они готовы были умереть за свою Россию.

И когда польские дворяне, уцелевшие пока в своих хоромах и дворцах, пошли войной на украинского „хлопа“ и российское „быдло“, бывшие русские [illegible] как будто поняли, что Россия это не только [illegible], но и миллионы рабочих и крестьян, которые хотят быть хозяевами в своей стране, которые не позволят больше продавать себя польским панам. И тогда они явились к этой мужицкой и рабочей России и предложили себя к ее услугам. История знала до сих пор, что пролетариат и угнетенные классы отдавали себя своим владыкам. В начале европейской войны рабочий класс добровольно надел смирительную рубашку и во имя национального единения умирал на полях битв.

И это наша первая победа на польском фронте — сделал ты, пролетарий, своей моральной силой!

Ты победил их, Галилеянин!

(„Изв.“ № 106)

Від трудового конгресу до установчих зборів.

Панас Любченко.

Ще не так давно, коли переводилось „батьком“ Петлюрою врятування неньки України від українських робітників і селян, трудовий конгрес являвся законодавчим органом Української „Народньої“ Республики.

Буржуазія, стоючи перед своєю могилою, використовувала всі можливости для врятування своїх маєтків.

Вона прекрасно уявляла собі, що досить справитись з революційними масами, досить буде обеззброїти робітників і селян, як трудовий конгрес можна буде замінити диктатурою поміщика і капіталиста.

Трудовий конгрес потрібен був Петлюрам і Андрієвським лише для того, аби обдурити, скористуватись деякою частиною селянських мас проти них же самих.

Але вже справжнім своїм язиком забалакав Петлюра в сучасний свій наступ разом з шляхецькою Польщею.

„По звільненню країни скличемо ми Установчі Збори“ — так звертається давно відомий нам [illegible] в своїй відозві до українського народу.

Опираючись на багнети польськой шляхти зоб'язаний повернути й маєтки і заводи. Петлюра надалі не рахує по

ПО КРОВАВЫМ СЛЕДАМ ОТСТУПАЮЩЕЙ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ

(Жертвы погромов в г. Житомире)







трібним маскуватись під трудовий конгрес. Рушниц і патронів хватає в західньої буржуазії для розстрілу працюючих України. Польська шляхта вимагає безпосередних дій.

Заступник Української самостійної держави до її послуг.

Хай переконається ж той, хто ще не переконався, хай повірить той, хто ще не вірив, що буржуазія вміє низкопити; вміє підроблятись, аби тільки взяти бунтуючого робітника і селянина.

Дрібні отамани й отаманчики, що діють по вказівкам Петлюри, а значить в інтересах і по директивам польських панів, ще й досі не насмілюються заявити селянству, що вони піднимають оного-проти радянської влади й за Установчі збори

Зрадники і лакеї залишаються ними до кінця.

Час зрозуміти; час видкрити і оцінити, до яких наслідків приведут працюючи, зірвавши радянську владу.

Робітник і селянин України! Перед тобою вибір: або за установчи збори, тоді йди з Петлюрами, Тютюнниками, польськими панами і другими отаманами, або за радянську владу, тоді з Червоною армією під проводом коммуністичної партії.

Або за перехід землі й фабрик до рук робітників і селян, або за повернення їх поміщикам і фабрикантам.

Або по чесно вмерти в лавах Червоної армії за соціялістичну батьківщину, або бути розстріляну офіцірською нето петлюровсько-польскою зграєю в застінках вязниці.

(„Изв." № 122—16 мая).

Внутреннее положение Польши.

Мих. Павлович.

Положение польской промышленности.

Польскую шляхту пугает не только революционное настроение обширных слоев ее населения, но и экономическое положение страны, надвигающаяся хозяйственная и финансовая катастрофа, неизбежное банкротство польской государственности.

Польско-буржуазно-шляхетская государственность переживает кризис, который должен закончиться ее смертью. С одной стороны государственный организм Польши прогнил до мозга костей, с другой стороны правительство буржуазного паразитизма не в состоянии разрешить ни одного вопроса, которые выдвигает жизнь. Польское правительство бесплодно топчется на месте, не в состоянии провести в жизнь ни одной реформы и занимается исключительно борьбой с коммунизмом. В этом, очевидно, весь смысл, весь raison d'etre существования польского правительства.

Польская промышленность лежит в развалинах.

Из крупных производств работают только каменноугольные копи, а также некоторые металлообрабатывающие заводы, обслуживающие военные нужды. Однако, металлургическая и каменноугольная промышленность переживают тяжелый кризис. Однако, без помощи со стороны Франции, посылающей полякам поезда за поездами с военным снаряжением, без помощи со стороны Америки, отправляющей в Польшу излишки своих военных материалов, даже польская военная промышленность не могла бы вооружить ни одной армии для борьбы с нашими красными войсками, получающими снаряжение исключительно от русских заводов в Туле, Петрограде и на Урале.

Польша переживает тяжелый угольный кризис.

Из-за отсутствия топлива закрываются заводы стекольной и писчебумажной промышленности. Замер почти совершенно польский Манчестер—Лодзь с ее многочисленными текстильными фабриками, на которых в настоящее время работает всего несколько тысяч ткачей. До 80% всех предприятий, работавших в Польше до войны, подверглись закрытию из-за недостатка угля. Недостаток угля принял зимой этого года катастрофический характер. Согласно информации министерства торговли и промышленности при самой благоприятной обстановке можно было рассчитывать едва на 1/3 нужного количества для фабрик угля на ноябрь. Что же касается топливных нужд населения, то они могли быть удовлетворены только в размере 10%. Для железных дорог с трудом хватает угля. В результате угольного голода умирает вся промышленная жизнь страны, вся текстильная индустрия. Наряду с угольным голодом на обострение промышленности и разруху в Польше действует отсутствие сырья: нет хлопка, кожи и проч. В этом же направлении действует и транспортный кризис. Паровозы и вагоны износились до нельзя. Своевременный ремонт их невозможен или крайне затруднителен из-за отсутствия запасных частей.

Что же делают польские фабриканты для спасения погибающей промышленности? Делают ли они какие либо попытки восстановить хозяйственную жизнь страны, победить разруху приложением своей энергии, опыта и знаний? Нет, польские фабриканты не уверены, очевидно, в завтрашнем дне? Подобно нашим капиталистам во время недолговечного царствования Деникина и Колчака в Сибири, на Украине и на Дону, польские капиталисты не обращают никакого внимания на горячие призывы правительства отбросить в сторону боязливость, пассивность и отнюдь не проявляют инициативы в воссоздании отечественной промышленности. Подобно нашим „бывшим людям", фабрикантам, заводчикам, всякого рода предпринимателям, польские промышленники, у коих, однако, пока еще никто не отнимает фабрик, занимаются спекуляцией. Как рассказывает С. Борский в статье, опубликованной в Московских „Известиях", польские капиталисты бросили все свои капиталы в спекулятивную игру. Спекулируют валютой, золотом, драгоценностями. Спекулируют продовольствием, запрятанными запасами товаров, вывозом их за границу и проч. Многие мелкие и средние польские капиталисты пользуются громадной разницей цен в присоединенной Познании и в остальных областях Польши и спекулируют на этом. Пассажиры, едущие из ц. польского в княжество познанское не имеют права вывозить оттуда ни одного фунта хлеба, ни одного пуда картофеля, ни одной пары белья, обуви или платья. Между тем, как в Познании хлеб лучшего качества стоит меньше одной марки, в Варшаве он стоит в десять раз дороже. Итак со всеми продуктами. Понятно, что на этой почве пышным цветом расцветает мешочничество.

Хозяйственная разруха обостряет финансовую анархию: это наследие империалистической войны. Государственные расходы Польши в десять раз превышают ее доходы. Польская валюта стремительно падает. Сейчас польские деньги обесцениваются с поразительной быстротой. Американский доллар ценится сейчас около 160 польских марок, т. е. в пять раз дороже, чем в прошлом году, фунт стерлингов около 660 марок вместо 140 марок в прошлом году и т. д.

В результате усиленного голода, тревожного кризиса спекуляций, наконец, затяжки войны на Советском фронте —войны, которая обходится польскому народу ежемесячно в два миллиарда марок, в то время как весь мирный бюджет за прошлый год достиг суммы около 4[illegible] миллиардов марок,—на внутреннем рынке Польши обостряется товарный голод и одновременно растет безработица, которая принимает в стране колоссальные размеры. Для разрешения вопроса о безработице правительство польское решило принудительно выселить во Францию 100.000 рабочих, якобы для содействия дружественной и союзной державе в работах по восстановлению разоренных французских областей, а на самом деле для того, чтобы избавиться от более чем полумиллиона безработного мятежного элемента. Если польская шляхта не знает, что ей делать с находящимися уже в стране фабричными и сельскими рабочими, которых она гонит как скот в чужие страны и отдает их сотнями тысяч в кабалу иноземному капиталу, тем более не знает польское правительство, что ему делать с непрерывно возвращающимися из обнищалой Германии польскими рабочими.

Капиталистическая Польша, отрезанная от гигантской России, представлявшей когда-то неисчерпаемо обширный и выгодный рынок для польской промышленности, разоренная мировой войной и [illegible] мирового [illegible] эта Польша гибнет с быстротой, падающей с горной вершины лавины, катится в пропасть окончательного банкротства и развала.

Польская промышленность выросла, развилась и превратилась в мощный фактор исключительно на почве гигантского русского рынка. Польская промышленность так успешно конкурировала с нашими промышленными районами Московского и Петроградского фабричных округов, что многие наши отечественные капиталисты в эпоху царизма боролись против идеи независимости Польши лишь по соображениям стратегического характера, считая Польшу удобным плацдармом для наступления наших войск на Австрию и Германию. Однако, наши капиталисты постоянно вопили о польской конкуренции и безуспешно боролись с последней. Сооружение [illegible] Сибирского пути, завоевание Северной Персии, присоединение Манчжурии, наше проникновение в Среднюю Азию с замечательным успехом было использовано польской промышленностью, не говоря уже о тех выгодах, которые извлекала капиталистическая Польша от эксплоатации гигантского рынка всей [illegible] континентальной России. Принимая во внимание высокое развитие польской промышленности, необходимо признать, что, если в эпоху царизма Польша в политическом отношении была подчинена России, в экономическом [illegible] представляла русскую колонию.

Революционное движение

Уже со времени Наполеона III-го одним из наиболее могущественных средств в руках буржуазии для подавления оппозиции в собственной стране стала считаться победоносная внешняя война. [illegible] политика царизма в течение последних десятилетий [illegible] в основе одним из главных стимулов стремление наших господствующих классов отвлечь войной, славою побед на внешнем фронте, внимание народных масс от внутренних неурядиц. Русско-турецкая война 1877 г. явилась ответом на рост революционного движения среди нашей интеллигенции в период 80 годов; русско-японская война 1904 г. должна была, по мнению Плеве, явиться могучим средством для обуздания революционного движения, с поразительной быстротой распространявшегося в широких слоях русского пролетариата, начиная с конца прошлого столетия. Наконец, великая мировая война 1914—1918 г.г. должна была, по мнению многих виновников, остановить, в случае казавшейся несомненной победы именно этой страны, рост социализма в последней.

Несомненно, что начиная войну с Советской Россией и Советской Украиной, польская шляхта и польская буржуазия ставят последнюю ставку, играют „ва-банк“ и об'являют на весь мир „пан или пропал“, шляхетская Польша стоит накануне полной экономической и финансовой катастрофы, накануне грандиозного революционного взрыва, который, по мнению польских шовинистов, может быть предотвращен или, во всяком случае, отсрочен на неопределенный промежуток времени лишь при том условии, если России и Украине будет навязан польский мир, перед которым побледнеют мир Брестский и Версальский.

Прежде всего, нужно отметить, что польское правительство не пользуется поддержкой сознательных элементов польского пролетариата, в течение десятилетия ведшего в общих рядах с российским пролетариатом борьбу за освобождение рабочего класса от гнета буржуазии. Ни в одной стране майские демонстрации не принимали такого боевого революционного характера, какой они носили в течение многих лет подряд в Лодзи и других фабричных городах Польши. В настоящее время целый ряд важнейших польских городов—Варшава, Ченстохов, Краков, Лодзь представляют очаги подпольной коммунистической агитации. В польской коммунистической партии насчитывается 40,000 членов, ряды коммунистической партии вырастают. Коммунистическая агитация пользуется всевозрастающим влиянием на массы. Все профессиональные союзы настроены революционно. Революционеры ведут деятельную борьбу против польских панов и капиталистов и стремятся к установлению Советской власти в своей стране. Правительство отвечает на эти стремления самыми свирепыми репрессиями. Забастовочное движение в стране растет. Панская Польша превратилась в одну сплошную тюрьму. Как сообщает венская газета польских коммунистов „Свет“ в знаменитой варшавской цитадели сидит двести пятьдесят человек коммунистов. Переполнены тюрьмы Вильны, Минска, Гродно, Белостока и Бреста. И в этих тюрьмах сидят не только коммунисты из интеллигентов, не только городские рабочие, участники стачек, но и многочисленные сельско-хозяйственные рабочие, батраки, устроившие в конце минувшего года знаменитую забастовку, обнаружившую огромную мощь коммунистического движения в Польше. Эта забастовка поставила на ноги всю польскую контр-революцию, как писал в свое время т. Феликс Кон по поводу этой забастовки. Ставленник контр-революции, министр Войцеховский, почище Столыпина, расправлялся с забастовщиками, не останавливаясь ни перед сечением забастовщиков, избиением их шомполами и прикладами, ни перед угрозой расстрела, ни перед массовыми, ни на чем не основанными, арестами.

Все эти репрессии по отношению к взбунтовавшимся польским „холопам“ доставили глубокое удовлетворение польским панам и вызвали одобрение со стороны помещиков и капиталистов, которые однако, нашли, что правительство вообще не достаточно строго держит холопскую массу в своих руках. После того, как сейм (буржуазная польская государственная дума), куда упомянутый депутат Педаловский внес срочный запрос о зверской расправе с батраками польские паны в ответ на срочность запроса экстренно созвали свой собственный помещичий с'езд, на котором приняли целый ряд резолюций против слабости правительства и уступчивости сейма и дали понять, что они будут подчиняться постановлениям сейма и правительства только в том случае, если эти учреждения будут беспрекословно исполнять волю помещиков.

Аграрное движение в Польше приняло столь острый характер, что все партии сейма об'единились для борьбы с батраками.

Людовцы (за исключением немногочисленной группы тугутовцев, насчитывающей 11 депутатов), заключили договор с энлеками (социал-демократами), и пришли втихомолку к соглашению, на основании которого проведение в жизнь указа сейма от 10 июля о принудительном частичном отчуждении земли приостановлено. Благодаря фактической отмене этого указа от 10-го июля открывается широкая возможность купли участков кулаками у крупных землевладельцев. Польские паны в ответ на „батрацкие претензии" попросту распродают земли кулакам, а беспокойных батраков выбрасывают на улицу. В настоящее время отказано от службы ⅓ батраков. Благодаря этому, классовые противоречия в польской деревне обостряются, основы революционного движения в деревне становятся все глубже и глубже.

Польские тюрьмы переполнены революционными батраками. После октябрьской огромной забастовки, было арестовано несколько тысяч революционных батраков. Насколько сильно движение среди батраков, видно хотя бы из того, что в профессиональный союз батраков входит около 120,000 (сто двадцати тысяч членов).

Само собой разумеется, что жестокая расправа польских панов и капиталистов не может задушить рабоче-крестьянское движение в Польше. Только недавно польская газета сообщала о забастовке в Домбровском угольном бассейне, вспыхнувшей в конце марта, в виде протеста против милитаризации варшавской электрической станции. Углекопы требовали, чтобы их единственным представителем являлся профессиональный союз. Из сочувствия к домбровским рабочим, забастовали также углекопы Шамовского бассейна, не имея силы сломить энергию забастовщиков иным путем, польские капиталисты прибегли к помощи штрейкбрехеров и выписали партию вестфальских рабочих, которые должны были заменить бастующих.

Недавняя забастовка горнорабочих в Заглембе (Домбровский округ) была подавлена в результате арестов сотен и тысяч рабочих и жесточайших репрессий. В значительной части функционирующих заводов командуют еще представители партии п. п. с., но руководство ускользает из их рук. Среди масс растет недоверие и даже ненависть к членам п. п. с. фракции. Наоборот, влияние коммунистической партии на массы растет.

Влияние партии в профессиональном рабочем движении значительно. Наибольшим влиянием коммунистическая партия пользуется в союзе строительных рабочих, который имеет 40 отделений и 15,000 членов.

Среди горных рабочих партия имеет 80% членов.

Среди прядильных рабочих 40%.

Среди кожевников и мельничных рабочих большинство за коммунизм (70%).

Уже один страх перед революционным настроением миллионов польских рабочих и сельских батраков заставляет польскую шляхту с ненавистью смотреть на упрочение Советской власти на Украине и России. Для расправы с польскими большевиками польские паны и капиталисты считают необходимым покончить с большевиками вне Польши. Но дело не только в этом.

Если у польских панов и капиталистов так обострены отношения с своими собственными рабочими и батраками, тем более натянутый характер носят отношения между польскими захватчиками и местным населением, как на западе Польши, в Силезии и Западной Пруссии, так и на востоке в Литве и Белоруссии.

В Литве раздражение населения против польских завоевателей переходит в открытое возмущение, сопровождаемое столкновениями. Польско-литовские бои стали повседневным явлением. Не лучше отношение между шляхетской Польшей и Белоруссией.

Польские власти систематически преследуют белорусские школы. Высший педагогический институт в Минске распущен. Все гимназии, кроме одной, в Минске закрыты. Народные школы оставлены без всяких средств, и существуют только на добровольные взносы самих родителей учащихся.

В Белоруссии, Литве, Подолии, Волыни, в Буковине, Галиции брожение против шляхетской Польши с каждым днем растет. Положение польской шляхты в Познани не вполне устойчивое. Об этом свидетельствует тот факт, что польское правительство отправило недавно в Познань крупные отряды тяжелой и легкой артиллерии в сопровождении французской прислуги при орудиях. Польское командование об'явило мобилизацию дальнейших призывных возрастов в Познани для отправки их на войну с Россией и боится, очевидно, восстаний среди населения Познани. Отношения между шляхетской Польшей и населением Познани и Верхней Силезии обостренные и могут при первой искре принять характер вооруженной борьбы.

Равным образом не наладились до сих пор отношения между поляками и чехами в австрийской Силезии. Повидимому, неизбежное восстание в Белоруссии, как и в других частях великодержавной Польши, так беспокоит польских панов, что они считают необходимым хотя бы ставя все на карту, если не окончательно уничтожить большевизм в России и на Украине, то по крайней мере отбросить границы советских республик подальше, как от только что присоединенных белорусских и литовских территорий, так и от коренных областей ясновельможной Польши. Временным успехом на поле сражений, в войне с Советскими республиками шляхетское правительство стремится не только задушить революционное движение в самой коренной Польше, но и отдалить момент катастрофы польского империализма, как в Белоруссии, так и в Литве, не говоря уже о Познании и Силезии.

(„Изв." № 120—123—14, 18 мая).

Экзамен украинской интеллигенции

Г. Зиновьев

Панам Иосифу Пилсудскому и Симону Петлюре мы поистине могли бы присудить орден за те их заслуги, которые они, несомненно, имеют перед Украинской Советской республикой. Всего пара недель, как начался поход панов против Советской России и Украины, и уже сейчас смело можно сказать, что перелом наступил. Кто был на 4-м Всеукраинском С'езде Советов во время чтения манифеста украинскому народу, кто слышал речи многочисленных делегатов крестьян на этом с'езде, кто бывал последнее время на рабочих и крестьянских собраниях в Харькове и в Харьковской губ., кто видал наказы и резолюции, приходящие с разных концов Украины, тот не усумнится в том, что перелом наступил.

Да иначе оно и быть не могло. Украинский крестьянин ни в какой мере не может примириться с тем, что украинскую землю хотят разделить между польскими и украинскими панами. Украинский земледелец ни в какой мере не может придти в восторг от того, что уже урожай нынешнего года паны Пилсудский и Петлюра хотят поделить между собою.

Поход польских панов не только вновь заколит нашу Красную армию, но кроме того, поможет скорейшему и теснейшему сплочению украинского крестьянства вокруг Советской власти. Рядовой украинский крестьянин землероб видит теперь, что его землю, его власть, его урожай, его дом, его семью от ненавистных панов защищает только Советская власть. С каждым днем это будет становиться все яснее и яснее. Ничего глупее не могла придумать французская биржа, как пустить на Украину именно стаю польской шляхты. Нет более ненавистной фигуры для украинского крестьянина землероба, как фигура польского пана, которая еще не изгладилась из его памяти. Украинский крестьянин превосходно помнит, как польские паны заставляли крестьянина при встрече даже с управляющими их имений за две версты снимать шапку. Нет и не может быть более популярного лозунга на Украине, как лозунг против польских панов за Советскую власть!

Отчужденность между городом и деревней, на которой только и спекулировал Петлюра и его шайка, будет уничтожена именно благодаря походу польских панов против Советской власти. Красная армия и лучшие рабочие Украины, которые пойдут сейчас в деревню, перекинут живой мост между украинской деревней и городом. Советская власть на Украине станет гораздо более твердой стопой в деревне, чем до сих пор. Украинский крестьянин изживает свои последние иллюзии. Петлюровщина будет дискредитироваться в глазах крестьян с каждым днем.

О рабочих городов нечего и говорить. Для них, конечно, поход польских панов будет лишним доказательством того, что им надо сплотиться вокруг Советской власти. Для них новое предательство петлюровской шайки будет лишним аргументом в пользу пролетарской диктатуры.

Но вот, спрашивается, как откликнется на польский поход украинская интеллигенция?

Мы говорим об интеллигенции в широком смысле слова. Мы имеем в виду прежде всего сельского и городского учителя, врача, статистика, фельдшера, курсистку,—все те элементы, которые составляют основу многочисленных прослоек на Украине. Эта интеллигенция держит теперь экзамен на свою политическую зрелость.

Ни для кого не тайна, что петлюровская контр-революция пользовалась и пользуется по сие время достаточными симпатиями среди более привилегированных слоев служилой интеллигенции. Среди верхней администрации железнодорожников, среди учителей и т. д. нередко можно встретить людей, которые исходя из ложно понятых национальных интересов, готовы помогать всякому, кто борется против Советской власти. И вот мы спрашиваем: что же, неужели даже поход Петлюры в тесном союзе с польскими панами не откроет глаза этим слоям интеллигенции?

Мы говорим всей этой интеллигенции: граждане скиньте свои „национально-демократические" очки, прочитайте хорошенько раз и два и три раза условия соглашения между паном Петлюрой и паном Пилсудским, вникните в то, что по этому договору около трети украинских земель должны отойти к польским панам, поймите, что весь польский поход является для международной буржуазии только шахматным ходом в борьбе капиталистов против пролетариата, вспомните, кому только ни продавался ваш идол Петлюра!

Неужели из простого чувства отвращения украинская интеллигенция не отвернется теперь от Петлюры и от петлюровщины? Пусть назовут нам более омерзительную, более жалкую политическую фигуру, чем фигура пана Петлюры, продававшегося немцам, англичанам, французам, грекам, румынам и продающегося теперь польским панам. Ведь из простого чувства чистоплотности все, что есть честного в украинской интеллигенции, должно отвернуться от пана Петлюры.

Русская интеллигенция, как известно, в течение некоторого времени прямо саботировала Советскую власть, затем в течение года слишком оставалась в позиции более или менее нейтральной, а затем лишь начался поворот лучшей части интеллигенции в сторону Советской власти. Мы не скрываем того, что интеллигенции в России при Советской власти пришлось и приходится пережить не мало тяжелых дней. Тяжелые лишения и сейчас поджидают на каждом шагу интеллигенцию Советской России. Многие из этих лишений объясняются общей обстановкой, но значительная часть сверкомплектных лишений пала на долю интеллигенции Советской России именно потому, что она сразу не поняла значения октябрьского переворота, стала срывать рабоче-крестьянскую власть, стала во враждебное к ней положение и навлекла на себя справедливый гнев победившего пролетариата.

Пусть украинская интеллигенция не забудет этого урока, пусть воспользуется теперь случаем панского похода, чтобы замолить перед украинскими рабочими и крестьянами по крайней мере хоть часть тех грехов, которые взяла на свою душу украинская интеллигенция. Пусть украинский учитель, пусть каждый украинский интеллигент поможет всем, чем только мыслимо, в тяжкой кровавой борьбе украинских рабочих и крестьян против польских и украинских помещиков. Победа пролетариата все равно обеспечена. Буржуазия даже самых могучих и богатых стран подтачивается пролетарской революцией. Людям, причисляющим себя к интеллигенции, не грех понять ту простую истину, что в ближайшие годы обречены на гибель не только жалкие буржуазные котерии Польши и Украины, но и вся буржуазия крупнейших государств. Интеллигентным людям, которые умеют видеть дальше своего носа, совсем нетрудно было бы понять, что в ближайшее время погибнут не только Петлюры и Пилсудские, но и Ллойд-Джорджы, Клемансо, Рузвельты и другие сильные мира сего. Империалистская война подточила буржуазный строй. Буржуазная постройка рухнет окончательно в ближайшее время. Чем скорее поймет это интеллигенция, чем ближе станет она к рабочим и крестьянам, тем легче переживет она переходное время, тем благодарнее будут ей рабочие и крестьяне, тем дороже станет она для трудового народа.

Современное положение на Украине кристаллально ясно. На одной стороне банда отвратительных предателей, проделывающая „национальное" кувыркание и в то же время продающая свой собственный народ; на другой стороне рабочий класс и все более прозревающее крестьянство, которое строит свою рабоче-крестьянскую республику, развивает свой родной язык, строит украинскую школу, развивает свою родную культуру в дружбе и в тесном единении с трудящимися классами России. Выбор затруднителен только для того, кто сам является наемником, или кто безнадежно глуп.

От души пожелаем украинской интеллигенции выдержать нынешний экзамен. Пора, давно пора, украинскому учителю, врачу, вообще трудящемуся интеллигенту протянуть руку рабочему и крестьянину, организующему Советскую власть. Мы будем с интересом ждать отклика украинской интеллигенции на манифест 4-го Всеукраинского С'езда. От того, на чьей стороне сейчас будет украинская интеллигенция, будет зависеть отношение сознательных рабочих и крестьян к ней. Рабочие и крестьяне Украины никогда не простят ей не только прямого перехода на сторону польских панов, но и так называемого „нейтрального" отношения. Нельзя быть ни теплым, ни холодным в той борьбе, которая происходит сейчас между шайкой тушинских воров и Украинской Советской республикой. Нужно быть на стороне рабочих и крестьян. Тогда украинские рабочие и крестьяне скажут вам, учителям, вам, интеллигентам: честь и место в наших рядах! Идите к нам! Вот вам школы, вот вам средства, вот вам все то, чем мы располагаем. Сделайте из украинского языка язык освобождающегося народа, помогите Украине занять то место, которое должно по праву принадлежать ей в семье народов. („Изв." № 128—15 мая).

Что говорит история.

Эн-Эн.

Два года тому назад Украина переживала один из интереснейших моментов своей истории. Вооруженная борьба, начавшаяся на ее территории между Советской властью и Центральной Радой, кончилась победой Советской власти. Но вынужденная отступить из Киева Центральная Рада не помирилась так легко с потерей власти. Она решила позвать себе на помощь немецкие и австрийские войска.

Немецкие и австрийские империалисты охотно пошли на приглашение. Скоро германский имперский канцлер мог по телеграфу поздравить председателя украинского правительства Голубовича о благополучном взятии Киева. При этом канцлер выражал особенную радость по поводу дружеской услуги, которую Германии удалось сделать молодому украинскому государству и прибавлял, что по первому заявлению украинского правительства немецкие войска будут отозваны обратно.

Но уже с первого же дня оккупации Киева было ясно, что с немцами творится что-то неладное. Войска прибывали в гораздо большем количестве, чем было предусмотрено по договору. Несмотря на торжественные обещания не вмешиваться во внутренние дела Украины, данное правительством Германии, немецкие коменданты и начальники воинских частей держали себя настоящими царьками и третировали несчастных представителей украинской власти самым грубым и бесцеремонным образом. А в это время правительство Рады за авторитетной подписью Грушевского и других в сотнях тысяч экземпляров печатало воззвания, в которых украинские крестьяне призывались хлебом и солью встречать своих первых друзей и союзников немецких солдат.

Кровавый путь империалистических оккупантов от Киева до Ростова закончился. С каждым днем яснее и яснее становилось, какова была действительная цель их пришествия. В селах и деревнях началось самое беспощадное выколачивание хлеба и скота у крестьян, а на запад к знаменитым концентрационным лагерям в Бялу и Брест потянулись целые поезда арестованных.

И, наконец, командующий германскими войсками генерал Эйхгорн издал приказ о принудительном засеве полей с указанием на предстоящую ответственность виновных в нарушении приказа перед германским военно-полевым судом. Мимо такого наглого вмешательства в дела внутреннего управления не могло пройти даже украинское правительство. Но, что оно было в состоянии предпринять, кроме бессильного протеста, когда целые корпуса немецких войск стояли по всей Украине, держа в своих руках железные дороги и телеграф.

Не писанный закон, а реальное соотношение общественных сил составляют сущность конституции. Эту старую истину Украине пришлось изведать на собственном опыте, когда немцам захотелось снять правительство Центральной Рады и на место его посадить другое.

Почему оно так сделало? Оффициальные немецкие сферы давали на этот вопрос ясный ответ. Рада оказалась бессильной создать на Украине порядок и государственный аппарат и в борьбе с анархией немцы были вынуждены искать опоры в таких элементах населения, которые бы сочувствовали порядку. Так родилась идея гетманского переворота. В одном отношении немцы были безусловно правы: твердая власть может быть или революционная, или реакционная. В том и в другом случае опору для нее дает класс населения, прошедший известную организационную школу.

Таким классом было в царской России поместное дворянство, на помочах которого примостилась буржуазия. Долгие годы революционной борьбы с царизмом закалили волю и энергию его антипода—рабочего пролетариата.

Но рабочая Советская власть оказалась побежденной. Промежуточные элементы были явно бессильны. Интеллигенция великорусская и еврейская не могли принять националистических лозунгов центральной Рады. Пытавшиеся отстоять идеологию среднего и крупного крестьянства, украинские социалистические партии, на которые опиралась Рада, буквально тонули, как мухи в молоке, в окружающей бесформенной массе.

Кто не помнит отчаянных криков со страниц правительственной прессы: „Почему мы украинцы", писала газета „Новая Рада", так хорошо умеем сорганизовать хор, когда нас соберется несколько человек и оказываемся органически беспомощными и бессильными организовать свою собственную жизнь".

Газета отождествляла украинский народ с той кучкой мелко-буржуазных интеллигентов, которые окружали Раду. Их грубым пинком отбросил в сторону солдатский немецкий сапог. И за тысячами чиновников и полицейских, которые были ему нужны до зарезу он обратился к царской бюрократии, к дворянству.

Много воды утекло с тех пор. Тяжелые месяцы германской реакции оказались великолепной школой для многих людей и политических партий. Огромная часть украинских социалистов не за страх, а за совесть сражавшихся в рядах Центральной Рады стала теперь под знамя Советской власти.

И перед лицом на этот раз уже не петлюровско-немецкого, а петлюровско-польского наступления хочется спросить: Откуда возьмут новые претенденты на власть Украины—откуда они возьмут человеческий материал, чтобы управлять?

Те, кто пережил на Украине бесформенную анархию Рады, анархию петлюровской директории хорошо знают, что таких сил нет и взять их неоткуда. И если бы полякам было суждено захватить Украину, то для организации там действительной, а не декоративной власти им бы пришлось обратиться к старому средству, к гетману, помещикам и Протофису. Но теперь это в тысячу раз труднее сделать, чем два года назад. Ибо теперь где гетманская армия? Ее ветром смело к Черному морю по пятам бегущих деникинских банд, после того, как позорно провалилась на экзамене истории второй раз контр-революционная буржуазия Украины.

Неужели ее жалким остаткам суждено будет в третий раз уже не на немецких, не на казацких, а на польских штыках строить здание насквозь прогнившего и разрушенного буржуазного строя. И неужели они способны будут удержаться перед первым порывом хорошей революционной бури.

Петлюровские обманщики будут отброшены и выброшены за шиворот руками своих друзей прежде всего, но не лучшая участь ждет всех прочих мечтателей и политических спекулянтов еще до сих пор взыскующих небесного града капитализма. („Коммун." № 100 6. мая).

Польский підлог.

Панас Любченко.

Раніш ніж [illegible] наступ на нашому фронті польський генеральний штаб на протязі цілого тижня містив офіційні звідомлення про наступ червоних.

Бажаючи підготувати публічну польську армію, що в справі наступу на Україну є [illegible] розбіжною, генеральний польський штаб [illegible] на [illegible].

Цей підлог потрібен був генеральному польському штабові й для того, щоб двинути [illegible] полки.

Польська шляхта, [illegible] нашою мировою пропозицією перед початком припинення війни, себто перед початком її [illegible] темпом і загибелью вирішила шляхом провокації, шляхом підлоги міжнародного характеру сорвати мир і щоби для оборони перейти в наступ.

Звичайно без згоди [illegible] капіталістів, без згоди Мільєрана [illegible] польські пани на подібну підготовку наступу, [illegible] не пішли б.

Ясно що цей підлог, це обдурення польського, західно-європейського суспільства, а головне польських легіонерів, що ведуть зараз наступ на Радянські республіки, стався в порозумінню з штабом міжнародньої контрреволюції.

І тим гуже для міжнародніх капіталістів.

Підлог буде, він вже є викритим.

Брехня ознака слабости.

Ті, хто сьогодня ще наступа[illegible] по причині провокації, для відбиття наступу червоних, а вчора чекав миру, повернуть свої багнети, щоб скинути панів, які стали на шляху припинення війни.

Західно-європейський робітник і всякий чесний працюючий оцінить цей перед смертний акт польської буржуазії.

Загибель її неминуча, розклад розпочався в самій серцевині польської шляхти.

Вихід Грабського, представника ліберальної польської буржуазії, з комісії по закордонним справам, свідчить, що ненажерлива частина польської шляхти подавиться право бережною Україною.

Підгниваючу польську шляхту не спасуть вже і провокація, ні підлоги. („Комм.“ № 113—19 мая).

Кто наш главный враг на Украине?

Г. Зиновьев.

[illegible] враг петлюровщина. Не Петлюра, а петлюровщина.

Тушинский вор Петлюра не раз попадал в такие беспомощно-комичные положения, что мы иногда привыкли относиться к нему только иронически. И разумеется над [illegible] паном Петлюрой можно [illegible] только более или менее весело смеяться. Но за [illegible] фигурой пана Петлюры, которому не раз уже приходилось, подобрав фалды, бежать от наших войск, не следует забывать коллективного Петлюры, не следует забывать петлюровщину.

Что такое петлюровщина?

Петлюровщина [illegible] помноженное на мелкобуржуазный национализм. Крепкий собственник кулак, горожанин или сельский житель, помноженный на антисемита и „самостийника“, это и есть типичный рядовой „Петлюра“.

И вот, положа руку на сердце, мы должны спросить себя: что же, в самом деле, разве на нашей Украине нет благоприятной почвы, на которой мог бы пышно разростись этот кулак-националист? Увы, эта почва на Украине слишком благоприятна для петлюровщины! Кулацкая мелкобуржуазная стихия, [illegible] самого реакционного [illegible] самый жгучий враг Советской власти [illegible] она [illegible]

Не [illegible] петлюровщину [illegible] Говоря о петлюровщине, мы имеем в виду не [illegible] Петлюру и его [illegible] кулацкую [illegible] кулацкую сволочь [illegible] то ни стало.

Почему на Украине [illegible] нам [illegible] с таких [illegible] потому же, что [illegible] кулацкая [illegible] черно[illegible]

Вы можете проследить [illegible] нашей жизни.

К[illegible] не [illegible] сидят без хлеба, цены на хлеб в городах растут с умопомрачительной быстротой. Кругом продовольствием хоть пруд пруди, но крестьянин кулак не везет его в город, а, привезя в город, спускает его по мародерским мещанническим ценам. Кулак богатеет и богатеет, жиреет от наживы, копит и накапливает. А рабочий Украины и шахтер Донецкого бассейна, принесший так много жертв в борьбе против помещиков и капиталистов, чуть ли не с завистью смотрит на полуголодный, но все же обеспеченный паек питерского и московского рабочего. Кто виноват в этом? Петлюровщина! Когда украинский кулак, поглаживая свою бороду и потирая от удовольствия свой живот, прикидывает, сколько он вновь заработает на голоде украинского рабочего, при этой сцене невидимо присутствует пан Петлюра...

Советские деньги ценятся на Украине в несколько раз ниже, чем царские и думские деньги. И Советская власть до сих пор не может справиться с этим безобразием. Богатые кулаки в деревнях, перепившись на свадьбе или на крестинах, оклеивают дугу „керенками“. Рабочий городов из своего заработка не может купить минимального количества хлеба. Кто виноват в этом? Петлюровщина! Кто торжествует по этому поводу? Да все та же самая сытая и пьяная кулацкая и наглая петлюровщина!

Или возьмите вопрос о бандитизме. Банды, махновщина, или полумахновщина являются главнейшим злом Украины. [illegible] превращает Украину в какую-то „Мексику“. Оружие часто сосредоточено в руках деревенских богатеев. На почве бандитизма махровым цветком расцветает самое чудовищное предательство. Что все это, как не проявление все той же разнузданной, черносотенной петлюровщины?

Распущенность в тылу, неисполнение предписаний центра, попытка в каждом уезде создать едва-ли не самостоятельную, „самостийную“ республику, разгул подлейшего антисемитизма, двойственно-иезуитское поведение части „национальной“ украинской интеллигенции из „спилки“ все это есть [illegible] все той же подлой петлюровщины.

Все это должна учесть теперь наша партия на Украине с полной определенностью. Надо прежде всего оберечь собственные ряды от проникновения к нам хотя бы отрешен

ных влияний все той же мелкобуржуазной стихии. Наплыву деклассированного городского мещанства в ряды нашей партии надо дать самый решительный отпор. Когда для Советской власти приходят трудные времена, мещанские элементы бегут от нас и предают нас. Когда коммунистическая партия у власти, эти элементы валом валят в наши ряды. Когда мы переживаем более или менее „нормальные“ времена на Украине, эти клопы, забираясь во все поры советского организма, приносят нашему делу громадный вред. С этими насекомыми надо начать борьбу и довести ее до конца во что бы то ни стало.

Нет более вредной для Советской власти фигуры на Украине, как фигура (столь распространенная, увы, и теперь) пресловутого „комиссара“, одетого с иголочки, с сытой физиономией, с темным прошлым, тупого, самодовольного, не умеющего разговаривать с народом, не понимающего сущности коммунизма, в глубине души своей готового на все и смотрящего на Советскую власть, как на вкусный пирог, из которого надо урвать себе возможно больший кусок. За этой фигурой „комиссара“-карьериста, „комиссара“-взяточника и спекулянта; местами иногда не видна становится фигура настоящего комиссара-коммуниста, верного сына рабочего класса, преданного и самоотверженного товарища, одним словом, того человека, который поднял звание революционера-комиссара на недосягаемую высоту.

Надо очистить Советскую Украину от этих паразитов. Надо недвусмысленно дать понять этим господам то, что мы дали им понять в Петрограде и в Москве, а именно: что нет и не будет пощады этим элементам, что борьба с ними будет не на живот, а на смерть, что, как горячим кипятком истребляют клопов, так мы беспощадными мерами истребим этих паразитов.

Надо дать рабочему хлеба во что бы то ни стало. Надо поднять производительность труда. Надо объявить борьбу бахвальству в нашей собственной среде. Достаточно с нас казенных реляций о поднимающейся будто бы производительности труда, о многочисленных успешных субботниках, о добровольном увеличении рабочего дня. Мы знаем, что во многих местах на Украине это — только бахвальство. Довольно с нас этих ласкающих ухо реляций на тему о том, что все обстоит благополучно. Нет и тысячу раз нет! На Советской Украине далеко не все обстоит благополучно. Пока мы не дадим рабочему хлеба, пока мы не создадим крепкую Советскую власть, пока не будет у нас истинной, железной, пролетарской диктатуры, до тех пор мы не поправим нашего хозяйственного положения на Украине.

За горло кулака, за горло петлюровщину! Определенная и резкая политика нашей партии в деревне! Не бояться довести эту борьбу с коллективным Петлюрой в деревне до ее логического конца! Беспощадное разоружение кулацких элементов и истребление всех банд! Очистка Советских органов от примазавшихся элементов! Вот что необходимо сделать нашей партии. Для этого партия должна быть вылита из одного куска. Меньше, чем когда бы то ни было, нам [illegible] Украине [illegible] количественным [illegible] разбухание наших [illegible] организаций, достигаемое ценой понижения качества, является настоящим преступлением против коммунизма.

Все на фронт, все для фронта, все для победы над польскими панами! Этот лозунг нам надо на Украине дать сейчас, сию минуту, не дожидаясь больше ни одного часа, не дожидаясь того, чтобы военный кризис принял более острый характер. Надо разжечь священную ненависть рядового крестьянина—„хлопа“ к пану вообще, и к польскому пану, в особенности. Надо превратить нашу войну против польской буржуазии в войну всех трудящихся Украины против польских панов. Надо, чтобы лозунг „все для фронта“ не был в наших устах только казенной отпиской. Надо, чтобы наши партийные и Советские организации действительно всей душой отдались этой борьбе. Только тогда это передастся на фронт, только тогда мы создадим тот тыл, который позволяет победить.

Надо сорганизовать победу над польскими панами, надо сплотить красный фронт. Это и значит прежде всего сорганизовать борьбу против петлюровщины. Теперь нет уже никакого сомнения: из всей обстановки ясно, что, заключая с паном Петлюрой свой воровской договор, польские паны не столько надеялись на опереточные петлюровские легионы, сколько именно на ту мелкобуржуазную кулацкую стихию, которую мы охарактеризовали выше как коллективную петлюровщину. [illegible] их панов [illegible] на том, что, когда их армия еще глубже врежутся в пределы Украины, поднимут голову разбойничьи банды, возникнет вооруженное кулацкое движение, одним словом, [illegible] петлюровщина. На [illegible] строятся [illegible] расчеты Пилсудского и его шайки. На это же надеется французская биржа, субсидирующая разбойничий поход пана Пилсудского и пана Петлюры против рабоче-крестьянской Украины и России.

Убить банду петлюровщины значит убить [illegible] польской белогвардейщины. Петлюровщина, [illegible] петлюровщина, вот главный враг. Его надо добить во что бы то ни стало. Для этого нам необходима прежде всего воля к победе над петлюровщиной, железная организация, [illegible] пролетарская [illegible]

Опасность не мала. Если украинские рабочие и [illegible] что есть в украинском крестьянстве, не медля ни минуты не возьмутся за выше очерченную борьбу, Украине опять угрожает опасность испить до дна чашу, которую уготовляют ей теперь польские паны и украинские помещики и кулаки. Промедление смерти подобно. За дело, товарищи!

(„Коммунист“ [illegible] 16 мая.)

Враг смущен.

Х. Раковский.

Польская шляхта, причинившая своей жестокой войной против нас столько разорения, истребления и голода, расстраивающая работу к экономическому подъятию не только России и Украины, но и самой Польши, смущается перед своим собственным преступлением. Как телеграммы, получающиеся окольным путем из Варшавы, так и содержание самих Варшавских газет говорят о том, что политика Пилсудского встречает серьезные возражения и подвергается беспощадной критике не только в среде самого рабочего класса, но даже со стороны некоторых польских буржуазных партий, вроде партии так называемых народных демократов. Последние указывают на то, что в данном случае Польша работает не столько для своих собственных интересов сколько для интересов толкающих ее на эту войну западных империалистов. По сообщению газет, лидер национал-демократов, ксендз Лютославский на заседании польского сейма 7-го мая уличил правительство, что оно закабаляет польскую промышленность французскому капиталу.

Характерно, что одновременно с кампанией, которая ведется против Советской России, в польской буржуазной

печати нередко подымаются голоса против французской и английской политики в Польше. Хотя, с одной стороны, союзники толкают Польшу на войну с Советской Россией, но с другой стороны—польская буржуазная печать их обвиняет в том: 1) что они отказываются фактически от какой-либо серьезной и длительной финансовой поддержки Польши, 2) что они стремятся к явной эксплоатации Польши посредством своих промышленных и торговых агентов, что они ей продают по весьма высоким ценам остатки военного снаряжения, но что они ей не дают ни сырья, ни машин в сколько-нибудь серьезных размерах, а отправляют ей товары, являющиеся предметами роскоши, которые только способны пошатнуть и так уже покатившуюся польскую валюту, 3) что они заигрывают одновременно с Советской Россией и тем самым показывают, что менее всего считаются с интересами Польши, 4) в частности, польские газеты обвиняют открыто Антанту, что она отказалась от оказания материальной поддержки Польши.

В этом отношении характерно то, что писала варшавские газеты еще 25-го февраля по адресу Антанты: „Интересы Антанты—недопущение к образованию могущественного польского государства, интересы Польши—как раз противоположные“.

Польская буржуазия недовольна Пилсудским и еще тем, что для ведения войны польское правительство вынуждено будет подвергнуть податному обложению самое буржуазию, на что жалуется и ксендз Лютославский в той же речи 7-го мая, о которой мы говорили выше. По вопросу о государственном займе Лютославский заявил: „Способ, каким власть выжимает деньги из польских граждан, может быть сравнен только с тем неумным хозяином, который не стрижет барана, но сдирает с него живую шкуру, не доит корову, но убивает ее“.

Другими словами: „Хотя союзники и толкают Польшу на войну с Россией и радуются ее победам, но когда заходит речь о жертвах,—они отвечают: „Пусть Польша платит“. Союзники даже не прочь выступить в роли благородных посредников. В польских газетах между прочим помещается телеграмма из Лондона от 7 мая, агентства „Гаваса“, в которой сообщается, что на запрос, сделанный правительству в палате общин в связи с польским наступлением, английский министр Бонар-Лоу ответил: „Англия не будет помогать Польше в ее нападении на Россию и хочет заставить ее как можно скорее заключить мир“. Так что Польша не рассчитывает даже на большую признательность со стороны западного империализма, в интересах которого проливается кровь польских рабочих и крестьян.

Из всего этого еще яснее, что предпринятая Польшей против нас война действительно является авантюрой во всех отношениях, и что как и при каждой авантюре у ее зачинщиков отсутствует и уверенность в ее благополучном исходе. В действиях самого Пилсудского также же постоянные колебания. Не так давно до польского наступления, перед одним французским корреспондентом он выражался самым отрицательным образом не только о Петлюре, но и об украинском народе. Во время наступления он уже издает приказ, где „бандит“ Петлюра называется „верным союзником Польши“ и где сам Пилсудский клянется „освободить“ Украину. Теперь, как сообщают из Лондона, Пилсудский заявляет, что „считает Днепр естественной границей и не предполагает распространить операцию на левую сторону Днепра, полагая, что захваченная Польшей территория дает необходимый выход к Черному морю“. Другими словами, „Я свое дело сделал, пусть теперь Петлюра сам создает себе „независимую Украину“. Не чувствуя со своей стороны достаточно поддержки у поляков, Петлюра ищет ее у Антанты, у румын и, наконец, у его старых друзей, с которыми он домогался соглашения еще в начале 1919 г. в Одессе, когда там находились французы. Я имею в виду белогвардейцев. По сообщению кишиневской газеты „Новое Слово“, в Севастополь прибыла украинская миссия во главе с Бондаренко для соглашения с Врангелем.

Что касается переговоров с Румынией, то на-днях заграничное агентство сообщило о прибытии в Черновицы румынского министра Таке Ионеску для переговоров с известным бывшим украинским депутатом в австрийском парламенте Василько, одним из дипломатических представителей Петлюры.

Перед нами повторение той же картины. Сейчас наши враги стараются протянуть друг другу руку и об'единиться против нас в единый фронт. С другой стороны, они стараются друг друга использовать, обмануть, провести для своих частных интересов, в результате чего у каждого из них своя собственная политика, свои собственные колебания и своя нерешимость. Вытекающая отсюда для нас политика ясна.

Мы должны использовать момент, когда наш враг сговаривается, для того, чтобы дать решительный удар польской шляхте и пресечь в корне ту коллицию, которая намечается против нас. Первое поражение, которое получат польские белые войска, ободрит не только рабочую оппозицию в Польше, но и заставит требующую мира с Советскими республиками часть мелкой польской буржуазии и польского крестьянства, которые неохотно идут за Пилсудским, опомниться и отрезвиться. („Коммунист“ № 122—июня)

ПО КРОВАВЫМ СЛЕДАМ ОТСТУПАЮЩЕЙ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ

(Жертвы погромов в г. Житомире).





Приказ Реввоенсовета Республики.

2-го мая 1920 г. № 718

Непримиримый враг Рабоче-Крестьянской России [illegible] буржуазно-шляхетское правительство, [illegible] прикрывшись заявлениями о согласии начать мирные переговоры, сосредоточило свои вооруженные силы [illegible] американской биржевой силы и начало широкое наступление на Советскую Украину с целью превращения ее в кабальную польскую колонию.

В этих условиях Советская Россия, поставившая себе целью добиться честного и прочного мира с братским польским народом на основах взаимного уважения и сотрудничества, вынуждена выше силою оружия сломить злобную и хищную волю польского правительства.

В целях всестороннего освещения вопросов, связанных с этой борьбой, от исхода которой зависит судьба не только украинского, но и русского народа, Р. В. С. Р. постановил: образовать при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики высоко-авторитетное по своему составу особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контр-революции.

На особое совещание, в состав коего должны войти как военные, так и политические деятели возлагается изыскание и всестороннее обсуждение тех мер, которые должны быть своевременно приняты для сосредоточения таких сил и средств борьбы, которые обеспечили бы победу в кратчайшее время.

Председательствование в особом совещании возлагается на А. А. Брусилова.

Членами совещания назначаются Генштаба А. А. Поливанов, Генштаба В. Н. Клембовский, Генштаба П. С. Балуев, Генштаба А. В. Гутор, Генштаба А. М. Зайончковский, Генштаба А. А. Цуриков, Генштаба М. В. Акимов, Генштаба Д. П. Парский, Генштаба А. И. Верховский, И. И. Скворцов, А. Н. Александров, Л. П. Серебряков, К. Х. Данишевский.

Председатель Революционного Военного Совета Республики **Л. Троцкий.**

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики **С. Каменев.**

Член Революционного Военного Совета Республики **Курский.**

Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились.

Свободный русский народ освободил все бывшие ему подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России. В особенности это необходимо в данное грозное время, когда братский и дорогой нам польский народ, сам изведавший тяжелое иноземное иго, теперь вдруг захотел отторгнуть от нас земли с искони русским населением и вновь подчинить их польским угнетателям.

Под каким бы флагом и с какими бы обещаниями поляки ни шли на нас и Украину, нам необходимо твердо помнить, что какой бы ими ни был объявлен официальный предлог этой войны, настоящая главная цель их наступления состоит исключительно в выполнении польского захватнического поглощения Литвы, Белоруссии и отторжения части Украины и Новороссии с портом на Черном море (от моря до моря).

В этот критический, исторический момент нашей народной жизни, мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто-бы и где-бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда-бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во чтобы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае, она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию.

Председатель Особого Совещания при Главнокомандующем **А. А. Брусилов.**

Члены Совещания: **А. А. Поливанов, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, Д. П. Парский, П. С. Балуев, А. В. Гутор, М. В. Акимов.**

(„Изв." В. Ц. И. К. № 118—30 мая).

По поводу создания Особого Совещания при главнокомандующем.

А. Брусилов.

Назначение А. А. Брусилова председателем Особого Совещания, естественно вызвало к себе значительный интерес.

Создание Особого Совещания, в состав которого наряду с опытнейшими военными специалистами входят виднейшие работники коммунисты, было понято некоторыми в полном противоречии с текстом и смыслом приказа Р. В. С. Р. — как создание нового командного аппарата, при том коллегиального характера. Разумеется, ни о чем подобном не может быть и речи. Особое Совещание состоит при главнокомандующем С. С. Каменеве, в руках которого сосредоточена вся полнота военно-оперативной власти. Особое Совещание имеет своей задачей разработку военно-административных и хозяйственных вопросов, связанных с обслуживанием западного фронта (формирования, воспитание командного состава, пополнения, все виды снабжения, работа транспорта и пр.). Незачем пояснять, какое значение имеет этот круг вопросов и как важно внести в разрешение их опыт тех виднейших военных работников, которые входят в состав Особого Совещания.

Сам председатель Особого Совещания А. А. Брусилов слишком горячо задет военными вопросами и достаточно богат личным военным опытом широкого масштаба, чтобы допустить самую мысль о раздроблении командной власти. Он это достаточно ярко выразил в напечатанном ниже письме на имя начальника Всероглавштаба. Из текста этого письма, которое дало в значительной мере толчок к созданию Особого Совещания, читатели увидят, как те мотивы, которые побудили А. А. Брусилова предложить свои услуги Советскому правительству в деле обороны России от польско-шляхетского нашествия, так и те взгляды А. А. Брусилова, которые достаточно объясняются всем его прошлым и которые целой исторической эпохой отделены от взглядов Советской власти. Когда А. А. Брусилов считает в православии национальный престиж русского человека, то эта точка зрения не покажется, конечно, убедительной русскому пролетариату, который в большинстве своем радикально порвал с православием, как и со всякой религией, и тем не менее является сейчас стержнем русской нации, носителем ее великого социалистического будущего, как и польский пролетариат, порвавший с суевериями католицизма, является главной творческой силой польской нации.

Но в высокой степени знаменательно, что А. А. Брусилов признает безусловно правильной советскую политику, выразившуюся в безоговорочном признании независимой польской республики. Не менее знаменательно и то, что А. А. Брусилов самым фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхетской Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право ждать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания, в той великой борьбе на западе, от которой зависит будущность трудовой России.

Печатаем ниже текст письма А. А. Брусилова на имя начальника Всероглавштаба Н. И. Раттеля.

Милостивый государь,

Николай Иосифович!

В последние дни мне пришлось читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по-видимому, желают захватить все земли, входившие в состав королевства Польского до 1772 года, а может-быть, и этим не ограничатся.

[illegible] эти предположения верны, то беспокойство всех [illegible] понятно и естественно.

Казалось бы, что при такой обстановке было бы желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия. Мне казалось бы, что первою мерою должно быть возбуждение народного патриотизма, без которого крепкой боеспособности армии не будет.

Необходимо нашему народу понять, что старое павшее правительство было неправо, держа часть польского братского народа в течение более столетия насильственно под своим владычеством. Свободная Россия правильно сделала, немедленно сняв цепи со всех бывших подвластных народов, не оставив поляков и дав им возможность самоопределиться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежавшие русскому православному народу, необходимо отразить силою. Как мне кажется, это совещание должно состоять при главнокомандующем, чтобы обсуждать дело снабжения войск провиантом, огнестрельными припасами и обмундированием.

Что же касается до оперативных распоряжений и плана войны в особенности, то в эту область совещание ни в коем случае вмешиваться не может. Как личный мой опыт, так и военная история всех веков твердо указывают, что никакой план, составленный каким бы то ни было совещанием, не может выполняться посторонним лицом, да и вообще план войны и оперативные распоряжения должны быть единичной работой самого командующего и его начальника штаба, но никоим образом не работой какой-либо комиссии или совещания. Такие действия какой бы то ни было коллегии были бы преступным посягательством на волю главнокомандующего и его основные права и обязанности. Обязательно выполнить план тому, кто его составил. Эта азбучная истина, вам столь же хорошо известная, как и мне, и плох тот главнокомандующий, который согласился бы выполнять чужие планы. Знаменитый гофкригсрат, недоброй памяти, достаточно указывает насколько преступно связывать волю полководца.

Вот все, что имел вам сказать.

Прошу верить моему уважению и преданности.

(„Правда" № 97—7-го мая).

В чем дело?

А. Сольц.

Товарищей-рабочих смущает организация совещания, председателем которого назначается бывший царский главнокомандующий Брусилов, а участниками — старые царские генералы. Товарищи-рабочие недоумевают.

Мы два года ведем борьбу с жестоким и свирепым врагом, мы победоносно ее закончили почти на всех фронтах без помощи такого совещания. Зачем же это понадобилось нам сейчас в борьбе с польской шляхтой? Нет ли тут какой-либо капитуляции, соглашательства с представителями старого мира.

Если принять во внимание, что слишком усердные представители печати, в роли сотрудника „Агит-Роста", в своем стремлении оправдать великий шаг власти доходят до провозглашения этих генералов лучшими русскими людьми, то это недоумение со стороны рабочих вполне естественно.

Но дело в том, что создание этого совещания явилось лишь результатом того совершенно реального факта, что в деле борьбы с польской шляхтой образовался единый фронт всего населения, что сами царские генералы по собственной инициативе предложили свои военные знания и опыт к услугам Советской власти. Здесь, в глубоком тылу это совещание будет разрабатывать вопросы подготовки силы и средств для борьбы. Когда власть находится целиком в руках трудящихся, не использовать этих предлагающихся нам сил было бы непростительным преступлением. Все, что усиливает нашу мощь, все что льет воду на нашу пролетарскую мельницу, должно быть пущено в ход.

Мы не можем пренебречь и демонстрацией единства фронта в этой борьбе. Чем скорее нам дается победа, тем меньше будет пролито рабочей и крестьянской крови, тем ближе мы будем к мировой международной революции. А когда дело идет о пролетарских интересах, нельзя пренебречь и чертом и его бабушкой, как приблизительно выразился некогда Бебель. Мы не выполнили бы своего долга, если бы не использовали и этой представившейся нам возможности хотя бы из-за вполне естественного недоверия к старым царским генералам. Мы стоим на своих позициях, и если старые генералы вынуждены предлагать нам свои услуги, пусть из-за привитых им старых национально-патриотических чувств, тем лучше для пролетарского дела всего мира, которое мы защищаем, и тем хуже для мировой белогвардейщины, авангардом которой в настоящую минуту выступает белая Польша. Все меры предосторожности приняты. Мы от генералов возьмем только то, что они могут нам дать в интересах скорейшей победы, которая целиком находится в руках нашей мужественной Красной армии, нашего героического пролетариата.

(„Правда" № 98 — 8 мая).

IV. ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ.

Наша война со шляхтой в английской прессе *).

И. Кулик.

Английская пресса, в своем отношении к войне польской шляхты с Советскими Республиками, как и вообще в русском вопросе, делится на две противоположных группы.

В одной—„Times" и большинство других органов печати, которые занимаются систематической яростной травлей и клеветой по адресу Советской власти, поддерживая милитаристическую позицию английского военного министра Черчилля.

Нет той клеветы и грязи, нет тех гнуснейших бессмысленных выдумок, каких бы не сочиняли о Советских Республиках эти органы, в особенности же самый „Times". Всякого рода измышления полковника Ворда об „ужасах чрезвычайки"; галиматья в жалостном тоне „о походе большевиков против христианства", состряпанная капелланом одесской англиканской церкви Фостером; „разоблачения" бывшего голландского консула в Киеве д-ра Фовера о „тайных дипломатических кознях" т. т. Чичерина и Раковского; бесчисленные „свидетельствования" бесконечного множества анонимных „очевидцев" (не даром говорится—„врет как очевидец!"),—все это находило приют на длиннейших полотнищах „Times'а" и угодливо перепечатывалось провинциальными газетами и журналами.

Приблизительно в ноябре 1919 г., когда неизбежность близкого поражения деникинщины стала ясной, „Times" и его печатные соратники стали „держать курс на Польшу".

„Замечательно,—писал „Times",—что именно на польском фронте, где большевиками сконцентрированы крупные силы, они все же терпят поражения; очевидно, польское войско—действительно реальная сила, раз она побеждает, несмотря на отчаянное сопротивление красных" [1]).

Газеты описываемой группы стали уделять больше внимания и места Польше, ее военному положению, даже внутренней жизни тем более, что к тому времени представлялся достаточный повод к этому—министерский кризис в шляхетском гнезде. А когда в декабре этот кризис закончился частичной победой кулацких элементов—„ludowców", и Игнатия Падаревского сменил на посту премьера Леопольд Скульский, „Times" стал толковать эту буржуазную чехарду, как начавшуюся „демократизацию польской республики".

Стали появляться в „Times'е" ежедневно пространные корреспонденции из Варшавы, а временами и передовицы, призывавшие к поддержке „оплоту антибольшевистского фронта"—Польше, ругавшие за недостаточное внимание к ней Ллойд-Джорджа и парламент, главным образом, Палату Общин („The House of Commons"), где нередко раздавались протесты против расходования народных богатств на польскую белогвардейщину.

В другой группе, стоящей на противоположной позиции, были газеты „Dayli News" „Ewening Post", „Manchester Guardian" „Dayli Herald", журнал „The New Statesman" и все социалистические органы печати. Характерно, что из буржуазных и либеральных органов в этой группе об'единены те, которые лучше остальных информированы о положении дел в России. Так, редактор „Dayli News"—Лансбурри, издавна считался знатоком „русского вопроса", а следующие две газеты информировались с самого начала революции такими прекрасными корреспондентами, как Артур Рансом и Прейс, находившимися долгое время на Советской территории.

Эта вторая группа газет и журналов все время вела кампанию против вмешательства Англии в российские дела и против поддержки польской шляхты.

И если социалистические органы делали это из революционности или чувства солидарности с пролетариями Советских Республик, то буржуазно-либеральные просто проявляют расчетливость и понимание действительного положения дел, предостерегая свое правительство от губительной для него же политики.

Понятно, дело здесь не в гуманности и даже не в абстрактных симпатиях к Советской России. Наиболее расчетливые из английских буржуев просто понимают, что ни уничтожить коммунистическую революцию, ни даже задушить Советскую власть в России и на Украине, разлагающаяся и осужденная на смерть самими об'ективными условиями польская шляхта—не сможет; следовательно, поддержка, оказываемая ей английским правительством, является непроизводительной тратой средств, и мешает Советским Республикам перейти к „нормальным" условиям жизни, при которых английские буржуи надеются опять попытаться использовать нас, как источник сырья (крайне им необходимого), рынок для спасения их от промышленного кризиса, и поле для всякого рода экономических экспериментов.

Эта „расчетливая" точка зрения постепенно приобретает все большие симпатии, тем более, что даже в случае победы шляхты, излишнее усиление Польши, на которой дипломатически спекулирует Франция—отнюдь не в интересах империалистической Англии, ни в каком случае не желающей допустить, чтоб Франция стала единственной великой державой на континенте; вот почему английское правительство занимало всегда двойственную политику в польском вопросе, помогало шляхте с опаской да с оглядкой, противопоставляло Польше—Литву, организуя для ковенской „Тарибы" армию (под руководством ген. Керзона), не хотело дать полякам ни Тешинской, ни Верхней Силезии и т. п.

Но в то время, как в буржуазной прессе, как и в стане английской буржуазии, происходят такие колебания и путаница,—позиция рабочей прессы, как и рабочих масс с каждым днем все более укрепляется. Ежедневно рабочие органы разносят по всей трудовой Британии грозные протесты против преступного вдохновления антантовскими империалистами шляхетской авантюры, и с призывами к массам о поддержке пролетариата России и Украины, о противодействии английскому империалистическому правительству.

Результаты этой работы—на-лицо. Они проявляются и в факте приезда английской делегации, несмотря на нежелание правительства, и в отказах рабочих грузить предназначающиеся для Польши припасы; и они проявятся еще—скоро проявятся—в грозном восстании английских рабочих масс против великобританского империализма.

[1]) Цитирую по памяти, и поэтому ручаюсь лишь за точность общего смысла цитаты. И. К.

*) Эта статья написана тов. И. Куликом специально для данного сборника.

Польское наступление и общественное мнение Англии.

Голоса военной клики

В то время как империалистическая пресса Франции [illegible] по поводу польского наступления, даже самые рьяные органы английского империализма, наиболее неприязненно настроенные по отношению к Советской России, держатся более осторожно. Само собой понятно, что они приветствуют победу поляков, но в их приветствиях слышна боязнь за возможный провал польского наступления. Так напр., в „Таймс“ от 1 мая мы находим статью, которая защищает польское наступление, указывая, что польские [illegible] должны были бросить их в бой, если не хотели, чтобы Советская Россия усилила свой транспорт, привела в порядок армию, начала наступление на Польшу. „Таймс“ заявляет, что „поляки ведут борьбу за западноевропейскую цивилизацию“. Но в той же самой статье „Таймс“ пишет следующее: „Корреспондент, который находился в Москве, указывает мнение [illegible] наблюдателей, что польские победы могут угрожать существованию московского правительства. По нашему мнению, это в данный момент чересчур далеко идущее предположение“.

В дальнейшем „Таймс“ заявляет: „Мы уверены, что Польша не увлечется своими блестящими военными победами. Великие вопросы Польши лежат в ее собственных границах. Она не должна брать на себя ответственность, превышающую ее силы. Некоторые из ее начальных требований, предъявленных Советскому правительству, фантастичны, особенно несуразное требование возмещения убытков за прошлые потери. Надо ожидать, что когда поляки окончат свои военные операции, они выдвинут свои мирные требования, и от того, сколько государственного ума будет в этих условиях мира, зависит взгляд на стоимость польского предприятия. Польша в конечном счете будет иметь мало пользы, если она своей неумеренностью вызовет против какого бы то ни было русского правительства объединение национальных чувств русского народа“.

„Дейли Телеграф“, газета не менее, чем „Таймс“ враждебная Советской России, поддерживающая польский империализм, заявляет в статье от 3 мая, в которой немножко холодновато чествует польские победы, что „польские стремления подлежат в Англии очень враждебной оценке. Если бы ясная, недвусмысленная декларация условий мира, которых добивается Польша, доказала общественному мнению на Западе, что эти требования согласны со взглядами Западной Европы, и что небольшевистская Россия могла бы согласиться на эти требования, то это было бы наилучшим ответом на попытки Советского правительства изолировать Польшу морально и дипломатически“.

Эти голоса английских органов военной партии, партии интервенции, доказывают, что даже военная клика Англии не всем сердцем на стороне Польши. Она уговаривает их предъявить приемлемые мирные условия, но на приемлемых мирных условиях поляки могли бы получить мир и от Советской России. Они начали наступление, потому что хотели оккупировать правобережную Украину, Витебск, Смоленск, Гомель, а раз они начали наступление, понятно, что они не уменьшат своих требований только для того, чтобы угодить господину Черчиллю, который хотел бы бить Советскую Россию руками русских империалистов, а не руками польских империалистов.

Голос либеральной печати.

Либеральная печать с полной решительностью осуждает польское нападение: „Дейли Ньюс“ от 30 апреля печатает статью генерала Мориса, который, обрисовав все военное положение, охарактеризовав все бессилие Лиги Наций, член которой—Польша начинает войну, не пытаясь даже уладить спорные вопросы мирным путем, пишет: „Это положение даст Ленину и Троцкому возможность собрать русских патриотов вокруг себя под лозунгом: „Россия для русских“. Если это им удастся, то поляки узнают, что, какие бы победы они сначала ни одерживали, они, наконец, не будут в состоянии устоять перед силами, которые будут на них брошены“. В том же самом номере редакция в передовой статье пишет: „Парламент должен затребовать информацию, получила ли Польша моральную поддержку от кого-либо представителя британского правительства, получила ли она какую-нибудь материальную помощь в форме займа товаров, посланных отсюда, и что намерен делать премьер-министр, чтобы задержать войну, которая угрожает всей его политике, принятой в Сан-Ремо. Польша не имеет собственных средств для войны,—мы хотим знать, кто дал ей средства для ее завоеваний“. В статье от 1 мая озаглавленной „Преступная война“, та же самая наиболее распространенная либеральная газета пишет: „Польша является членом Лиги Наций. 11-й параграф устава Лиги Наций устанавливает, что всякая война или угроза войны, касается ли она непосредственно других членов Лиги, или нет, является общим вопросом всей Лиги, и в случае начала этой войны должен быть сейчас же созван совет Лиги, если этого потребует хотя бы один член Лиги. Здесь мы имеем дело не с угрозой войны, а с войной, и не может быть более хорошего случая для проведения авторитета Лиги, чем по поводу польских действий“. Требование вмешательства эта буржуазная газета обосновывает следующим образом: „Думать, что Польша может провести победоносную кампанию против большевиков, является абсурдом. По всей вероятности, советские войска отбросят поляков к Висле, и они подойдут достаточно близко к границе Германии, чтобы создать самую опасную ситуацию для союзников“. В номере от 4 мая по поводу падения Киева и надежд поляков, что они дойдут до Москвы, „Дейли Ньюс“ пишет: „Ведь, Москва тоже была целью стремлений и Колчака и Деникина, и они всегда определяли время, когда они возьмут Москву. Полякам следовало бы в момент их теперешней империалистической истерии подумать о конце этих авантюристов. Пока что генерал Пилсудский и его армия обещают оттянуть момент мира в Европе. В то время, когда Россия, сделав разумное мирное предложение Польше, начала переводить свою армию с поля сражения на труд, Польша решила, что война должна продолжаться и хозяйственное строительство должно быть отложено. Мы должны знать, из какого источника обанкротившаяся Польша обеспечивала себе амуницию, и нашелся ли кто из союзников, кто дает ей деньги на это военное наступление. Американские экономисты высказались правильно против руководителей из Европы, которые еще не отказались от империализма. Соответствуют ли действительности слухи, что Польша получила значительное количество амуниции из Америки? Если так, то получила ли она ее за деньги, или в кредит?“ (Между прочим, в „Дейли Ньюс“ мы находим известие, что в польской армии находятся американские летчики.)

Рабочая печать и социалистические партии.

Вся рабочая печать и социалистические партии самым энергичнейшим образом выступают против польской авантюры. Мы на-днях опубликуем обширные выдержки из социалистической печати,—сегодня мы удовольствуемся только двумя. Ежедневный рабочий орган „Дейли Геральд“ от 3 мая заявляет: „[illegible] этих преступных авантюри-

стов только непробованному героизму Красной армии уже значит помогать польскому преступлению. Польские белогвардейцы являются только оружием западно-европейских финансистов, которые используют их честолюбие и романтизм для своих темных целей". Британская социалистическая партия выпустила воззвание, из которого мы приводим следующие выдержки:

„Вы были введены в заблуждение правящими классами. Правительственный класс со своими агентами, секретными дипломатами, за вашей спиной придумывал новые гнусные заговоры для уничтожения Советской власти.

Капиталистические волки не намерены потерять свою добычу.

Польская армия организована союзными офицерами и находится под их командой, но надо сказать, что польские рабочие неоднократно протестовали против нападения на Россию. Они об'являют свою солидарность с Советским правительством, но подавляются своими собственными милитаристами. Их руки в этом деле чисты.

Под прозрачным предлогом помощи разбитым остаткам деникинской армии в южной России британские военные корабли бомбардируют русские города на побережье Черного моря. Сам Деникин бросил своих людей на произвол судьбы и удрал для безопасности в Лондон. И вот нашли новую пешку в лице какого-то генерала Врангеля, чтобы продолжать грязные махинации союзников в Крыму.

Японская армия в Восточной Сибири начала операции, чтобы создать развал в этой области.

Этот заговор приготовлялся в течение многих месяцев в секретных закоулках международной шайки финансистов, дипломатов и политиков, которые нами управляют для большей наживы класса, к которому они принадлежат.

Товарищи рабочие!

Мы требуем от вас, во имя международной солидарности рабочего класса, уничтожить эти гнусные заговоры раз навсегда. Ради своих собственных интересов, если даже не ради чего-либо другого, уничтожьте их. Побежденная Советская Россия будет означать поражение ваших собственных надежд на лучшую жизнь, и — вечный стыд британскому рабочему классу.

Адрес польской миссии: 2, Уэтер Монтагю Стрит, Руссель Сквэр, Лондон. Бомбардируйте их резолюциями протеста, единичными и коллективными. Требуйте, чтобы они принимали депутации от ваших рабочих организаций. Делайте то же самое с британским правительством.

И если это будет необходимым, прекратите доставку всякого снабжения всеобщей забастовкой протеста для того, чтобы это преступление не совершилось.

У вас есть сила, если у вас есть воля.

Вы достаточно кричали: „Руки прочь от России" — настало время действовать.

Пошлите вашим товарищам-рабочим в Социалистической России весть, которая бы подняла их дух в их славной борьбе, и заставьте наших поработителей ясно понять, что продолжение их теперешней политики, если они на ней будут настаивать, будет сигналом к их падению!".

(„Изв." № 105—16 мая).

V. ТОЖЕ „ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ".

Манифест Петлюры.

(Настоящий манифест сброшен с польского аэроплана во время его налета на Киев)

Народ украинский!

Тяжелый исторический путь выпал на твою долю.

Вот уже три года пытаешься ты завести порядок в своей республике, добыть себе волю, равноправие и независимость, борясь с кровавыми насильниками – московскими большевиками.

Ты понес большие жертвы на поле брани.

Разрушенные села, разрушенные хозяйства, кровь невинных, слезы погибшим, замученным большевиками отцам, матерям и сестрам, бесконечное множество одиноких—могил по всей Украинской территории – вот результат борьбы за святые идеалы человечества наилучших твоих сынов.

Умирая, они умоляли тебя и завещали тебе продолжать эту тяжелую борьбу за твою свободу, чтоб доказать всему свету, что и украинский народ способный к самостоятельной жизни, сам может управлять своей землею и своей государственной свободой.

В прошлом году, летом, наша армия победоносно вступила в сердце Украины, златоглавый Киев, но другой враг — тоже московский, – черный империалист, приверженец русского царя, шайка Деникина воспользовался русскою ориентациею галицийского командования. Сбили его с позиции независимости Украины и галицийская армия, обманутая своими командирами, перешла на сторону нашего врага, поставив нашу днепровскую армию на невыгодное и почти катастрофичное положение.

Наша армия, замученная и исстрадавшаяся, должна была спешно отойти, но не потухла еще вера в сердцах наших старшин и казаков в лучшие дни, и эта глубокая вера в наше святое дело и в способность нашего народа к государственной самостоятельной жизни победила и отчаяние, и усталость, и большие неудачи.

По этому я дал приказ атаману Омельяновичу Павленко с войсковыми частями начать борьбу с большевиками по новому способу, как этого требовали военные обстоятельства. Другие части армии нашли себе приют в Польше.

И теперь вы слышите о битвах нашей армии на землях Екатеринославщины и Херсонщины, где эту армию жду верные сыны Украины.

Части украинской армии вместе с полковником Удовиченко ведет борьбу с московским врагом на землях Подолии, и близок тот момент, когда эти части дружными ударами выгонят врага с нашей земли и об'единятся в одну твердую дисциплинированную армию снова защищать свою землю, свою национальную волю и свое имущество.

Три года ты боролся один, забытый народами всего мира, ибо твои враги не спали и всякими нечистыми путями провоцировали тебя, признавая за тобой даже права называться украинским, украинским народом. Теперь приходит большая перемена.

Героическая борьба с невиданным ней и историей примером самопожертвования тебя и своей стране, культуре, языку, свободе – она убедила другие народы мира в справедливости твоих идеалов, какие нашли отзвук в первую очередь в сердцах уже свободного польского народа.

Польский народ в лице своего начальника государства и начальника вождя войск И. Пилсудского и своего правительства—признал твое право на создание самостоятельной республики и признал твою государственную независимость.

Другие страны мира не могут не признать твоей независимости—ибо твоя требования кристальной чистоты и справедливости, а справедливость всегда побеждает. Польская республика стала на реальный путь помощи Украинской народной республике в ее борьбе с московскими большевиками, оккупантами, предоставив возможность частям ее армии формироваться у себя и эта армия также идет биться с врагами Украины.

Но теперь украинская армия будет бороться не одна, а рядом с армией дружественной нам Польской республики против кровавых империалистов—московских большевиков, которые угрожают также и свободной жизни польского народа.

Между правительством Украинской республики и Польской состоялось дружественное соглашение, на основании какого польские войска придут разом с украинскими на территорию Украины, как союзники против одного общего им врага, а по окончании борьбы с большевиками польские войска уйдут на границы своей республики.

Общей борьбой дружественных армий,—украинской и польской мы исправим ошибки прошлого, а кровь, пролитая вместе в боях против давнего исторического врага – Московщины, которая разрушила когда-то Польшу и погубила Украину, осветит новую эпоху дружественных отношений украинского и польского народа.

Министерство Украинской Народной республики во главе с председателем совета народных министров И. Мазепою возобновило свои работы по восстановлению порядка и спокойствия на Украине и по организации государственной власти на местах.

Но работа правительства может быть продуктивной только в случае помощи, поддержки и непосредственного участия в государственной работе всех классов населения, а потому комиссариаты, народные управы и другие учреждения должны приготовиться и немедленно начать свою работу, в первую очередь помогая украинским и польским войскам. Требования последних будут удовлетворяться по соглашению представителей обоих правительств и проводиться в жизнь представителями украинского правительства.

Украинский народ!

Большая и ответственная работа ждет тебя.

Ты войдешь, как равный с равными, в семью народов мира. Но государственная мощь зависит только от существования мощной дисциплинированной армии, а потому будь готов откликнуться к мобилизации, о чем будет объявлено особо.

Призванные к оружию сыны украинского народа будут настоящими хранителями нашей государственности и свободы.

Армия выгонит врага из нашей страны и этим даст возможность в кратчайшее время созвать Всеукраинское Учредительное Собрание, через какое народ и возьмет упра-

...вление делами республики в свои руки и наметил те пути, по каким в будущем будет развиваться жизнь ... свободного народа.

Все ж, как один человек, к работе—а потому я категорически требую от всех граждан Украинской Народной республики подчинения Украинской власти и исполнения всех ее приказов, предупреждая, что буду проводить освободительную борьбу до конца, пока не будет освобождена от врагов вся земля Украины, пока Украинская Народная республика не будет само... ..., а украинский народ не будет свободным и независимым.

Я призываю всех граждан к работе для блага нашей отчизны, в этом залог победы и осуществления наших государственных идеалов.

Главный атаман войск
Украинской Народной республики С. Петлюра.

21 апреля 1920 г.
Ставка.

(„Коммунист" № 107—14 мая).

Старий запроданець.

В. Блакитний (Елланський).

Це старе шмаття, гасел заяложеных, потасканих Керенськими та Колчаками всіх народ і націй щедро полите приправою бучних фраз про „кров неповинних", про згоду народів польского і українського та приперчено лайкою на адресу „московських большевиків"

Але крім фраз і обіцянок в стилю „Височайших манифестов", в відозві маємо кілька цінних признань—на них ге б слід звернути увагу.

Урочисто заявляється, що „війська запріязнених республік" разом йдуть на Україну і польскі війська виїдуть ... з України по „визволенні" її всеї.

Населенню України ставиться в найсвятійший обов'язок допомогати українському польскому військові,

Відозва „До народу України" підписана Головним отаманом військ У. Н. Р. С. Петлюрою, видана в Варшаві і датована 1 квітня ц. р.—відкриває карти цього продавця і його позалаштункових хотів цілком.

Перед нами—не Петлюра „Трудового конгресу", не Петлюра „Директорії" з нім „напівбольшевизмом" на словах, з їхньою „майже радянською" владою.

Основним гаслом нового походу невдалого героя з „визволення" України во імя „державних ідеалів" і „найсвятіших ідань людскости".

З арсеналу старої бутафорії витягнуто гасло... „Українських установчих зборів", які ніби то мають бути скликані „після звищення всіх просторів України від большевиків".

І врешті з висоти варшавського смітника українському пародові наказується підготовится до мобілізації.

В цілому універсалі—ні слова про „свободи", ні слова про „землю і волю"..

Після цього—навіт самий задурений націоналіст, навіть темний бунтарь-отаманчик не посміє заперечити, що з Петлюрою йде реакція і окупація, авантюризм української буржуазії і повне рабство українських робітників і селян виданих на подалу світовій ненажерній згражі.

І для кожного робітника, селянина і просто чесного громадянина, а особливо українця—висновок один: бити як найшвидче, бити як найдужче, бити до смерти по новій авантурі старого запроданця!

Биймо-ж поки вільні руки, поки можемо мати зброю!

(„Вісти" № 120—14 травня).

Універсал головного отамана Петлюри з примітками т. Катеринославця.

Катеринославець.

„Ось вже три роки змагаєшся ти, запорядкувати в своїй Республіці борючись з червоними насильниками—московськими большевиками".

А німці, гетьманці, французи, денікинці не були стало буть ніколи ворогами українського народу!

А хто викидав їх з меж України?

„Галицька армія обдурена своїм командуванням перейшла на бік нашего ворогу"...

А сам Петлюра, на чей бік перейшов? Інформація: в жовтні 1919 року під Києвом відбулась парада Денікіна з Петлюрою. Петлюра пропонував Денікіну спільний виступ проти більшовиків. Денікін рішуче одмовився.

—„Незгасла ще віра в борцях наших старшин і казаків в святу нашу справу"

Інформація: Порш, лідер партії У. С. Д. накупив в Берліні де-кілько будинків, дипломатична місія Петлюри в Відні переправляє автомобілі з Відня в Швейцарію і наживає на цьому десятки тисяч карбованців, нафтові акції скуповуються У. С. Д., бувшими урядовцями Петлюри .. (з промови на губерніальному з'їзді Рад т. Мазуренко, спопа по Петлюрівським справам як торічнього допомогача Петлюри)

Дійсно, незгасла віра..

„І тепер ви чуєте про бої нашої армії на землях Катеринославській і Херсонській"...

Меморандум деплоьматичної місії Петлюри до лігі націй; Майже вся Украіна підпала під владу генерала Петлюри. Під командуванням генерала Петлюри маються такі генерали: генерал Павленко, генерал Удовиченко, генерал Тютюнник... Ліга націй здивована: відкіля у такої молодої держави, так багато видатніх генералів.

„Народе України! Три роки ти боровся один"..

Вільгельм прочитавши: ах ти паволоч мерзенна! А мою поміч забув? А кто закликав на Україну моїх вояк!

Клемансо прочитавши: а моїх черненьких забув шкура твоя продажна..

„Польський нарід в лиці свого начальника держави і начального вождя військ І. Пілсудського визнав твою державну незалежність"...

Пілсудський в кунтуші .. Дядьки цілують йому поли кунтуша. Пілсудський. Не бачиш хто стоїть перед тобою. Мужва проклята! Геть з лядської землі!

„Польська республіка стала на реальний шлях"..

Пілсудський, Немоєвський, Сангушко, Потоцький, Радзівіл сидючи в Київі зі ртом наповненим українським салом

за хлібом: хе, хе, хе... Українське сало не стане поганьче для поляка від Петлюрівської „незалежності“ хе, хе, хе, наш полях рівно реальний, хлібний: сальний шлях...

„По закінченню боротьби з більшовиками польські війська відійдуть в межі своє республіки“...

— Як ніший...

„Міністерство Української Народньої Республіки відновило свою роботу по заведенню ладу та порядку“...

З офіційної інформації ліги націй: по перше січня 1920 року Петлюрівським урядом з'організовано 841 погром, пограбовано 121 містечко, 28 повітових міст, вбито більш ніж сто тисяч невинних жертв.

„Вимоги польських військ будуть задовольняться“.

Сьогодні підслухав балачку двох дядьків. Один чеше спину

Другий:

— Чого ти Трохиме, воша вкусила, чи що?

— Та ні, та хіба не бачиш?

— Та що?

— Та як же та що, не бачиш що написано—вимоги польських військ будуть задовольняться

— А в мене ще спина не зажила від німецького задоволення...

„А через це наказую приготовиться до мобілізації“.

А дулі не хочеш пане отамане..

„Через це я головний отаман Військ Української Народньої Республіки вимагаю від всіх громадян і т. д“.

Спогади про давно, минуле:

1917 року січень—ми божьей милостью император всероссийский, царь польский, великий князь Киевский и прочая и прочая...

1918 рік червень— Микола з усією ріднею „у стенки“.

— Команду слушай... Пли! Отак до сього часу не знайдено їхніх кісток.

З листа т. Катеринославця до центрального комітета Рад: Пропоную послати радіо-телеграму Петлюрі з проханням роскидати яко мога більше універсалів з аеропланів по Радянській Україні. Це нам зменчить витрату на агітацію. Від мого імени заявляю, що буду зміщувати без жодного виняку всі накази і універсали Петлюри в часописі „Комуніст“.

(„Коммунист“ № 107—14 травня)

Петлюра и пан.

Демьян Бедный.

Если верить деникинским газетам,
То минувшим летом
Был я дважды расстрелян и трижды повешен
Не один буржуй был утешен,
Читая мои некрологи.
Но... волка спасают ноги
А большевика судьба,—
Попробуй-ка, справься с нами!
Разгорается, снова борьба
С Петлюрой, с панами.
— „Петлюра, ау!“—„Чи ти ба!
Не вже ж то Демьян? Та хіба
Пустили черти його с пекла!
От так резана свекла!
Діло погане“!—„Погане, погане!
Пеклася ця свекла в скаженнім огні,
Покуштуй, отамане.—
Солодко, чи ні?“

«Никто с Петлюрой, как с политическим деятелем, не считается. Мы смотрим на него как на атамана бандитов, которым можем воспользоваться в борьбе с большевиками».

Польский министр Патек.

С жовто-блакитным знаком на груди
Петлюра едет впереди.
Очередным Универсалом,
Сбивая с толку дураков,
Петлюра снова мажет салом
Сухие губы мужиков.
Но кто доверится обману,
Тех ждет великая беда,
Не в первый раз Петлюра пану
Без мыла лезет кой-куда.
Свершивши подвиг свой, туда
Уже не вылезет оттуда.
А пан... Чего от пана ждать?
Пан станет панство утверждать,
Я много тратить слов не стану:
Пан будет действовать по плану,
Который здесь
Пред вами весь—

Назначенный Начальником Подольского округа польский помещик В. Крачкевич в своем приказе по округу пишет: приказываю восстановить право частной собственности на леса и земли и возлагаю на все население обязательство исполнения этого закона—(«Громадська Думка» № 56, «Нова Реформа» № 49).

План очень прост и очень ясен
Его не надо об'яснять.
А ну-ка братцы: кто согласен
С себя штаны для пана снять?!
Кто „користуется“ Петлюрой?
Снимай штаны, снимай штаны,
Скорей-снимай, пока-паны,
Не отодрали их со шкурой.

Заседание в Большом театре.

5-го мая в Большом театре состоялось торжественное соединенное заседание Московского Совета Р. и К. Д., В. Ц. И. К. Советов, фабрично-заводских комитетов, правления профессиональных союзов. В порядке дня стоял вопрос о положении на польском фронте.

Открывая это заседание, тов. Каменев в своем вступительном слове указал, что наступление на нас со стороны Польши, подстрекаемой Антантой, побуждает нас вновь несколько отвлечься в сторону от мирного строительства и направить все свое внимание на внешние фронты. Заявление Каменева о том, что среди присутствующих в зале находится 300 мобилизованных петроградских рабочих, отправляемых на западный фронт, вызвало бурные аплодисменты всех участников заседания. Тов. Каменев заключает свою речь словами, которые начертаны на знаменах передового отряда петроградского пролетариата: „Смерть польским панам! Да здравствует союз с рабочими и крестьянами Польши! Да здравствует освобожденная от капиталистического и помещичьего гнета Польша! Да здравствует ее свободный союз с Советской Россией! Да здравствует победа Красной армии под лозунгом: „За свободу польского и русского народа!"

При дружных аплодисментах всего зала слово предоставляется тов. Ленину.

Речь т. Ленина.

— Товарищи, мне бы хотелось обратить ваше внимание на одну сторону, отличающую настоящую войну от предыдущих. Конечно, никто из вас не сомневается в том, что эта война представляет из себя одно из звеньев длительной цепи организованного сопротивления международной буржуазии.

Она является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть Советскую власть во что бы то ни стало, какими-бы то ни было средствами. Конечно, в этом отношении связь между этим нападением и бывшими попытками международной буржуазии безусловно имеется. В то же время мы видим и огромную разницу по сравнению с прежними попытками буржуазии задушить Советскую власть. Вы знаете, какой громадный труд проделан русским пролетариатом для достижения того, что Советская Россия существует до сих пор. Вы помните, как самые ответственные и могущественные европейские министры заявляли и даже очень недавно о том, что они готовят против России союз 14-ти держав. Вы знаете, как их союз, поддерживаемый Францией, Англией и всесильным капитализмом, успел сплотить Юденича, Колчака и Деникина, как они строили грандиозный, в военном отношении довольно сильный, целостный, строительный, всеохватывающий план, и этот план был действительно разрушительный, и в то же время мы видели, что все их единство было только кажущимся, что все силы буржуазии не выдерживали одного испытания — испытания, в силу которого речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собою ради достижения тех или иных реальных результатов. Трудящиеся массы тех стран в конце-концов не признавали справедливой империалистическую войну и благодаря этому капиталистические державы, несмотря на свой могущественный союз не могли осуществить свой разрушительный план, они оказались бессильными; так как ни в одной из держав организованный пролетариат не поддерживал единства их союза. Ни одна из капиталистических держав не успела до конца выдержать свой план удушения Советской России, потому что на русской почве французские и английские солдаты не были способны сражаться против Советской Республики. Если мы мысленно перечислим в каких отчаянных положениях была наша республика, когда она действительно одна стояла против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и как мы из всех этих тяжелых испытаний вышли вполне победоносно, то эти воспоминания дают нам ясный ответ в том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем план не новый, ничего похожего не имеющий с тем действительным всеоб'емлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана и это дает нам гарантию безнадежности осуществления этого плана, с точки зрения международного соотношения сил.

В настоящий момент некоторые державы в союзе с маленькими из пограничных с нами государств пытаются сделать то, что не удалось прежде сделать всем империалистическим державам в союзе со всеми пограничными государствами. Хотя мы видим здесь обломки прежнего империалистического плана, тем не менее и в них буржуазия особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что в столкновении с ними она борется за власть у себя дома, она знает, что несет перед собою не русский вопрос и не польский, а вопрос своего собственного существования.

Для нас всех ясно разногласие их интересов. Они не могут сделать ни одного серьезного шага, чтобы не разойтись в своих мнениях. Так, французам необходимо возрождение генеральской Польши, и они готовы для этого на все жертвы, а Англия, исходя из своего экономического положения, нуждается именно в раздроблении России и слабости Польши ради интересов своей торговли и колониальной политики.

Как бы ни уверяли представители в Сан-Ремо об единомыслии союзников, мы-то знаем, что между ними никакого согласия нет, мы знаем, что новый их план состоит из обломков того старого, который некогда об'единял всю буржуазию и с чисто военной точки зрения безусловно обеспечивал успех. Теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен. Польская буржуазия, за последние дни и недели каждым шагом раздробляет себя перед своими трудящимися массами, то же самое делают и ее более могущественные союзники. Они не могут ни одного шага сделать в своей политике последовательно, то об'являя войну Советской России, то сняв с нее блокаду, торжественно заявляя об этом от своего, якобы существующего союза, — от лиги наций. В буржуазной политике Польши не осталось ни одного обмана, который они не разоблачили бы сами, между тем, у нас, как в опыте февральской и октябрьской революции, так и дальше в опыте приготовления и развития международной политики, не имеется ни малейшего материала, подобно тому, которым пользуются те господствующие классы, которые, претендуя на выражения, якобы народной воли, на деле проявляют собственную политику и в каждый серьезный, трудный момент национальной жизни показывают физиономию дерущихся между собою буржуазных групп, конкурирующих между собою капиталов.

Ни в одной стране, ни в одном государстве рабочий класс, как бы он ни был революционен, не мог бы быть подвержен в такой степени коммунистической пропаганде и агитации, если бы эту агитацию не подтверждали своими практическими положениями господствующие классы — мелкобуржуазные и демократические партии страны. И то, что

Политическая катастрофа белой Польши.

Судьбе угодно было, чтобы первое решительное поражение поляки понесли именно на Украине. Оно не так чувствительно для нас в стратегическом отношении; может быть было бы гораздо важней, если бы мы овладели линией Бобруйск—Минск—Молодечно. Надо себе сказать об этом прямо.

Но мы ведем борьбу с поляками не только стратегическим, но также и политическим оружием. Нам мало разбить польскую армию, нужно открыть глаза польскому народу, наиболее ярко и выпукло представить перед ним преступления правительства, оказать давление на Антанту, на мелкие государства, на общественное мнение всего мира.

К весне после нашей победы над Деникиным на западном фронте установилось устойчивое равновесие. Как будто и Западная Европа, и Советская Россия помирились с фактом оккупации Польшей Белоруссии, Галиции и части Украины. Советская Россия готова была на мир с большими уступками.

И вот для своих правительству надо было отвергнуть эти уступки и начать наступление на Украину. Какое оправдание можно было представить для своих захватнических действий?..

Только то, что якобы Украина стонет под империалистическим московским игом и должна быть обязательно освобождена, что само население восстает против Советской власти и взывает о помощи.

В качестве представителя украинского населения порабощенного советскими империалистами, Польша выдвинула Петлюру.

И вот в каких-нибудь две недели поляки заняли огромную часть правобережной Украины с Киевом.

Конечно, то был страшный политический удар советским республикам.

Прежде всего пал престиж Красной армии, как боевой силы, так высоко поднятый победами над Колчаком и Деникиным. Это оживило надежды всех наших крупных и мелких врагов от Врангеля и Махно до держав Антанты.

Затем поляки усиленно раздули отдельные кулацкие выступления и работу петлюровских агентов в нашем тылу и превратили их в поголовное восстание всего украинского крестьянства, якобы никого знать не желающего, кроме польского пана и его союзника Петлюры.

И вот на удар поляков мы ответили ударом. Теперь уже у белой Польши отнят ореол непобедимости, теперь ясно для всего, что Советской Украине есть что противопоставить панско-петлюровской, теперь получается очень определенная картина: что сунувшиеся на Украину, в качестве освободителей, польские паны летят назад с окровавленной физиономией.

Огонь пожирает несметные запасы военных материалов и продовольственных складов, свезенных всеми правительствами Антанты на организацию нового контр-революционного похода против Советской России в Киев. На огромные суммы денег Антанта открыла кредит Колчаку и Деникину, сотни пароходов целые годы везли к белогвардейским портам грузы снарядов, пушек, патронов, обмундирования. Все это погибло или попало в наши руки.

Долго и усердно снабжали Антанта Польшу. И, оказывается, если не на ветер, то во всяком случае в огонь.

Нет положения более тяжелого, позорного и унизительного, чтобы после всех хвастливых и заносчивых статей, вот польской шляхты именно на Украине, куда она с такой помпой вылезла, пришлось получить первый и довольно внушительный щелчок от революционных рабочих и крестьян Советских Республик.

Украина слишком удалена от жизненных центров Польши, чтобы Киево-Житомирский погром сразу превратился для нее в общую военную катастрофу.

Но в политическую катастрофу он может превратиться. Потому что Украина и Галиция—ахиллесова пята белой Польши. Поражение под Киевом скажется на настроении не только антантовских министров и польских политических кругов, но также польского рабочего класса и, прежде всего, неимущих крестьян еще занятых польскими войсками территорий правобережной Украины и Галиции.

Их восстание против панского владычества было бы колоссальным результатом нашего политического успеха, огромным фактором по пути его развития.

Польская шляхта делала все от себя зависящее, чтобы создать для этого восстания наилучшую обстановку.

(„Коммунист". № 131).

Враг подлый, низкий и жестокий.

Л. Каменев.

Трудно найти слова для выражения того возмущения и негодования, которые охватят русский народ при вести о разрушениях, произведенных поляками в Киеве.

История мировой войны знает громкие примеры бесчеловечности, варварства и цинизма, но то, что сделала польская военщина в Киеве, превосходит по своей рассчитанной жестокости и безудержной мстительности все проделывавшиеся до сих пор героями мировой бойни.

Не имея сил справиться с войском, польское панство выместило все свое бессилие на слабых: на детях, женщинах и стариках Киева. Оно обрекло их на смерть, лишив воды, тепла и света.

Оно уничтожило памятник искусства—Киевский собор с всемирно-известной живописью Васнецова.

Великодержавный империализм польских авантюристов видел в Киеве центр своих упований. Потеря этого города знаменовала для польской военщины крушение всех ее широких планов. В отчаянии, в припадке бессильной мести, чувствуя, что терять ему нечего, сердце польских панов облило ядом издыхающей змеи свою злость на людей.

Перед нами, перед всем русским народом—не только враг, но враг подлый, низкий и жестокий.

Своим преступлением польские паны хотели бы навсегда создать непроходимую плотину ненависти между русскими и поляками. Они, ведь, не могли не знать, что весть об их неслыханном злодеянии разнесется по всей России и всюду и везде поднимет бурю негодования и гнева.

Но они достигнут другого: не против польских рабочих и крестьян, а против польского благородного панства, против польской наемной военщины и шляхты обратится эта буря негодования. У них и у их покровителей, у благородных английских лордов, пославших в Польшу зажигательные снаряды, и у высококультурных французских парламентариев, снабжавших Польшу „инструкторами", потребует отчета русский трудящийся народ.

Гибнущая панская Польша в Киеве подписала себе ужасный приговор. Она уходит в историю, клейменная именем грабителя, мародера и палача женщин и детей. В Киеве она предуказала свой собственный путь. И если там польская шляхта лишила воды, хлеба и крова сотни тысяч тружеников, то придет день, и варшавские магнаты, князья, помещики и фабриканты будут тщетно молить воды и хлеба, пощады и снисхождения у победоносной армии пролетариата, у грозных мстителей за низкое злодеяние проигравшихся авантюристов. Беспощадно взрывая господство варшавских злодеев, эта армия не уничтожит ни одного памятника искусства, не взорвет ни электричества, ни водопровода, но отдаст их во власть рабочих и крестьян Польши.

И пусть знает [illegible] Польши пан Пилсудский, что к нему русские и польские коммунисты применят жестокие и обрекающие слова:

Самовластительный злодей, тебя, твой [illegible]
Твою погибель, смерть детей я с злобной радостью увижу.

(„Изв.". № 127 — 13 июля).

Значение киевской победы.

Г. Зиновьев.

Нашей победой под Киевом, разумеется, совсем еще не исчерпана тяжба Советской России с белой Польшей. Но значение этой победы, тем не менее, — гигантское.

Важно не только то, что мы взяли Киев, — важно, то как мы его взяли, и как оставлял его противник. Когда мы были на Украине, мы слышали от очевидцев, при какой обстановке наши войска оставили на этот раз Киев. Киев как известно, не раз уже переходил из рук в руки. При этом значительная часть мелкой буржуазии всегда сопровождала уход наших войск злорадством, а иногда и прямо стреляла им в спину. Не так было на этот раз. Все, буквально все население города Киева провожало наши войска с искренним сожалением и сочувствием, и абсолютно у всех была полная уверенность в том, что наши войска скоро возвратятся. Нам передавали, что простые торговцы на киевском базаре, обсуждая вопрос о том, какие деньги будут теперь приниматься в Киеве, самым целостным образом высказывали то соображение, что советские ассигнации необходимо сохранить, так как все равно, месяца через два Советская власть вернется в Киев. Киевские торговцы не ошиблись. Население Киева было право, ожидая, что наши войска вернутся в город. Мы вернулись в столицу Украины раньше, чем этого можно было ожидать.

Господа Мильераны, Ллойд-Джорджи, капиталисты Антанты, пославшие пана Пилсудского, в глубине души и сами возлагали не так много надежд на этот исход. Они не позабыли еще судьбы Колчака, Деникина и Юденича. Но положение их тяжелое; революция в их странах нарастает с каждым днем. Они думали: авось на этот раз и из палки выстрелит, — может быть, пан Пилсудский сделает то, чего не могла сделать целая серия царских генералов. Взятием Киева этим надеждам нанесен серьезнейший удар. Западно-европейская буржуазия должна будет убедиться в том, что чудес не бывает, из палки не выстрелить и Пилсудский будет бит так же, как были биты Деникин и Колчак.

Но особенно знаменательно при какой обстановке уходили белые польские войска из столицы Украины. То неслыханное злодеяние, которое эти войска совершили, взорвав водопровод, электрическую станцию и [illegible] из памятников старины (Владимирский собор), свидетельствует не только о моральном уровне, но и о том, что польские паны не имеют ни малейшей надежды в близком будущем вернуться в Киев. Ответственность за эти зверские действия, которые [illegible] Реймского собора [illegible] рабочих всего мира, [illegible] ложится не только на хозяев Пилсудского, — на французских и английских капиталистов. И рабочие Запада и Европы, которые на этот раз так чутко поняли свою задачу, так [illegible] пролетарской солидарности, отказываясь перевозить военные грузы для [illegible] Польше, сумеют воздать по заслугам своим буржуазным правительствам, вдохновившим злодейский подвиг Пилсудского.

Разбойничьи действия Пилсудского наносят сокрушающий удар его союзнику, — пану Петлюре. Это будет осиновый кол в могилу „правительства" этого „головного атамана" украинских контрреволюционеров. Петлюра писал в своих универсалах, что он призвал польские войска на Украину для освобождения Украины, завоевания самостоятельности и [illegible] украинской культуры. И что же? Теперь каждый киевский обыватель, каждый украинский крестьянин знает, что приятели Петлюры начали „освобождение" Украины с того, что взорвали киевский водопровод, обрекши сотни тысяч жителей на неслыханные мучения, и совершили ряд других злодеяний, которые ставят их рядом с германскими разбойниками. Это откроет глаза и каждому. Это покажет раз и навсегда каждому украинцу, чего ему ждать от петлюровцев.

Киевская победа открывает новую страницу истории нашей борьбы с панской Польшей. Все, что есть честного на Украине, вся рабоче-крестьянская Россия и трудящиеся всего мира еще более наглядно увидят нашу правоту. Еще искреннее будет то сочувствие, которым окружена наша Красная армия еще яснее станет всему миру наша правота.

Польские паны обречены на гибель, полная победа не за горами — вот о чем говорит киевская победа.

(„Изв." № 127 — 13 июля)

Вельможные громилы.

(Беседа с тов. Данишевским).

Комиссар Реввоенсовета республики Данишевский, в беседе с сотрудником Роста, сказал следующее:

— 12-го июня наши доблестные красные герои вошли в Киев. Польские войска отступают вдоль жел. дор., и в отчаянных схватках стараются выйти из кольца стрелков красных кавалеристов. Вся винницкая группа польских войск окружена и прорывается на северо-запад, сопровождаемая смертельными ударами красных дивизий. В лучшем для поляков случае прорвутся из этой группы лишь наиболее растрепанные и деморализованные части. Почему видно, что нет у польских панов надежды на возвращение обратно в Киев? Когда Красная армия под давлением превосходных сил противника должна была оставить Киев, она ничего не уничтожила, ничего не взрывала. Станции учреждения, мосты,—все было оставлено в сохранности. Мы были уверены,—в этом не ошиблись,—что власть рабочих и крестьян снова восторжествует в Киеве и во всей правобережной Украине. У польских панов этой надежды нет и быть не может. И вот они, уходя, уничтожают и разрушают главную столицу Украины.

Взорваны железнодорожные станции, городская электрическая станция, многие учреждения, даже Владимирский собор. Повидимому, уничтожением Владимирского собора польские помещики хотели особенно подчеркнуть свое озлобление против украинского мужика, который бил и разбил панские войска под Киевом. Отступающие панские части бросают свои обозы, грабят у крестьян одежду с тем, чтобы, переодевшись, легче пробраться сквозь кольцо.

Великий бой под Киевом есть грозное предупреждение не только для панской Польши, но и для всей Антанты, поддерживающей польских громил и поджигателей, ибо вся тяжелая ответственность за наступление Польши против рабоче-крестьянских Украины и России лежит на Франции, Англии и Америке.

Задача нашей Красной армии—продолжать разгром польских войск. Гайсинская группа противника еще упорно продолжает сопротивляться. В северной части юго-западного фронта инициатива еще в руках противника.

На крымском участке барон Врангель, протяже Керзона и лакей Польши и Антанты, вырвался из своей берлоги—Крыма и угрожает Донецкому бассейну. Положение еще очень серьезное: ясно, что панская Польша, при поддержке в особенности Франции, попытается собрать силы, чтобы бросить их вновь против рабоче-крестьянской власти. Все внимание, все силы должны быть сосредоточены на западном фронте. Там панский пес изрядно потрепан, его надо бить и добить, а это достижимо только при всеобщем высшем боевом под'еме. Это будет и должно быть сделано. Вельможные громилы должны быть уничтожены, только этим рабочие и крестьяне спасут для себя и своего потомства свои памятники старины и истории, свои электрические станции, водопроводы, железные дороги и все созданное долгим и тяжелым трудом рабочих поколений. („Изв." № 127—13 июня).

Беседа с тов. И. В. Сталиным.

Третьего дня в Харьков возвратился член Реввоенсовет Республики тов. И. В. Сталин.

Тов. Сталин пробыл на фронте около трех недель: при нем началась и постепенно развивалась наступательная операция Красных войск, открывшаяся знаменитым прорывом польского фронта Красной конницей.

В беседе с сотрудником „Укроста" т. Сталин сообщил следующее:

Прорыв.

Говоря об операции нашей Красной конной армии на польском фронте в начале июня, многие сравнивают и этот прорыв фронта противника с рейдом конницы Мамонтова в прошлом году.

Но это совершенно неправильно.

Мамонтовская операция имела эпизодический, так сказать, партизанский характер, несвязанный с общими наступательными операциями армии Деникина.

Прорыв же Красной конной армии является звеном в общей цепи наступательных операций Красной армии.

Рейд нашей Красной конницы начался 5-го июня. Утром этого дня, свернутая в кулак, Красная конница ударила по второй польской армии, прорвала неприятельский фронт, рейдом прошла район Бердичева и утром 7-го июня заняла Житомир.

О подробностях занятия Житомира и захваченных трофеях уже сообщалось в печати и говорить об этом не буду, отмечу лишь кое-что характерное.

Реввоенсовет конной армии доносил штабу фронта: „Польская армия питает абсолютное пренебрежение к нашей коннице; мы считаем своей обязанностью доказать полякам, что конницу надо уважать". После-же прорыва т. Буденный пишет нам: „Паны научились уважать конницу, бегут, очищая пред нами дорогу, опрокидывая друг друга".

Результаты прорыва.

Результатом прорыва явилось следующее: вторая польская армия, чрез которую прошла наша конная армия, оказалась выведенной из строя; она потеряла свыше 1000 чел. пленными и около 8000 чел. зарубленными.

Последняя цифра мною проверялась из нескольких источников и близка к истине, тем более, что первое время поляки решительно отказывались сдаваться, и нашей коннице приходилось буквально пробивать себе дорогу.—Это первый результат.

2-й результат: 3-я польская армия (район Киева) оказалась отрезанной от своего тыла и очутилась перед опасностью быть окруженной; в виду этого началось ее общее отступление в направлении Киев—Коростень.

3-й результат: 6-я польская армия (район Подольска), потеряв опору на своем левом фланге, из боязни быть припертой к Днестру, начала свой общий отход.

4-й результат: С момента прорыва началось наше общее стремительное наступление по всему фронту.

Судьба 3-й польской армии.

Так как вопрос о судьбе 3-й польской армии для большинства не ясен, то на этом я остановлюсь более подробно.

Оторванная от своей базы и потерявшая связь, 3-я польская армия очутилась перед опасностью попасть в плен целиком. В виду этого, она начала жечь обозы, взрывать склады, портить орудия.

После первых неудачных попыток к отступлению в порядке она вынуждена была обратится в бегство (поголовное бегство).

Треть армии (всего в польской 3-й армии насчитывалось около 20.000 бойцов) попала в плен или была зарублена; другая треть ее, если не больше, побросав оружие, разбежалась по болотам, лесам,—рассеялась.

Лишь остальная треть, а даже меньше, успела проскочить к своим через Коростень.

При этом, несомненно, если бы поляки не успели своевременно подать помощь свежими частями через Шепетовка—Сарны, и эта часть 3-й польской армии была бы в плену или рассеялась по лесам.

Во всяком случае, надо считать, что 3-й польской армии не существует; те же остатки ее, которые добрались к своим, нуждаются в большом ремонте.

Для характеристики разгрома 3-й польской армии должен сказать, что все Житомирское шоссе завалено полусожженными обозами и автомобилями всех родов, причем количество последних, по донесению начальника связи, доходит до 1.000.

Нами взято около 70 орудий, не менее 250 пулеметов, громадное количество винтовок и патронов, еще не подсчитанное.

Таковы наши трофеи.

Положение на фронте.

Нынешнее положение на фронте можно обрисовать следующим образом: 6-я польская армия отходит, 2-я отводится на переформирование; 3-я фактически не существует, ее заменяют новые польские части, взятые с западного фронта и из далекого тыла.

Красная армия наступает по всему фронту, перейдя за линию Овруч—Коростень—Житомир—Бердичев—Казатин—Калиновка—Винница—Жмеринка.

Выводы.

Но было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено.

Ведь, мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, снабжающие поляков всеми видами довольствия.

Кроме того, не надо забывать, что у поляков имеются резервы, которые уже подтянуты к Новоград-Волынску, и действия которых несомненно скажутся на днях.

Следует также помнить, что разложение в массовом масштабе еще не коснулось польской армии.

Нет сомнения, что впереди еще будут бои и бои жестокие.

Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое сказывается у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат „о марше на Варшаву“,—другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на „Красной Советской Варшаве“.

Я не буду доказывать, что это бахвальство и это самодовольство совершенно не соответствуют ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте.

В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с Запада.

Это особенно подчеркивается наступлением Врангеля, явившимся, как „гром с ясного неба“, и принявшим угрожающие размеры.

Крымский фронт.

Не подлежит никакому сомнению, что наступление Врангеля продиктовано Антантой в целях облегчения тяжелого положения поляков. Только наивные политики могут верить, что переписка Керзона с тов. Чичериным могла иметь какой нибудь иной смысл, кроме того, чтобы фразой о мире прикрыть подготовительные работы Врангеля и Антанты к наступлению.

Врангель не был еще готов и поэтому (только поэтому) „человеколюбивый“ Керзон просил Советскую Россию пощадить врангелевские части и сохранить им жизнь.

Антанта очевидно расчитывала, что момент, когда Красная армия собьет поляков и двинется вперед,—в этот момент Врангель выйдет в тыл нашим войскам и разрушит все планы Советской России.

Нет сомнения, что наступление Врангеля значительно облегчило положение поляков, но едва ли есть основание думать, что Врангелю удастся прорваться в тыл нашим западным армиям.

Во всяком случае ближайшее будущее покажет силу и вес Врангелевского наступления.

(„Коммунист“ № 140—24 июня).

Конец весенней кампании.

(Военный обзор).

Главные действия на польском фронте за последние 8—10 дней сосредоточивались в двух направлениях—к северу от Припяти, попрежнему на виленском направлении, а к югу от Припяти в киевском районе.

В виленском направлении, после того, как противнику удалось оттеснить наши части на линию м. Поды, м. Даниловичи, м. Буделав, оз. Пелик, он сделал новые усилия, чтобы отбросить нас далее к востоку. С этой целью польские части свежими силами произвели натиск вдоль р. Дисенки и узкоколейки Поставы—Глубокое, одновременно ведя атаки вдоль железной дороги на Полоцк и в районе юго-западнее м. Березино. Наши части после упорных боев с превосходными силами противника должны были податься в северо-восточном направлении. По мере отхода Красной армии к полоцкому району длина фронта, атакуемого неприятелем, выпрямляясь, сокращалась, и сопротивление наших частей возрастало. В тесной связи с операцией на главном направлении началось наступление поляков и в дриссенском районе. В виду общих условий наши войска этого района также были отведены и заняли новые позиции северо-западнее г. Дисны.

Район, в который теснили нас поляки, представляет собой местность, дающую значительные удобства для обороны. Водораздел З. Двины и Березины, по которому проложен железнодорожный путь Полоцк—Молодечно и проходят лучшие дороги данного района, перерезается почти в меридиальном направлении последовательно двумя цепями рек и озер, а именно: линией р. Миюты, притока Дисенки, в 55—60 вер. юго-зап. Полоцка, и линией озер Жада, 20 в. юго-зап. гор. Дисны, Долгое и Сито, 40 вер. юго-зап. Полоцка.

Первоначально наши части отошли именно на рубеж р. Миюты, где после однодневного перерыва возобновилась атака противника. В результате двухдневных боев с превосходными силами поляков, переходя неоднократно в успешные контр-атаки, наши войска заняли новые позиции в 20 вер. сев.-зап. гор. Дисны и по линии озер Белое, Жада и Сито, удерживаясь в то же время на дорогах, пролегающих через верховья р. Березины.

На остальных участках фронта к северу от р. Припяти бои не получили большого развития. Более настойчивые

атаки велись нами северо-западнее гор. Борисова, но наши части, переправившиеся через р. Березину, были вновь оттянуты на восточный берег этой реки.

Таким образом, можно сказать, что на Белорусском участке польского фронта установилось равновесие, которое вновь должно нарушиться борьбой за захват инициативы.

К югу от Припяти развернулись события, которыя приняли оборот благоприятный для Красной армии.

Стремления противника на восток от Киева, вдоль Днепра и вдоль главной магистрали юго-зап. железных дорог были нами успешно ликвидированы. Успех нашей конницы в житомирском районе обеспечил нам благоприятную обстановку для общего наступления в киевском районе. Наши части, успешно форсировав р. Днепр в районе устья р. Тетерев, в результате упорных боев расширили плацдарм на правом берегу р. Днепра, захватив м. Чернобыль, Горностайполь, Иванков. Развивая свой успех в юго-западном направлении, наша чернобыльская группа выдвинулась к киево-коростельской жел. дороге и овладела участком ее в районе ст. Бородянка и к западу от нее. Одновременно наши войска левобережного участка, отбив атаки противника, возобновили наступление и настойчивыми атаками оттеснили польские части к Днепру, принудив их к переправе на западный берег реки. На этом участке нами взято много пленных и трофеев. Преследуя по пятам противника, доблестные красные части форсировали р. Днепр непосредственно южнее Киева, и в ночь на 12-е июня вошли в разгромленный многострадальный Киев. Общему успеху содействовал и дружный натиск наших войск таращанского района, которые, овладев ст. „Фастов", повели наступление в северо-восточном и восточном направлениях, результатом чего явился захват нами городов Белая Церковь и Васильков и выдвижение противника на линию местечек Игнатовка, Ясногородка, Брусилов, Ходорков.

Поляки и, вероятно, в особенности Петлюра придавали огромное значение удержанию Киева в своих руках, почему для его прочной защиты они сконцентрировали до 6 пехотных и одной кавалерийской дивизии польско-петлюровских частей. Вся эта группа войск, упорно обороняясь в непосредственной близости от Киева, неожиданным дружным натиском наших частей очутилась почти замкнутой в кольце Красной армии и мечется, поджимая хвосты своих колонн, то в северном, то в западном направлениях с целью пробиться сквозь толщу наших частей. Польские части сжигают свои обозы, рвут орудия, бросая их, грабят население. Но едва ли эти дикости помогут им выбраться из железных об'ятий Красной армии. Это вопрос ближайших дней.

Поражение польской армии в киевском районе и настойчивые атаки в гайсинско-вапнярском районе принудили польское командование к отходу на правом фланге своего фронта. Противник в полном отступлении на всем участке Гайсин—Вапнярка. Преследование его частей нами ведется энергично.

В общем итоге на исходе весенней кампании можно утверждать, что мы не только остановили польское наступление, но в значительной степени потрепали польскую армию и создали благоприятную стратегическую обстановку для летнего наступления. Захват же разграбленного, разрушенного многострадального Киева создал нам в связи с стратегической обстановкой лучшую политическую кон'юнктуру.

(„Изв." № 128—15 июня)



СОДЕРЖАНИЕ